

3/98

 MY

Гарик СУКАЧЕВ

МЫ

3/98

Основан в 1990 году

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ**

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Игорь ВАСИЛЬЕВ

(заместитель

главного редактора)

Сергей ЕСИН

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Аркадий ПЕТРОВ

Владислав ПРОНИН

Журнал зарегистрирован

Министерством печати и
информации

Российской Федерации.

Свидетельство № 0110486.

Учредитель — редакция журнала
«Мы».

Адрес для писем:

✉ Аб. ящик № 1, Москва, 107005.

☎ Контактные телефоны 150-11-97,
733-32-48.

Набор и верстка выполнены

в ИПК «МП». Зак. № 289.

Сдано в набор 26.02.98 г.

Подписано в печать 10.03.98 г.

Формат 84x108 1/32. Бумага
газетная.

Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 13,72.

Печать высокая. Тираж 26200 экз.

Заказ № 136

Московская типография № 13

Комитета РФ по печати

Денисовский пер., 30,

Москва, 107005.

© «Мы», 1998

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Василий Головачев. Не
верь, не бойся, не проси.
Роман из цикла «Катарсис».
Продолжение 9
Инна Кашежева. Бродячий
музыкант. Стихи 137

■ ПРОБА ПЕРА

Евгений Каленюк.
Никому! Фантастический
рассказ 141

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Проблема из конверта. Не
бойтесь влюбиться! На
письмо читателя отвечает
журналист Маргарита Рю-
рикова 145
Было ли прошлое целомуд-
ренным? Из цикла бесед с
сексологом академиком
Игорем Коном. Беседа пер-
вая 151
Письма в «Мы» 2
Ищу друга 173

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Гарик Сукачев: «Я перестал
быть человеком
тусовки» 159
Юрий Антонов: «К деньгам
отношусь серьезно» ... 186

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и
юмора 177

ПИСЬМА В «МЫ»

«ВНЕШНЕ ВСЕ ВЫ ПАЙНЬКИ...»

Зовут меня Наташа, мне 16 лет, а сподвигла меня написать вам письмо вот такая проблема. Дело в том, что мои подруги и ровесницы меняют ребят, как перчатки, и даже чаще. Когда я их спрашиваю: «Зачем вы это делаете? Ведь вы даже не успеваете узнать человека за такой короткий срок знакомства. Разве это интересно!» В ответ я слышу: «Наивная! А что же в молодости еще делать, как не гулять? Парни для того и существуют, чтобы развлекаться, а развлечения требуют разнообразия».

Я не утверждаю, что все девушки плохие, а я одна хорошая. Но, к сожалению, именно по моим ровесницам, которые любят погулять, парни судят обо всех нас и ставят нам самую низшую оценку.

Когда я попыталась как-то расспросить парня, с которым я встречалась, о его интересах и увлечениях, он бросил мне в лицо такие слова: «Да какая тебе разница, чем я интересуюсь и как провожу свободное время?

Ты ведь погуляешь, повеселишься — и уйдешь. Я не хочу перед каждой распинаться».

А вот мнение еще одного моего знакомого: «Внешне вы все пайнйки — ходите в музыкальную школу, занимаетесь балетными танцами, живописью... А парней вы только используете в своих целях — сегодня один, завтра другой... Мы ведь понимаем, что нужны вам только для развлечений».

Я смею утверждать, что это не так, что не все девушки жаждут от жизни и от парней только развлечений. Есть и такие, как я, которые хотят по-настоящему дружить. И надеюсь, что таких большинство.

Наташа
Москва

От редакции. Честно говоря, твоя проблема, уважаемая Наташа, кажется нам немножко придуманной. Вот ты пишешь: «Я попыталась расспросить парня, с которым встречалась, о его интересах и увлечениях, а он бросил мне в лицо...» — ну и дальше что он тебе бросил. Но прости нас, пожалуйста, уважаемая Ната-

ша: этот парень — просто хам. Но ты его терпела — а иначе что значат твои слова «...с которым я встречалась»? На какую тему, извини, ты с ним «встречалась»? И часто ли? И неужели он все время беседовал с тобой в таком же духе? Если ты хотела с ним по-настоящему дружить — наверное, ты бы не выбрала в друзья полного хама, который тебя, грубо говоря, «послал». А если он тебе нравился только как сексуальный партнер, мальчик для развлечений определенного рода, — ну что ж, его право не желать общаться с тобой на другие темы, кроме постели. Тогда его слова понятны. Это ведь другие отношения, которые вовсе не именуются дружбой. И ты, на них, выходит, идешь...

Может быть, не стоит тогда предъявлять претензии другим, а?

С КОГО БРАТЬ ПРИМЕР?

Я бы никогда не решилась вам написать, если бы не случай, который произошел летом во дворе нашего дома.

Однажды я увидела, как парни, лет двадцати — двадцати пяти, ловили бездомных кошек и били их головой о бетонные стены. А мимо проходили мужчины и женщины, делая вид, будто они ничего не видят и не слышат. Никто даже не попы-

тался остановить этих парней, вошедших в раж, а они орали, матерились и хохотали. Сделали попытку их урезонить только пенсионеры, которые целый день сидят у дома на лавочке или возятся с внуками. Но разве в наши дни кто-то прислушивается к голосу стариков.

Но, к счастью, все-таки нашелся молодой парень, который «укротил» тех людей, если вообще-то их можно назвать людьми.

Я все время помню о том, что в детском саду воспитатели, а в школе учителя нас всегда учили брать пример со взрослых. А эти живодееры нам тоже пример?

Я хочу обратиться ко всем взрослым, в частности, к родителям. Обратите внимание на своих детей, занимайтесь ими! Может быть, в эту минуту кто-то из ваших детей убивает хомяков, лягушек, кошек и т. д. Ваши дети могут вырасти плохими, жестокими людьми, способными на все, если вы не будете обращать на них внимание.

*Майя Ш., 14 лет
Без адреса*

Я НЕ ВЕРЮ, ЧТО НА СВЕТЕ МАЛО ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ!

Я выписываю журнал «Мы» с 1991 года и решила вам написать, потому что обнаружила, что

большинство писем, исповеди ваших корреспондентов, имеют много общего. И хотя за каждым откровением кроется чья-то жизнь, но даже жизни эти схожи. И я подумала, что если напишу вам, выскажу свои мысли, то, может быть, кому-то помогу.

Однажды в рубрике «Ищу друга» Николай, которому 21 год, написал, что порядочных девочек днем с огнем невозможно отыскать. Так же отзываются о парнях и девушки. А я с ними не согласна и хочу всех спросить: «А вы их хорошо искали? И где вы их искали? В подвалах, ресторанах, дискотеках?...» Там, вполне возможно, вы их и не найдете. А счастье с неба не так уж часто падает, так что придется все-таки смириться с тем, что порядочные парни и девушки живут среди нас — просто вы их не замечаете и они вам скорей всего даже не нравятся, потому что не бросаются в глаза и не ходят туда, куда ходите вы. А когда пишут, что нет порядочных девушек или парней, то, стало быть, признаются в том, что и сами пишущие — непорядочные. Я не верю, что на свете мало хороших людей! И если вы откроете глаза и внимательно посмотрите вокруг, то обязательно увидите того, кого нужно, кого хотите увидеть. Все пишут, что им не нравятся блатные пьющие парни и прокурившиеся девчонки «в штука-

турке». Но ведь никто не интересуется — почему они такие? Может, кому-то из них не хватило силы воли отказаться от первой рюмки, первой сигареты, и он втянулся, не смог остановиться. Создается такое впечатление, что все, кто пишет, сплошь сильные духом люди. А если вы все такие сильные, то попробуйте вытащить такую девушку или парня из дурной компании, отучите от вредных привычек. Поверьте мне, им совсем не хочется пропадать, им тоже совсем не безразлична собственная жизнь, — просто их затянуло это болото. Наверное, вы знакомы с «эффектом толпы», когда все кричат «ура!» или все травят одного человека, — вот так происходит со многими, кто попадает в компании курящих, пьющих, наркоманов. И если мы не сможем вытянуть их, вернуть к жизни, а будем только плевать на них, то не только порядочных, но и нормальных людей будет все меньше.

Таня, 15 лет
Курганская область

ЗАЧЕМ ОН ЭТО СДЕЛАЛ?

Пишу вам, потому что необходимость высказаться, поведать кому-то о себе уже давно созрела во мне.

Моя мать умерла, когда мне было тринадцать лет, — сейчас мне пятнадцать. Отец запил и редко приходил домой — его

часто видели валяющимся около винного магазина или в вырез-вители. Меня воспитывала бабушка и старший брат, который был рокером, но ненавидел даже запах спиртного.

Я рано начала так называемую самостоятельную жизнь — меняла компании и подвалы. День мой начинался тогда, когда весь город засыпал. Нет, я не стояла у «Интуриста», я всю ночь развлекалась, а утром, придя домой, ругалась с бабушкой и ложилась спать. В восьмом классе я бросила школу, а учиться в ПТУ не хотелось.

А потом мой брат, которому было девятнадцать лет, разбился на мотоцикле. Несколько дней после этой трагедии я не жила, но потом опять начались гулянки. Бабушка грозилась сдать меня в интернат, но я, как и она, понимала, что она никогда этого не сделает. Все соседи ненавидели меня и в спину говорили мне ужасные слова. Но мне было все равно.

Но вот я влюбилась, и он отвечал мне взаимностью. Мой мальчик буквально за уши вытащил меня из грязи, из общества подонков. Я ему очень благодарна, что он заставил меня поступить в техникум и следил, чтобы я не пропускала занятия. Благодаря ему мы с бабушкой сняли квартиру в другом районе, и я смогла начать новую жизнь, почувствовала себя человеком. У меня появились настоящие подруги, не пьющие и не курящие.

Но однажды я узнала, что он нашел себе другую девушку. И теперь я не могу понять — зачем он меня спас, вытащил из грязи? Не может быть, чтобы он сделал это только из жалости! Но ради какой цели? Кто мне даст ответ?

А. О.
Москва

От редакции. Ты сама, уважаемая читательница, ответила на заданный тобой вопрос: твой парень вытащил тебя из грязи, чтобы ты смогла почувствовать себя человеком, а это значит — жила полноценной жизнью, видела дневной свет, радовалась солнцу, а не темноте подвалов, дышала воздухом, а не вбирала в себя алкогольный и табачный смрад, исходящий от твоих бывших друзей.

Твой парень открыл тебе массу дорог, по которым ты теперь можешь идти, смело глядя людям в глаза, чувствуя себя полноценной девушкой, женщиной, достойной уважения, а не инвалидом, которым ты могла бы стать, или отбросом общества, как твой отец.

Печально, конечно, что он разлюбил тебя. Но ты, наверное, знаешь, что первая любовь чаще всего так и кончается, и в этом никто не виноват. Первая любовь дается нам как опыт, как возможность проявить себя, свои человеческие качества, подняться на много

ступенек выше во всех своих проявлениях.

И тот, кого ты любила, показал себя настоящим человеком, — он здорово помог тебе, определил твой жизненный путь, высоко поднял планку. И теперь ты знаешь, на что способен человек, который любит, и будешь всегда по поступкам, а не по словам судить о человеке, о его отношении к тебе.

Но и ты молодец! Ты многое преодолела, нашла в себе силы начать новую жизнь. И мы надеемся, что ты не свернешь с избранного тобою пути, почувствуешь ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь твоей бабушки и окружающих тебя людей.

Ты знаешь, одна женщина, у которой погибла вся семья, высказала прекрасную мысль: «Когда тебе плохо, сделай хорошо тому, кому хуже, чем тебе». Твой парень и эта женщина указали тебе путь: помоги кому-нибудь и ты стань человеком. В этом огромный смысл жизни и смысл любви, чем бы она ни кончилась.

Мы верим в тебя!

РОДИТЕЛИ НЕ ХОТЯТ ПОНЯТЬ МЕНЯ

Я пишу в журнал «Мы», потому что не знаю, у кого мне искать поддержки, и очень надеюсь получить от вас ответ или услышать доброе слово.

Все дело в том, что я не понимаю своих родителей, а они не хотят понимать меня. Мой отец совершил подлость — прочитал мой личный дневник и узнал, что я влюбилась. Мне он ничего не сказал, но я слышала, как он выговаривает маме. И если раньше меня отпускали куда угодно, но при одном условии, чтоб засветло я была дома, то теперь меня вообще никуда не отпускают — только за хлебом, а в остальное время не дают выйти даже за калитку. Хорошо, что у меня есть подружка, — она не дает мне умереть от одиночества.

Однажды мы сидели с ней в моей комнате и я закрыла дверь, чтоб не слышать звуки телевизора, который мешал нам разговаривать. Когда подруга ушла, родители устроили мне скандал, пытаясь выведать у меня, о чем я с ней секретничала. Теперь я не могу закрыться дома у себя в комнате.

Я все время нервничаю и ужасно ругаюсь с мамой. Она оскорбляет меня, а я ничего плохого не сделала и не заслужила таких слов, как тварь, собака, сволочь. Иногда мне хочется повеситься. Мама моя интеллигентный человек — педагог, и я никогда не могла подумать, что она так может себя вести. И хотя она остывает очень быстро и начинает звать меня доченькой, простить ее я не могу.

У меня появился комплекс — я не могу общаться с мальчи-

ми. Когда разговариваю с ними, то краснею, дрожит голос, я чувствую себя не в своей тарелке и обдумываю каждое слово, прежде чем сказать его. Одним словом, я не общительная и замкнутая. И хотя я не такая уж плохая девчонка, ребята не обращают на меня внимания, а мужики, когда я прохожу мимо, просто шеи сворачивают. А мне это неприятно и даже противно.

Надеюсь, вы поймете меня и что-то посоветуете.

Д., 15 лет.

Краснодарский край

От редакции. Очень жаль, что ты живешь далеко от нас и мы не можем напрямую поговорить с твоими родителями. Но, может быть, они услышат наш голос, и это поможет тебе установить с ними контакт и взаимопонимание.

Все дело в том, что многие родители думают, что их дети всегда будут маленькими, ведомыми за ручку. Но обязательно наступает время взросления, когда детей надо отпускать, отрывать от себя. К сожалению, не все родители готовы к этому, и если они занимались своим ребенком, не только кормили и одевали его (это делают и в детдоме), а разговаривали с ним на равных о жизненных проблемах, доверяли ему, то с ним ничего плохого не может случиться, потому что они воспитали,

сформировали человека, готового к жизни. А твои родители, как и многие другие, к сожалению, думают, что запретами можно оградить своего ребенка от жизненных трудностей. Они, конечно, делают это из лучших побуждений, любя, но не понимая, что запреты — это отсутствие веры не только в тебя, но больше всего — в себя, демонстрация своей беспомощности и бессилия перед твоим взрослением.

Попытайся, уважаемая читательница, объяснить своим родителям, что они могут помочь тебе только в том случае, если попробуют объяснить тебе, что им не нравится и почему они так не доверяют тебе. Ты выслушаешь их, а они должны выслушать тебя — только тогда вы сможете прийти к согласию. Ведь если подросток ищет понимания у других, а не в семье, — значит, родители лишились доверия, не смогли найти контакт со своим ребенком. А это приводит к непредсказуемым и даже печальным последствиям.

Взрослые люди часто забывают, что их дети растут в другое время, чем они, в другом обществе, они не буквальный слепок с их характеров — они совсем другие люди, а потому имеют право на свою жизнь. Конечно же, родители должны участвовать в жизни своих детей, но не командными установками и запретами,

не бесцеремонным вторжением в личные дневники и оскорблениями, а попыткой понять и разделить увлечения, радости и беды человека, который только начинает жизнь, если, конечно, они любят его по-настоящему. Но для этого надо забыть о родительских амбициях, не самоутверждаться на ребенке, а расти и меняться вместе с ним.

Увы, не все родители на это способны.

Запретить, конечно, легче чем попробовать понять. Но, требуя от тебя бездумного, рабского подчинения, лишая тебя человеческого достоинства, они не могут не знать, что восстания рабов всегда были самыми страшными, а потому и твое поведение непредсказуемо.

Наверное, твои родители воспитывают тебя по старинке — так, как воспитывали их. Но ты всегда можешь напомнить им, что их родители носили другую одежду, смотрели другие фильмы, а значит, жили по-другому. И ты тоже хочешь жить по-другому, имеешь право на свою отличную от их жизнь, и в этом нет ничего плохого.

Твои комплексы, конечно же, порождение родительского воспитания. Запретив тебе встречаться с тем, в кого ты влюбилась, они вслили в тебя страх, неуверенность, мысль о том, что ты собиралась сделать

что-то плохое. Но ведь это совсем не так, и ты это знаешь.

И мальчики-сверстники, которых ты стесняешься, такие же, как ты, — у них масса своих проблем и комплексов. Просто мальчики совсем другие, по другому устроены, чем девочки, и часто за их развязностью, грубостью и бойкостью скрываются очень ранимые души.

Посмотри на них внимательно, и ты обнаружишь, что у вас есть много общего. Попробай преодолеть робость — первая заговори с мальчиком, не жди от него ничего плохого, и тогда он тоже увидит в тебе то, что не мог разглядеть из-за твоей неуверенности в себе.

Есть воспитание воли, ума и тела, а есть еще и воспитание чувств. Его можно получить, только общаясь с тем, кого любишь, или кого уважаешь, кто разделяет твои взгляды.

И мы от всей души желаем тебе не обязательно полюбить, а хотя бы подружиться с каким-нибудь мальчиком, который бы понял тебя. Позови его в гости, познакомь с родителями, и они увидят, что ты способна на поступок, что ты взрослая, и у тебя — хотят они этого или не хотят — есть право на свою жизнь. Если они не изменятся, то все же смирятся с этим, если не захотят потерять тебя насовсем.

Успехов тебе!

НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ

Роман из цикла "КАТАРСИС"

ЖУКОВКА. КРУТОВ

Светящееся снежное поле... ночь... звездный купол неба... торжественная морозная тишина... дорога с цепочкой телеграфных столбов... и тихий гул проводов, который можно слушать долго-долго, ни о чем не думая, ничего не желая, кроме бесшумного полета над бесконечным заснеженным полем...

Крутов очнулся.

Никакого снежного поля, никаких столбов с проводами (память детства), никаких звезд - тюремная камера с рядами двухэтажных нар и зарешеченным окном высоко под потолком. И гул в ушах - не от звенящих от мороза проводов, а гул крови в многострадальной голове, получившей немало ударов утром, днем и вечером.

Крутов пошевелился, соображая, что лежит на одной из коек нижнего яруса, повернул голову и встретил внимательный взгляд длинноволосого - волосы собраны в пучок на затылке - молодого человека с буквально светящимися прозрачно-голубыми глазами.

- Живой? - вежливо спросил молодой человек.

- Странно... - пробормотал Егор, прислушиваясь к себе. - Помню, как били, но ничего почти не болит... только в голове звон...

- Я вас немножко подпитал, энергетически, не сердитесь.

- За что же? - Крутов задержал взгляд на лице парня, излучавшем удивительное, непоколебимое, наполненное внутренней силой спокойствие. - Кто вы?

- Меня зовут Ираклий, Ираклий Кириллович Федотов, если угодно. А живу...

- Эй, сявки, кончайте базлать, человеку спать мешаете.

Ираклий и Крутов посмотрели на говорившего, переглянулись.

- Блатные, - понизил голос Ираклий. - Позавчера задержали, за ограбление. Права качают.

- Чмо, тебе говорят! Облома захотел?

Крутов оглядел компанию.

Продолжение. Начало в № 2.

Их было четверо, неуловимо похожих друг на друга, как шишки одной сосны, угрюмых, обветренных, с застывшими с т а р ы м и лицами, хотя возраст самого старшего из них вряд ли достигал пятидесяти лет. Один спал, укрытый простыней, трое тихо играли в карты, раздетые по пояс. Тот, кто оборвал разговаривающих Ираклия и Егора, был худ, но жилист, с волосатой грудью, не загорелый, а какой-то темный, словно кожу его специально дубили. На плече у него красовалась цветная наколка: синий мужской член в зеленом лавровом венке и две красные ладони.

- Им место не в КПЗ, - сказал Егор, - а где-нибудь на Колыме. А вы как сюда попали?

- Что-нибудь о РОЧ слышали? Российский Орден чести. Я магистр Жуковского отделения РОЧ.

Крутов присвистнул.

- Каким же образом вы оказались в камере?

Темнотелый татуированный "братан" что-то сказал соседу, огромному пузану с висящими грудями, и тот, тяжело ступая, подошел к нарам, где сидели Егор с Ираклием.

Камера притихла. Кроме уголовников здесь находилось еще четверо: лысый дедок, свернувшийся калачиком у параша, двое молодых парней с бритыми головами и мужчина средних лет, спавший на койке верхнего яруса.

- Жить надоело, бобики? - Пузан протянул пухлую руку к Ираклию, и Крутов аккуратно, не вставая, ударил его ногой под колено.

Пузатый присел и едва не упал, хватаясь руками за стояк нар. Выпучил глаза.

- Ты чё, оборзел, баклан?!

Двое его приятелей перестали играть, посмотрели друг на друга, бросили карты и подошли к месту инцидента. Крутов сел, прикидывая, кого отключать первым, но голубоглазый магистр Ордена чести остановил его жестом и повернулся к уголовникам, не вставая с места, глянул в бешеные глаза татуированного.

- Успокойтесь, господа, все нормально. Мы будем разговаривать тихо.

Несколько секунд длилось тяжелое молчание, потом татуированный лидер повернулся и сел на место возле тумбочки в углу камеры.

- Тасуй, Кощей.

- Ну, фрайер, я тебе еще... - прохрипел толстяк, кидая на Крутова выразительный взгляд.

Троица снова принялась шлепать картами.

- Ловко вы их, - покачал головой Крутов. - Владеете психическим дальнодействием? Гипнозом?

- Можно сказать и так, - улыбнулся Ираклий; улыбка у него была очень приятная: вежливая, дружелюбная, чуть извиняющаяся и в то же время гордо-уверенная, как бы предупреждающая. - Я с раннего детства занимался тем, что называется сейчас трансперсональной психологией и НЛП - нейролингвистическим программированием. Раньше это называлось гармонизацией человеческого духа с принципами Вселенной. Я исповедую эту философию уже тридцать пять лет.

- Тридцать пять?! Пойдите, - Крутов нахмурился, - сколько же вам тогда лет?

- Сорок, - блеснул улыбкой Ираклий.

- Вы случайно не занимались боевыми искусствами?

- Совсем не случайно. В принципе вся моя жизнь - это путь Воина, а Орденом я занимаюсь всего второй год по совету моего друга Сергея Моисеева. Имя знакомо?

- По-моему, он президент Международной Ассоциации контактного каратэ...

- И гроссмейстер Международного Ордена чести, кавалер Креста чести.

- Понятно. И вы уехали из Москвы...

- У меня в Жуковке родственники, а работать можно и нужно везде, в том числе и в провинции.

- И все же непонятно, как вы оказались здесь, в камере.

- Вы же тоже попали сюда, хотя явно не принадлежите к криминальному миру. Говорят, вы кого-то убили?

- Кое-кто решил предъявить мне счет... хотя я никого не убивал. Крутов Егор. - Полковник сунул руку Ираклию.

Тот пожал руку, слегка поклонился.

- Очень приятно познакомиться. Я слышал, что вас обвиняют в убийстве, но не поверил. Расскажите - как все произошло?

- Сначала вы.

Ираклий дернул уголок губ, пряча улыбку.

- Конечно. Все очень просто. РОЧ - организация общественная, но официально зарегистрированная, ей необходим офис или хотя бы помещение. В декабре прошлого года мы арендовали у Райкомимущества весь второй этаж бывшего Жуковского Дома культуры. Как положено, составили и подписали договор, заплатили за аренду за год вперед. А в начале июля нас начали выселять.

- Почему? Вы же заплатили.

- Вот и я задал тот же вопрос. Мне ответили, что расценки аренды изменились, а поскольку мы вовремя не доплатили - извольте покинуть помещение.

- А в инстанцию повыше не ходили?

- Не успел. Приехали крутые парни в униформе "деловых людей": черный пиджак, серые брюки, галстук в горошек, туфли а ля

"копыто лошади", - и нам пришлось защищаться. Первый натиск мы выдержали, как-никак, у нас все документы в порядке, а второй раз они приехали рано утром, связали сторожа, взломали двери, начали выбрасывать наши вещи, мебель, аппаратуру...

- Беспредел! Но ведь должна быть какая-то причина такого наглого вторжения.

- О, конечно, причина есть. У брянского мэра есть брат, "новый русский", ему и приглянулись наши апартаменты под свое представительство, а может быть, под какую-нибудь фирму. Я знаю, что он начал скупать дома и земли в деревнях района, якобы для создания сети современных магазинов и строительства клубов, но так ли это на самом деле - не проверил.

- А в Ковалях он случайно не купил хату?

- По-моему, да, приобрел.

- Его не Борисом кличут?

Ираклий внимательно посмотрел на Крутова.

- Ты с ним знаком?

Егор покачал головой.

- Как тесен мир! Он наехал на меня в первый же день, как только я приехал к родственникам. Но тогда получается, что его брат-мэр - муж Елизаветы?!

Ираклий продолжал выжидающе смотреть на Крутова, и тот, мрачней, рассказал ему историю своих отношений с Борисом Мокшиным, не вдаваясь в подробности.

- Ты не знаешь, куда поместить Лизу?

- К сожалению, нет. Здесь есть женская камера, но кто там сидит, не интересовался.

Крутов поморщился, потер виски пальцами, чтобы снять боль от поднявшегося волнения, подумал и лег.

- Что, голова заболела? - спросил Ираклий. - Хочешь, научу снимать любую боль и даже вообще ее не чувствовать?

- Да я вроде и сам умею.

- Изучал систему или научил кто?

- Приходилось по роду деятельности заниматься китайским ци-гуном.

- Хорошая система, особенно если знать "рубашки", но есть получше. С лунг-гом не знаком?

- С чем его едят?

- Это тибетская система психофизических тренировок. Тебе, как подготовленному человеку, овладеть ею будет легко.

- Спасибо, будет время, расскажешь и покажешь.

- С удовольствием. Только мне кажется, что ты здесь не удержишься.

- А ты рассчитываешь сидеть долго?

Они перешли на ты, не заметив этого.

Ираклий улыбнулся.

- Больше пяти суток они не имеют права держать меня здесь, но уж очень сильно я обидел команду крутых мальчиков Бориса. У тебя ко мне еще личные вопросы имеются?

Крутов понял.

- Что ты хотел узнать от меня?

- Где ты работаешь?

- Сейчас нигде, уволился... по состоянию здоровья, как написано в приказе. А работал в спецназе эсбэ, полковник.

- Я понял, что ты профессионал, еще когда лечил тебя. Что там произошло, на допросе, что вся милиция на уши встала? Кстати, похоже, тебя несколько раз долбили электрошокером. Я обнаружил на шее и на спине специфические пятна и рисунки.

Егор вспомнил сцену на допросе.

В кабинете следователя, куда его доставили из КПЗ, находились три человека: красивый седоватый капитан, оказавшийся начальником милиции, молодой, но какой-то серый, замученный то ли жизнью, то ли болезнями, следователь и верзила-омоновец с лейтенантскими звездочками. Видимо, это его подразделение и приезжало за Крутовым в Ковали.

Егора посадили на стул посреди комнаты, и следователь начал задавать вопросы, умело оперируя фактами происшествия на складе ГСМ. Было видно, что он хорошо знает, что именно там произошло.

Отвечал Крутов коротко, почти не задумываясь, гадая, зачем в комнате присутствуют еще двое милицмейских начальников. Однако это он понял уже через минуту, когда в допрос вмешался капитан и задал тот же вопрос, что и следователь в начале разговора:

- Имя, фамилия?!

- Егор Лукич Крутов, - ответил Егор и, не удержавшись, добавил. - Вы же забрали мои документы, там все написано, или читать не умеете?

- Отвечать без рассуждений! На кого работаешь на самом деле?

- На китайскую разведку, - с иронией ответил Егор и тут же получил удар по уху, сбросивший его со стула.

- На кого работаешь, скотина?! Быстро!

Крутов полежал на полу, справляясь с головокружением и шумом в голове, потрогал ухо, глянул снизу вверх на возвышавшегося над ним, как башня, омовца, спросил безразличным тоном:

- Ты случайно не бейсболист?

- Встать! - рявкнул капитан.

Егор встал, поднял глаза на лейтенанта.

- Еще раз ударишь, сверну шею, понял?

- Ты еще хамишь, паскуда?! - удивился начальник милиции. - А ну-ка, Онопченко, осадил бандита!

Лейтенант шагнул к Егору, схватил его за плечо и попытался, надавливая на ключицу, усадить на стул. Крутов убрал плечо, перехватил мощную руку омоновца, мгновенно заблокировал предплечьем и нанес точный удар в шею, называемый в каратэ кодзэку - "коготь и крыло". Лейтенант дернул головой и, наверное, упал бы, не поддержи его Крутов. Егор отвел омоновца к столу и усадил на второй свободный стул. Сам же вернулся и сел на стул посреди комнаты. Все произошло так быстро, что ни капитан, ни следователь не успели среагировать, да и потом просто сидели и смотрели то на Егора, то на гаранта своей безопасности, закатившего глаза.

- Собака бешеная! - первым опомнился начальник милиции. - Ты что же это себе позволяешь?! Нападение на работника милиции при исполнении...

- Капитан, - проникновенно сказал Крутов, - тебе не страшно связываться с конторой, в которой я служу? Она же от тебя мокро-го места не оставит. Я же со своей стороны, когда выйду, а я обязательно выйду, обещаю, что угрожаю весь твой сраный ОМОН, ворвавшийся ко мне в дом. Я таких вещей не прощаю. Может быть, лучше будем сотрудничать? Я ведь много чего могу рассказать о бандитах, отдыхающих на складе ГСМ. Это именно они напали на Ковали, чуть не застрелив деда и избив старуху.

Начальник милиции побледнел, глянул на растерявшегося следователя, и кто знает, что он предпринял бы дальше, если бы не вмешался пришедший в себя командир взвода ОМОН. Он помотал головой, взревел и бросился на Крутова, доставая с пояса пистолет. Понимая, что сопротивление работникам милиции будет поставлено ему в вину, но не желая пассивно ждать избиения, Егор принял предлагаемый сценарий действий.

Не вставая со стула, он ударом ноги в живот остановил омоновца, а вторую ногу (прием "ножницы") впечатал ему в скулу. Верзила отлетел к столу, сбивая с него телефон, чернильный прибор и бумаги, но пистолет не выронил, обучен был таким вещам. Он, наверное, мог бы и стрельбу начать, однако вскочивший капитан остановил лейтенанта и вдавил кнопку вызова дежурного.

В помещение вбежали двое парней в камуфляже, за ними сержант милиции, и дело приняло другой оборот. Крутов отскочил к стене, выставил вперед ладони.

- Все, все, сдаюсь, давайте поговорим спокойно...

Но его схватили за руки, надели наручники и по команде лейтенанта начали избивать: один омоновец имел дубинку, второй - электрошокер. Зажатый в угол, Егор сопротивлялся некоторое время, разбив омоновцу лоб, а второму сломав нос, однако силы были не равны, в схватку вмешался лейтенант и, выждав момент, ударил Крутова по затылку рукоятью пистолета. Затем, упавшего, его с минуту били ногами, пока он не потерял сознание...

- Они что же, не поверили, что ты полковник? - помолчав, спросил Ираклий, когда Егор закончил рассказ.

Крутов качнул головой.

- Им нужен козел отпущения, на кого можно многое свалить. Они будут из кожи лезть, чтобы доказать мою вину.

- А ты действительно был на складе?

Крутов встретил заинтересованный взгляд магистра Ордена чести и вдруг под влиянием импульса, поверив в его искренность и достойное отношение, принялся рассказывать историю своего появления в Жуковском районе. Закончив, тут же пожалел о своей откровенности, не понимая, чем она была вызвана, но реакция Ираклия его несколько успокоила. Тот остался задумчиво-спокойным, и в глазах его не было сомнений и недоверия.

- Да, влип ты крепко, - сказал он. - Им будет легко доказать, что ты был на складе, свидетелей - хоть отбавляй. И ты слишком много знаешь, чтобы они тебя выпустили.

- А ты случайно не интересовался, что за воинская часть прячется в лесах за колючей проволокой? И воинская ли?

- Кое-что слышал, - уклончиво ответил Ираклий, - но это лишь слухи. Говорят, что там находится какой-то военный полигон, оружие новое испытывают. Но сам я в тех местах не бывал и свидетелей испытаний не встречал.

- Понятно, - разочарованно пробормотал Крутов. - Действительно, солидная вывеска - полигон... если только не фальшивая. А я думаю, что фальшивая, потому что те, кто сидит в зоне, действуют слишком по-бандитски, келейно, оглядываясь по сторонам. Настоящие армейские профи вызвали бы меня к себе или приехали бы ко мне и спокойно дали бы понять, что охраняют гостайну, я ведь не хрен с бугра, а все-таки полковник ФСБ... хотя и бывший. О чем мало кто знает. Ладно, разберемся. Знаешь, что меня поразило после нападения бандитов на деревню? Реакция сельчан. Как-то народ воспринял случившееся слишком просто, будто ничего особенного не произошло. Ну, постреляли, пошумели, избили кого-то, ну ранили... и все! Посудачили и разошлись.

- Привык народ к беспределу.

- Но ведь это страшно! Страна становится не просто криминальным "раем", но государством террора! В последнее время нас вызывали для захвата тер... - Егор осекся.

Ираклий смотрел на него с улыбкой, хотя взгляд его оставался строгим и оценивающим.

- Договаривай, хотя я и так догадался, что ты в пятом управлении работал, спецподразделение "АТ". Угадал?

- С умным человеком и поругаться приятно... - Крутов закрыл глаза, полежал немного, стиснув зубы, оживился. - Ты не из нашей конторы, часом, коль знаешь такие вещи?

- Не из вашей, - засмеялся Ираклий, - Но из родственной. И тоже полковник... в отставке.

Засмеялся и Крутов.

- Родственные души, значит?... Рассказал бы ты о своем Ордене, все же любопытно, чем вы там занимаетесь.

Раздался звук зевка. Беседующие оглянулись.

Спящий под простыней человек зашевелился, сбросил простыню, сел, помассировал затылок, глянул из-под тяжелых век на Крутова с Ираклием, сказал хрипло:

- Эй, вы, двое...

Крутов оглядел уголовника, вызывающего уважение не только габаритами и массивным, бугристым от мышц, торсом, но и татуировкой на груди, изображавшей батальную сцену морского сражения, выколотую с большим мастерством. И взгляд у мужика был очень нехороший, недобрый, тяжелый, с легким флером безумия, говоривший о полном пренебрежении к нормам человеческого общежития.

- Подойдите, - поманил он приятелей толстым пальцем.

Ираклий хотел что-то сказать, но Егор опередил его:

- Сам подойди, если чего надо.

В камере установилась пугливая тишина.

- Я же говорил, оборзели, фрайера! - негромко произнес темноты зэк с татуировкой на плече.

- Что ж ты их не успокоил? - буркнул вожак, не поворачивая головы.

- Да мы...

- Засохни!

Вожак соскочил на пол со второго яруса нар с грацией медведя, встал во весь рост. Тело его напоминало ствол эвкалипта: грудь, талия и шея казались одной толщины, а руки походили на узловатые корни. Вероятно, этот экземпляр человеческой породы был очень силен.

- Бардадым... - вспомнил Крутов старика-водителя из Выселок. - Снежный человек.

Они переглянулись с улыбками, отлично понимая друг друга.

- Пошли, - почти нежно проговорил "снежный человек", - поговорим с парашютистами.

Игравшие в карты уголовники с готовностью встали за спиной вожака, и тот направился к продолжавшим сидеть Ираклию и Крутову, одетый в спортивные штаны с надписью "адидас". Остановился в метре от койки, на которой сидел Ираклий. Крутов стал приподниматься, но Ираклий остановил его жестом.

- Дурь есть? - тяжело спросил вожак.

* Парашютист - заключенный, который выносит парашу (тюремный жаргон).

- Откуда? - пожал плечами Ираклий. - Мы тут люди случайные. Да ты успокойся, король, хочешь держать зону - держи, мы не препятствуем, - тон Ираклия внезапно изменился, похолодел, - но и нас не тронь!

Вожак лениво почухал себя за ухом, так что заиграли чудовищные мускулы на руке и плече, перевел взгляд с Ираклия на Крутова, задумчиво сплюнул. Было видно, что ему что-то мешает чувствовать себя хозяином положения.

- А если мы вас попишем, а ночью мокруху спроворим?

Пузан с пухлыми руками и грудью услужливо подsunул главарю самодельный нож-заточку, сделанный из напильника.

- А если мы в ответ устроим кипеж? - кротко сказал Ираклий.

Вожак хмыкнул, повертел в пальцах нож, все еще пребывая в нерешительности, как ему поступить, чтобы не потерять лицо: эти двое явно его не боялись, - и вдруг выбросил вперед руку с ножом, норовя попасть в глаз Ираклию. В ту же секунду Крутов, поймавший кровавый блеск в глазах вожака, змеиным движением перебросил тело на другую сторону койки, а Ираклий, отклонившись, легко отбил удар и вонзил два пальца в глаза вожака. Одновременно с ним атаковал противника и Крутов: захватив голову татуированного за затылок, ударил его лбом о стойку нар, пузатого игрока толкнул в грудь "лапой тигра", а третьего просто сбил с ног коленом.

Нож из руки вожака выпал, а сам он схватился за лицо, но не закричал, лишь утробно ухнул, отшатываясь, и, мелко переступая ногами в кроссовках (он так и спал в них!), попятился в проход, натываясь на своих охающих сподвижников. Остановился, вытирая слезы, раскрыл покрасневшие глаза, исподлобья глянул на спокойно стоявших плечом к плечу полковников.

- Вам хана, люди! Я вам устрою шитвис...

Он не договорил. Крутов, подобрав нож, метнул его между уголовниками, так что тот пролетел мимо них и вонзился в тумбочку.

Компания обменялась понимающими взглядами, отошла в свой угол и успокоилась. Ираклий и Крутов сели на койку, посмотрели друг на друга.

- Профессионально бросаешь ножичек, - похвалил Ираклий.

- Да и ты не слабо дерешься, - хмыкнул Крутов. - Я не заметил, что ты сделал, хотя владею темпом.

- Тренировка.

- Лунг-гом?

- И она тоже. Образ жизни.

** Дурь - наркотик.

*** Держать зону - быть неофициальным лидером среди заключенных,

- Хитришь ты, полковник. Путь Воина, которым ты идешь, не декларация, это действительно образ жизни, который предполагает постоянное участие в драке. Все равно какой - спортивной или реальной. А судя по твоим кондициям, ты человек боя.

- Полковник, ты неплохой психолог, но слишком прям. Тебе это наверняка мешает в жизни. Наверное, из службы за просто так не увольняют, где-то ты проштрафился? Или сказал что-то невпопад, или приказ выполнил по-своему.

Крутов усмехнулся.

- Кажется, мы достойны друг друга. Когда-нибудь я расскажу тебе, по какой причине я ушел в отставку. Кстати, я не одинок в этом вопросе. У меня появился приятель, бывший майор ОМОН, которого тоже уволили... за некие грехи. Так вот он в отличие от меня продолжает работать.

- Каким образом?

- О "дорожных мстителях" не слышал? У него бандиты убили сестру, и он решил мстить. Собрал бригаду из шоферов, пострадавших от грабителей и убийц, и теперь колесит по дорогам отечества, "мочит" всех без суда и следствия. И совесть его чиста.

Ираклий задумчиво подергал себя за нос.

- Я его понимаю, хотя сам придерживаюсь другой точки зрения. Злобных, агрессивных людей, садистов и убийц убивать нельзя, так как их ущербные души слишком рано обретают свободу и возвращаются в мир, чтобы овладеть новыми жертвами.

- Ты веришь в теорию реинкарнации? В устах бывшего полковника это звучит несколько...м-м, необычно.

- Вера - лишь одна из ступеней Лестницы Иакова, - засмеялся Ираклий, - причем самая первая. Всего же ступеней семь. Человек, поднявшийся по всем семи, становится воплощением Бога. Но начинать надо с первой, с Веры.

- В Бога?

- В человека.

- Я читал, - кивнул Крутов, - но как-то не задумывался над практическим воплощением Лестницы. Семь ступеней - это Вера, Надежда, Любовь, Чистота, кажется, и... э-э... Смирение...

- Благодать и Слава. По сути, Лестница Иакова - это лестница самосовершенствования и самореализации человека. Но вряд ли последние две ступени одолимы человеком, даже адептом духовного Пути. Даже магистром Ордена чести. - Ираклий подмигнул Егору, подшучивая над собой.

Крутов хотел расспросить его о каноническом смысле Лестницы Иакова, однако в это время загремели запоры на двери камеры и тюремщик возвестил:

- Собирайсь на ужин!

Возникла небольшая заминка. Обычно первыми из камеры выходили уголовники, привыкшие считать себя "тюремной элитой",

но на сей раз все четверо сначала посмотрели на Егора и его собеседника, как бы признавая их первенство - сработал закон силы, - и лишь потом, увидев, что они не торопятся, зашевелились, воспрянули духом и важно прошествовали к выходу. Крутов встретил иронический взгляд Ираклия, подмигнул ему, и они вышли следом.

Столовая в местном СИЗО была небольшая, всего на двадцать человек, поэтому уединиться было негде, стол здесь был один, и беседовать не хотелось. Лишь поужинав: овсяная каша, хлеб, чай, - и дойдя до камеры, бывшие полковники заговорили, и Ираклий наконец рассказал Крутову историю создания Ордена чести и объяснил его цели.

Егор узнал, что кавалером Ордена может стать каждый человек, добровольно подчиняющийся правилам и дисциплине Ордена, соблюдающий его иерархию и этику вне зависимости от положения, которое он занимает в обществе. Главным же условием продвижения кавалера по иерархической лестнице Ордена было соблюдение "принципа мушкетеров": один за всех - все за одного! А также признание постулата: честь служения Ордену - выше любых должностей!

- Ну хорошо, звучит красиво, - сказал Крутов. - Однако каждый понимает слово "честь" по-своему. Какой смысл вкладываете в него вы?

- Толкование смысла этого слова может быть только одно, - возразил Ираклий. - Честь означает гармоническое соединение нравственного, разумного и волевого начал - это я цитирую Кодекс кавалеров Ордена, - следование пути, определенного этическими нормами человеческого опыта. С честью несовместимы проявления трусости, малодушия, слабости, лживости, алчности, моральной распущенности, унижения одного человека другим. Или ты не согласен?

- Согласен, - вздохнул Егор, вспоминая историю своих отношений с Елизаветой, - только где вы отыщете таких идеальных кавалеров? Существуют ли они в природе вообще?

- Существуют, - кивнул оставшийся серьезным Ираклий, - один из них перед тобой. - Веселая искра в глазах говорившего явно относилась к реакции Егора. - Среди кавалеров Ордена немало офицеров, как действующих, так и в отставке, ребят, воевавших в Афгане, Чечне, Абхазии, Молдове, но есть и ученые, писатели, актеры и даже политики.

Крутов скептически поджал губы.

- Политика - дело грязное. Неужели в ваших рядах наблюдаются честные политики?

- По большому счету ты прав. Еще Конфуций сказал: честные речи и любезный вид редко сочетаются в людях. И все же среди кавалеров Ордена чести есть и политики.

- Кто же, если не секрет?

- Моисеев Сергей Евгеньевич, например, Лебедев Александр Иванович, ряд политиков помоложе.

- Ну, хорошо, допустим. Но я так и не разобрался, каких целей добивается ваш Орден, чем занимается.

- Высшая цель Ордена - влияние на судьбу страны, на выбор стратегии развития. Если хочешь - споспешествование росту духовного потенциала народа.

- Ни больше, ни меньше, - с иронией поднял бровь Крутов. - Сам-то ты веришь в достижение столь значимых целей? К слову, как ты представляешь себе "споспешествование росту духовного потенциала"?

- Выход один, - Ираклий вдруг погрузился, - создание воспитательно-этических систем. Этот путь очень долг и труден, но он единственно правильный. И мы - в самом начале пути. Мы создаем детские сады, гимназии, школы, клубы по интересам, спортивные базы, работаем с правоохранительными органами, военкоматами и армией, отдача слабая, но она есть.

Крутов сделал вид, что переваривает информацию. Впечатление, сложившееся у него от всей беседы с Ираклием Кирилловичем, что Орден чести - лишь "крыша" какой-то "новомасонской ложи", укрепилось окончательно. Уж больно зрурированным был этот бывший полковник, ставший магистром районного Ордена, слишком свободно он оперировал понятиями психологического программирования и чересчур профессионально владел рукопашным боем. Вслух же Егор сказал:

- Как ты думаешь, спать можно спокойно или лучше по очереди подежурить?

Ираклий оглянулся на примолкшую в углу четверку уголовников, подумал и решил:

- Лучше подежурить.

МОСКВА. ДЖЕХАНГИР

Дубневич позвонил в семь утра, когда Мстислав Калинович принимал душ в своей роскошной ванной с гидромассажем. Ванна была подстать роскошной шестикомнатной квартире, расположенной на Новой Басманной, напротив церкви святых Петра и Павла, но Мстислав Калинович Джехангир, официально - владелец мощного рекламного агентства "Премьер-WW", жил в ней один. Менее известно было другое занятие Джехангира - патронаж российских спортивных баз, в том числе - школ восточных и славянских единоборств. И совсем неизвестной, причем не только широкой общественности, но и спецслужбам, оставалась миссия Мстислава Калиновича на поприще создания и руководства Российским Легионом, а также его деятельность в качестве начальни-

ка службы безопасности секретного третьего отделения ФУМБЭП - Федерального управления медико-биологических и экстремальных проблем. Когда-то и сам Джехангир занимался боевыми искусствами, завоевал звание мэй-дзина - мастера, достигшего совершенства, стал победителем двух финальных Боев без правил, создал свою школу в Брянске и три года учил детей и юношей искусству кунгфу (тогда это называлось "каратэ"). Однако в начале девяностых годов на него вышли наниматели РВС, предложили применить его знания и опыт в несколько иной области, и Мстислав Калинович согласился. Через семь лет он стал генералом и командующим Российским Легионом, о создании которого не знал даже президент страны.

- Появились кое-какие проблемы, - сказал Дубневич. - Я могу говорить?

Джехангир с трубкой в руке вылез из ванной, вытираясь на ходу полотенцем, бросил взгляд на телефон в гостиной, на котором горел зеленый значок - сигнал включенного скремблера.

- Говори.

- Нами заинтересовалась военная контрразведка. Их агент прибыл в Брянск.

- Точнее.

- Пока неизвестно, кто он и какой легендой прикрыт, но мы работаем.

Джехангир вытер полотенцем лицо и шею, поддерживая плечом трубку возле уха. Полковник Дубневич был заместителем начальника штаба округа и начальником охраны военных объектов в Брянской губернии, а также командиром одной из бригад Российского Легиона. Кроме того, он лично курировал работу "Объекта №2" на территории Жуковского района, и если он поднимал тревогу, к этому стоило прислушаться.

- Что еще?

- Меня беспокоит психическое состояние команды, охраняющей "Объект №2". По-моему, у охранников начались необратимые изменения в психике, они превращаются в дебилов. Я только что узнал о создании ими мотобанды, которая в свободное от службы время гоняет по дорогам области, нападает на автолюбителей и жителей деревень.

- Ты в своем уме?! - тихо спросил Мстислав Калинович.

- Я-то в своем, - угрюмо ответил Дубневич, - а кое-кто нет. Я еще полгода назад возражал против испытаний "ЗГ" на охранниках...

- Короче, - перебил полковника Джехангир. - Твои предложения?

- Срочно заменить охрану, послать в район команду "зачистки". Если только уже не поздно.

- Что ты имеешь в виду?

- Эти идиоты налетели на деревню Ковали всего в шести километрах от нашего объекта, напоролись на негосударственную контору "Час", на так называемых "дорожных мстителей"...

От щек Джехангира отлила кровь.

- И ты ничего не предпринял?!

- Предпринял, как только узнал. "Мстителей" мы возьмем, лишь бы не возникло резонанса. Кстати, вам фамилия Крутов ни о чем не говорит?

- Крутов? - Мстислав Калинович не сразу вспомнил бывшего своего ученика. - Да, я знаю одного, если только этот тот Крутов. Егор?

- Так точно. Так вот он - полковник ФСБ, правда, в отставке, и по его словам приехал к родственникам на побывку. Однако приехал он именно в тот момент, когда произошли те самые события. Вы его хорошо знаете?

- Я его не видел больше пятнадцати лет.

- Это может быть простым совпадением - его появление и участие в драке?

- Не знаю. Проверь. Понаблюдай за ним.

- Его взяли люди Казановы... э-э, капитана Казанова, начальника Жуковской милиции, по обвинению в убийстве военнослужащего, и сейчас он сидит в камере Жуковского СИЗО. Сватов подсутился.

Мстислав Калинович крикнул. Майор Сватов был начальником охраны "Объекта №2", жестким и умным, но излишне самостоятельным и грубым. Это он предложил зомбировать охранников объекта "с целью усиления ответственности каждого за порученное дело", а директор Проекта, начальник "Объекта №2", пошел ему навстречу. Что с него взять, для него это был лишь дополнительный материал для испытаний "ЗГ"...

- Подробный отчет о происшедшем - мне на стол! Крутова отпустить.

- Но он же...

- Отпустить! Но держать под контролем. Не исключено, что он - подсадная утка. Не исключено также, что он станет нам полезен. "Мстители" должны тихо исчезнуть. Охрану объекта... заменить.

- Понял. Будет сделано.

Связь прервалась.

Мстислав Калинович подержал трубку в руке, потом набрал номер.

- Винсент Аркадьевич? Как насчет randevу?

- Что-нибудь важное? - бархатистым раскатистым голосом отозвался председатель РВС Винсент Аркадьевич Валягин.

- Проблемы возникли небольшие, но посоветоваться необходимо.

- Если только вечером.

- Где?

- Можно в сауне клуба.

- Это идея, давно не принимал массаж. Хотя есть поговорка: в баню ходит только тот, кому лень чесаться.

Трубка донесла сытый смешок, и Валягин отключил линию. Мстислав Калинович с улыбкой положил трубку и пошел обратно в ванную.

В семь часов вечера они встретились в баре ночного стрип-клуба "Баттерфлайз" на Садово-Каретной. Посетителей было еще мало, завсегдатаи клуба собирались позже, к девяти-десяти часам вечера, но беседовать в баре все равно было не с руки, и после двух кружек пива "кайзер" обе особо важные персоны отправились в сауну.

Рядом с Валягиным Джехангир, сам в общем-то далеко не хилый человек, смотрелся, как "запорожец" рядом с "мерседесом". Винсент Аркадьевич в молодости был культуристом: рост два метра один сантиметр, плечи - метр двадцать (почти косая сажень), объем шеи и бицепсов - шестьдесят девять сантиметров, - но и к пятидесяти пяти годам не потерял фигуры, разве что мышцы подзаплыли жирком да пропала былая легкость движений.

Посидев в парной, они нырнули в пустой бассейн с подсвеченной снизу водой и в блаженном расслаблении медленно и долго плавали от стенки к стенке, пока нервная система не пришла в состояние гармонии со всеми частями тела, потом вылезли из бассейна, завернулись в простыни и уселись в низкие удобные кресла в комнате отдыха.

- Ну что там у тебя стряслось? - поинтересовался наконец Валягин, беря со стола уже открытую незаметной прислужгой сауны бутылку пива "миллер".

- Ничего особенного, - взял вторую бутылку Джехангир. - У меня все нормально. Проблемы возникли у системы.

- Конкретнее.

- Я предупреждал, что нельзя брать на работу уголовников.

- О ком ты?

- И я был прав. Но Юрий Тарасович не пожелал тогда выслушать мои доводы, и вот результат.

Валягин вытер красное, распаренное, мясистое лицо, смерил Мстислава Калиновича насмешливым взглядом.

- Слушай, скоро мне твоя манера разговора надоест и я сошлю тебя в Сибирь, поближе к объектам номер один и три. Что случилось?

- "Объектом №2" заинтересовалась контрразведка.

Валягин спокойно допил пиво, взял вторую бутылку.

- Ну, этого следовало ожидать. Спецслужбы не может не заинтересовать контора, я имею в виду наше управление, которую они не контролируют.

- И тем не менее эту проблему надо решать.

- Кто говорит, что не надо? Только способы решений могут быть совершенно разными. Вот как ты, например, олицетворяющий безопасность системы, собираешься ее решать?

Мстислав Калинович пососал клешню рака, понимая, что инициативу ему предоставили неспроста, у Винсента Аркадьевича явно были с в о и наработки и идеи.

- По-моему, решение напрашивается простое. Оперативная разработка - это агентурная и техническая разведка, слежка, проверка, инженерно-технический контроль, внедрение своих людей во все эшелоны спецслужб, выход на агентурную сеть противника. Но этот метод стар и не всегда эффективен. Могу позволить себе предложить другое решение, с одной стороны - традиционное, ему много тысяч лет, с другой - мы его еще не применяли, я имею в виду российские спецслужбы.

- Ну-ну? - благосклонно поощрил собеседника Валягин.

- Это одна из китайских стратигем, стратигема номер двадцать семь. Звучит она примерно так: притворяться глупцом, не поддаваясь вождениям.

- Какой в нее вкладывается смысл?

- Смысл таков, что лучше сделать вид, что ничего не знаешь и не хочешь ничего делать, чем делать вид, что владеешь знанием, и действовать торопливо и безрассудно.

Валягин разломил крупного рака, пожевал мясо, разглядывая флегматичного с виду Джехангира.

- Ну и как ты собираешься воплощать свою стратигему в жизнь?

- Пусть контрразведка занимается своим делом, мы же запустим в ее сеть слух о приеме на работу на интересующий их объект и проверим всех, кто захочет получить работу.

- Приятно иметь умного начальника охраны, - хохотнул Валягин, намеренно принизив должность Джехангира. - Не зря мы тогда обратили на тебя внимание. Ты прав, у меня есть ноу-хау, хотя ему тоже не менее тысячи лет. Допустим, некая мощная структура хочет подчинить другую, равную себе. Как это сделать, не рискуя погибнуть? Война ведь может быть проиграна, силовое соперничество стратегически невыгодно. Между тем ответ действительно прост - сотрудничество! И последующее постепенное поглощение.

Джехангир перестал хрустеть раками, вытер руки краем простыни, не торопясь высказывать свое мнение.

- Идея неплохая... по большому счету. Однако военная контрразведка - не коммерческая фирма и даже не криминальная структура со своими методами защиты, с ней не очень-то посотрудничаешь, а тем более не заставишь работать на себя.

- Ошибаешься, Калиныч. Ты все время забываешь, над чем мы работаем. Испытания "ЗГ" проходят успешно, скоро мы их запустим в производство, а имея генератор, можно легко заставить любого человека делать то, что нам нужно. В том числе - руководителей ФСБ и других силовых структур. А потом мы начнем работать над более глобальным проектом, над Проектом ПИ.

Джехангир промолчал. Он не был ученым и в терминологии Проекта разбирался слабо, знал только, что аббревиатура ПИ означает "психотронное инициирование", а сам Проект состоит в разработке квазиоружия на основе ПИ. Разработка и испытание "ЗГ" - зомбигенераторов "черный глаз" и пси-излучателей "удав", подавляющих волю, на "материале", то есть на людях, на "подопытных кроликах", в качестве которых использовались заключенные, приговоренные к смертной казни или к пожизненному заключению, была лишь первым этапом Проекта.

- Совсем скоро мы испытаем действие "ЗГ" на тех, кто нам мешает, - продолжал, импозантно развалившись в кресле, Винсент Аркадьевич, также переставая насыщаться, - и контрразведчики сами сообщат нам, кто из агентов сидит в Брянске и крутится вокруг объекта. Это все твои проблемы?

- Нет, - помолчав, ответил Мстислав Калинович. - По данным Дубневича, у охранников объекта начались изменения в психике, из-за чего они "засветились" сами и "засветили" объект.

- А вот это уже гораздо хуже. Ты обязан был предусмотреть подобные инциденты. Пошли туда свою группу "ассенизаторов", пусть "зачистят" все, что можно.

- Я уже дал команду, но боюсь, что поздно. В инцидент впуталось множество посторонних людей.

Лицо Винсента Аркадьевича стало твердым и злым.

- "Зачистить" всех! Подставьте кого-нибудь, свалите все на какую-нибудь банду, показательно уничтожьте ее, подготовьте свидетелей... короче, не мне тебя учить, как это делать. "Объект №2" практически исчерпал свои возможности, но мы еще не готовы свернуть все работы, перебазировать его и ликвидировать следы деятельности. Займись этим сам.

- Хорошо, - меланхолично согласился Мстислав Калинович.

- А кого ты имел в виду под уголовниками? Якобы у нас работают уголовники...

- Я имел в виду зятя Юрия Тарасовича.

- Сватова, майора охраны объекта? Какой же он уголовник?

- Он сидел, а это уже характеристика. Все его приятели - бандиты и уголовники, и связи остались, и действует он, никого не признавая, бандитскими методами. По сути, он и допустил утечку информации, глядя сквозь пальцы на "шалости" своих дебильных мальчиков.

- Я этого не знал. Но Юрий Тарасович не стал бы...

- Он директор Проекта, ему наплевать на проблемы охраны тайны и защиты территории, и слушать меня он не станет.

- Хорошо, я поговорю с ним. А пока готовься к легализации Легиона. - Валягин встал. - Пошли, посидим в парилке еще раз.

Мстислав Калинович с недоумением посмотрел на председателя РВС.

- Не понял. О какой легализации речь? Легион - часть системы...

- Рано или поздно о его создании станет известно не только Совету безопасности и первому вице-премьеру...

- Которому мы заткнули рот взяткой.

- К сожалению, не каждого политика можно купить за деньги.

- Что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги.

- Лебедева ты не купишь, а профессионал он ушлый и команда помощников у него грамотная. Так вот, прежде, чем о Легионе узнает оппозиция, надо его проверить в деле и порекомендовать президенту как боевую единицу, способную решать л ю б ы е проблемы. Что не так уж и далеко от истины.

Валягин вышел. Мстислав Калинович вынужден был присоединиться к нему в парной, температуру которой - сто с лишним градусов по Цельсию - мог выдержать далеко не каждый здоровый человек.

- Я считал, что дело Легиона - поддержка РВС...

- Расслабься, Калиныч, дыши через нос. Легион был и останется в твоём подчинении, в качестве стратегического резерва РВС, хотя это действительно военная основа Реввоенсовета. Что касается первых вице-премьеров и лидеров оппозиции, то у нас родилась идея испытать один из "ЗГ" на них. Если испытания пройдут успешно, получим мощных сторонников, которые помогут нам в "час икс" реализовать революционную ситуацию.

- Вице-преьера можно отправить в отставку с помощью стандартного приема: сформировать "джентльменский набор" улик - взятка, злоупотребление властью и служебным положением, употребление наркотиков, женщины... Проще и надежнее.

- Но дольше и дороже, дорогой генерал. С "ЗГ" это будет намного быстрее и дешевле: наставил аппаратик, - ты же видел "удав"? - похож на пистолет, - нажал на курок - и человечек твой, со всеми его амбициями, идеями, идеалами и связями. Никакой крови, никаких угроз.

Мстислав Калинович попытался подрегулировать деятельность внутренних органов секреции, чтобы выдавить из себя как можно больше пота, очистить организм от шлаков, но это у него не получилось, сказывалось отсутствие постоянного тренинга, соблюдения режима. Надо заняться собой, подумал он, дыша, как рыба на берегу.

- Что замолчал? - покосился на собеседника мокрый, могучий Валягин, разрисованный ручьями пота. - Или припас еще одну неразрешимую проблему?

- Да нет, думаю...

- Думай, думай, это полезно...

Валягин захохотал.

Из парилки Джахангир выбрался первым - организм уже не выносил таких перегрузок.

ЖУКОВСКИЙ РАЙОН. ВОРОБЬЕВ

Ночевал Панкрат в Жуковке, в гостинице "Улада", приняв, конечно, все меры предосторожности. Ночь прошла нормально, никто приезжими "коммерсантами из Тулы", как они себя представили, не интересовался, и все же Панкрат чувствовал какой-то внутренний дискомфорт, который в принципе можно было передать всего двумя словами: идет гроза. Интуиция подсказывала, что "мстителей" ждут нелегкие времена.

В семь утра, после зарядки и водных процедур, Панкрат разбудил Мишу Ларина, бывшего десантника-афганца, и связался с Барковым, который за сутки дважды выходил на связь с командиром, но ничего существенного рассказать не мог. Зона за колючей проволокой выглядела мертвой, безлюдной, если не считать бдительно вышагивающих по периметру часовых да выехавшего из ворот одинокого мотоциклиста.

- Ждите, - приказал Воробьев, - не высовывайтесь, обнюхайте там каждое дерево, каждую кочку. В зону идти пока рано.

Связь с другой группой разведчиков - Родионом и Толиком Зеленовым - также не принесла особо важной информации. Ребята проверили воинскую часть недалеко от Фошни, определили, что она настоящая - радиобатальон со стационарным базированием, и Панкрат послал их в Ковали, чтобы понаблюдать за домом Крутова и выяснить обстановку в деревне после нападения бандитов. Сам же Воробьев начал прикидывать план освобождения полковника из Жуковского СИЗО.

- Пошли, погуляем по центру, - сказал он Ларину, сухонькому, низкорослому, невзрачному на вид, но великолепному самбисту.

Они переоделись по местной моде - брюки местной фабрики "Выгода", ковбойки, кроссовки - и направились из гостиницы мимо школы к вокзалу, ничем не отличаясь от редких пешеходов. Обошли здание милиции, двор, где стоял серый барак СИЗО, осмотрели подходы и подъезды к нему, прикинули высоту забора и его прочность. Потом Панкрат проглотался, и они завернули в кафе возле рынка, почти пустое по причине летней жары и раннего времени.

Ларин был неразговорчив по натуре, поэтому Панкрат обращался к нему редко, но видел, что парня гложет какая-то мысль и настроение у него далеко не радужное.

- Ты не заболел? - спросил он Михаила, допивая кофе. Тот, почти не притронувшись к завтраку, который можно было охарактеризовать словами: "я вас умоляю!" - отрицательно качнул головой.

- Тогда в чем дело? Хочешь уехать?

Еще один отрицательный жест.

- Тогда почему такой смурной?

- У меня мама заболела... - пробормотал Ларин. - Позвонить бы...

- Что тебе мешает? - удивился Панкрат. - Пошли вместе, мне тоже надо позвонить кое-кому. Потом поедem в Фошню, проведем родственников нашего brave полковника и заберем ребят из Ковалей.

Слегка вспотев от выпитого кофе, называемого здесь "фирменным напитком "Голливуд", "мстители" вышли из кафе в жаркое летнее утро и, не спеша, побрели к главпочтамту, где находился центральный переговорный пункт. Михаил скрылся в одной кабинке междугородного телефона, Воробьев в другой, набрал номер МУРа и через минуту услышал голос заместителя начальника оперативно-розыскной бригады:

- Губарев.

- Привет, Михаил Сергеевич, - сказал Панкрат. - Рад слышать. Не чаял застать на работе, ты же собирался ложиться на обследование.

- Некогда, дел невпроворот. Откуда звонишь?

- Из Брянской области, городок Жуковка. Слушай, Сергеевич, у меня к тебе просьба: проверь-ка по своим каналам...

- Остынь, Воробьев, - перебил Панкрата подполковник, - на тебя началась настоящая охота! Очевидно, ты кого-то тронул там, на Брянщине, раз вопрос о ликвидации "преступной группы "Час" стоял на повестке дня совещания у министра. Что ты натворил?

- Да ничего особенного, - озадаченно дернул себя за ухо Панкрат. - Нашел базу мотобанды, троих достал... но никого не замочил, один из них пришел своего же. Я поэтому и звоню. Эти бандиты сидят на территории какой-то секретной воинской части...

- Брось это дело и немедленно сматывайся оттуда! Ты в разработке нашего управления, я ничем не смогу тебе помочь.

- Сможешь, если захочешь. Мне и надо всего-то выяснить, что за база здесь дислоцируется, в шести километрах от села Фошня.

- Откуда ты, говоришь, звонишь?

- Из Жуковки, с переговорного пункта...

- Совсем ошалел! Звони с какой-нибудь квартиры завтра.

- Ты узнаешь?

- Попробую. - Тихий щелчок в трубке - отбой скремблера и гудки. Панкрат посмотрел на трубку, внезапно осознавая, что линия может прослушиваться, и обозвал себя идиотом. Он расслабился, чего не имел права делать. Телефон Губарева имел кодирующе-защитное устройство и определить его номер и владельца было невозможно, но если линия действительно прослушивалась, слушачам станет известно, что некто из Жуковки звонил в Московский уголовный розыск, и руководитель местных крутых ребят сделает надлежащие выводы.

Ларин говорил дольше и когда вышел из кабины, вид у него был уже не такой хмурый.

- Пока все нормально, готовят к операции...

- Что с ней?

- Камни в почках.

- Ну, это легкая операция, лазером чик - и готово!

- Ультразвуком.

- Ну, ультразвуком. Теперь можно и ехать, хотя вести тревожные. Над нами, кажется, начинают сгущаться тучи.

Они вернулись к гостинице, чтобы забрать вещи в номере, и тут у Панкрата сработала интуиция. У здания стояла белая "волга" с двумя пассажирами, разглядывающими вход, а по тротуару напротив прогуливалась тройка крепких ребят, делая вид, что интересуются проходящими мимо девушками.

- Стоп! - негромко сказал Панкрат, нагибаясь, чтобы завязать шнурок на кроссовке. - Мне идти туда не хочется.

- Мне тоже, - отозвался Михаил, закуривая. - Здесь пахнет "дипломатическим" приемом. Те трое не похожи на гуляющих мальчиков.

- Я тоже так думаю. Хорошо, что у нас здесь только куртки остались да предметы туалета, хотя, конечно, все равно жалко. Пошли потихоньку.

Они миновали гостиницу и у Дома культуры напротив парка присели на скамеечку в окружении кустов черемухи.

- По наши души? - вопросительно глянул на командира Ларин.

- Не знаю, - буркнул Панкрат, - но свободу нашу начинают ограничивать. - Он достал из карман брюк рацию, вызвал Баркова. - Что у вас, Витя?

- Порядок, - донесся тихий голос полковника. - Во-первых, в зону заехал рефрижератор. Знаешь, такие громадные фуры величиной с вагон, с синей полосой и огромными цифрами "200" по борту.

- "Груз 200"*, что ли? - хмыкнул Панкрат.

* "Груз 200" - трупы, перевозка мертвецов.

- Ну, рентгена у нас с собой нет, просветить рефрижератор нечем, может, и "двести". Хотя с какой стати воинской части нужны трупы? Это же не кладбище.

- Вспомни курган.

- Да, о курганах. Мы тут неподалеку обнаружили еще один и тоже со свежим раскопом. Если не возражаешь, мы там покопаемся слегка.

- Только осторожно, с подстраховкой.

- Командир, что с тобой? Мы не дети, как говорится, не первый раз замужем.

- Эдик и Тагир тоже не дети, но их все-таки взяли! И не бандиты, а профессионалы.

- Хорошо, - после некоторой паузы сказал Барков. - Будем работать по полному профилю.

- У тебя все?

- Да, в общем-то... комбинезончик у шофера рефрижератора мы разглядели интересный, когда он вылезал, черно-желтый, с необычной эмблемой в виде шестилучевой звезды.

- Пентакль?

- Что?

- Эту звезду называют пентаклем, печатью Соломона.

- А-а... может быть. А между зубчиков шесть букв: Ф, У, М, Б, Э и П.

- ФУМБЭП?

- Да их можно прочесть и так, и сяк, но если предположить, что буквы Ф и У означают Федеральное управление... ты не знаешь организации с такой аббревиатурой? Управление чего? Малых и больших электрических приводов?

- Их. Полковник, из тебя вышел бы отличный дешифровальщик. Я свяжусь с вами через пару часов. - Воробьев спрятал рацию. - Поехали, Михайла, пора работать.

Машину они еще вечером оставили не на платной стоянке у гостиницы, а на окраине Жуковки, возле лесочка, рядом с добротным кирпичным домом, и теперь весьма порадовались своей предусмотрительности. Джип стоял на прежнем месте, будто принадлежал хозяину дома, и никто возле него не слонялся.

Из Жуковки выехали без каких-либо происшествий. Либо местная ГАИ не получала еще приказа проверять машины с чужими номерами, либо не спешила его выполнять, либо не имела сил и средств.

В Фошню приехали в половине одиннадцатого утра.

У здания больницы, построенного по английскому проекту из стекла, бетона и стали, на которое приезжали посмотреть чуть ли не со всей области, Панкрат машину ставить не стал, загнал в тупичок переулочка с обыкновенными сельскими домами и полчаса наблюдал за входом и автостоянкой напротив, где вместе с двумя

десятками запыленных мотоциклов, стареньких "запорожцев", "жигулей", "нив" и "газовов", парковались красавцы "форды", "БМВ", "ауди" и даже один "мерседес". Больница принимала всех - и старых, и новых русских.

Интуиция голоса не подавала, поэтому Панкрат приказал Михаилу ждать его возле больницы и направился к приемному покою. Узнав, где лежит раненый дед Осип из деревни Ковали, он взял в раздевалке халат и прошествовал в палату Осипа.

Дядя Егора Крутова выглядел почти здоровым. Панкрата он не узнал и на "привет от племянника" сначала прореагировал, как на шутку, и лишь потом, после короткого рассказа о происшествии с племянником, заговорил с Панкратом серьезно.

- За что же его забрали, сукины дети? Он же сам военный человек, ничего дурного не замышлял.

- Поэтому я и пришел к вам, - сказал Воробьев. - Хочу понять, что случилось. Егор действительно хороший человек, в тюрьме ему не место, надо выручать.

- А ты адвокат али еще кто?

- Еще кто, - усмехнулся Панкрат. - Друзья мы и делаем одно дело.

- Ясно, - усмехнулся и Осип. - Лихой ты человек, я гляжу. Но верить можно. Егор с каждым дружить не стал бы. Лишь бы твои планы даром не пошли. Чего знать-то хочешь?

В палате находились еще трое больных, посматривающих на гостя с любопытством, и Панкрат понизил голос:

- До того, как Егор приехал, у вас в округе ничего странного не происходило?

- А что у нас должно происходить? Тишь да гладь, Божья благодать. Разве что вот корова у кума пропала, месяц искал - не нашел. Машка еще Спиркина ногу сломала, за брагой в погреб лазила... вот и все чудеса.

- А чужие люди в деревню не заглядывали?

Глаза Осипа остро блеснули. Старик понимал больше, чем прикидывался.

- Как же, чуть ли не каждую неделю ватага варнаков налетает... в баню помыться к Гришанкам. Но тихо гуляют. Да еще надись каженик приходил, - оживился старик.

- Кто? - не понял Панкрат.

- Каженик, человек помешанный. Весь трясется, бормочет что-то, шарахается от всех, глаза бегают. Я с ним не балагурил, издали-от посмотрел, а Ромка уговорил его, погугарил, домой отвел.

- Ромка - это сосед ваш, Роман Евграфович?

- Он, Ромка Качалин. Дед у него колдун был, да баба евоная, Степанида, заговоры всякие знает, боль снимает. Хорошая баба, да все же посуровой моей Аксины, хотя, конечно, всяко бывает.

Как говорится: жена в больших количествах - яд, в малых - лекарство.

Панкрат засмеялся.

- Оригинальный у вас подход к жизни. А что он бормотал, какеник этот ваш?

- Ромка сказывал, околесицу всякую нес. Что за ним будто черти гонятся, с гадюками... не, с удавами... ну тоже змея такая большая, что его похоронить живьем хотели, а кто он такой - не помнит.

- Ясно, - спокойно кивнул Панкрат, у которого от предчувствия свело живот. - И куда он потом делся?

- А приехали за ним из психбольницы, машина такая специальная, желтая, сплюснутая, гладкая, как лепешка, с черной звездой на зад. Оказывается, сбежал он из больницы, псих. Ну, увезли, конечное дело.

- А звезда на зад машины не шестиконечная была?

- Шут его знает, не разобрал.

Панкрат поднялся.

- Спасибо вам, Осип... э-э, не знаю, как по батюшке.

- Просто Осип. За что спасибо-то, мил человек? Я ить и не сказал ничего. И ты вот тоже не говори моей бабе про Егора ничего, а то почнет печалиться...

- Хорошо, не буду, - пообещал Панкрат, увидя вдруг, как изменилось лицо старика - расплылось в улыбке, и оглянулся.

В палату входила молодая, очень симпатичная женщина с густыми русыми волосами по плечи, с тугой полной грудью, натянувшей оранжевую блузку, с красивыми ногами. Она смотрела на Осипа и улыбалась, показывая ямочки на щеках, и лицо ее кого-то напомнило Панкрату. Через секунду он сообразил - она была похожа на Егора Крутова.

- Лидка, - радостно зашевелился Осип, - пить принесла?

- Как просил, скототки, - подняла трехлитровый бидон женщина, посмотрела на примолкшего Панкрата. - А вы кто?

- Это друг Егорши, - представил Воробьева Осип, - Панкратом кличут. А это сестра Егора двоюродная, Лидка, незамужняя, между прочим, хотя и с детьми. - Осип хохотнул.

На щеках Лиды расцвел румянец.

- Что ты говоришь, дед!

- То и говорю, что ты у меня красавица. Вдруг сосватаю? Литр самогону поставишь? - Он снова засмеялся. - Заходи еще, хлопче, погутарим. А еще лучше к нам в гости в Ковали приезжай, я здесь не задержусь, через недельку сбегу.

Панкрат поклонился, пряча в душе взгляд Лиды, теплый, смущенный и заинтересованный одновременно, сказал "до свидания" и пошел из палаты, но на пороге остановился.

- Если хотите, Лидка, я вас подожду, довезу до деревни.

- Ой, не надо, - смутилась женщина, - тут недалеко, сама дойду.

- Да мне все равно в ту сторону ехать.

- Жди, жди, - шевельнул забинтованной рукой Осип, - подвезешь, ежели по пути.

Лидия нерешительно посмотрела на деда, и Панкрат, проговорив - так я жду, - торопливо вышел в коридор.

Ларин топтался у киоска возле больницы, как две капли воды похожего на тот, что сгорел в Ковалях, и Воробьев даже подумал мимолетно - не одного ли хозяина они имеют? - но мысли тут же свернули в иное русло, душа была занята женщиной и топорщила перья, как бы прихорашиваясь и подыскивая предлог, чтобы продолжить знакомство, заявить о себе в полный голос. В принципе, Панкрат испытывал сейчас сладкий, кружащий голову шок и не мог ничего с собой поделать. Да и не хотел. В пустоте сердечного пространства плавала лишь одна сияющая фраза: не упусти судьбу, парень, это она - т о я женщина... не упусти...

- Что это с тобой? - перепугался Михаил, глянув на лицо Воробьева. - Дед умер, что ли? Засада в больнице?

Панкрат очнулся.

- Заводи машину. Повезем попутчицу.

Ларин безмолвно повернулся и пошел за машиной, через десять минут пригнал джип, и в этот момент из больницы вышла Лидия, уже без халата, в оранжевой футболочке, а не в блузке, как подумал сначала Панкрат, и в короткой юбке, открывающей колени. Михаил посмотрел на нее, потом на командира, присвистнул и распахнул дверцы.

- Садитесь, - пригласил Лиду Панкрат. - Если вам еще куда надо ехать - нет проблем.

- На базар если только да в магазин, в булочную... Но я это и сама...

- Поехали.

Они посетили Фошнянский рынок, накупили фруктов, овощей, колбасы, хлеба, заехали в местное кафе - по предложению Панкрата - и выпили по чашке кофе с пирожными. Лидия сначала стеснялась, с некоторым удивлением приглядываясь к майору, словно не понимая, почему она его слушается, потом перестала, покоренная манерой поведения Панкрата, шутливо-ироничной, энергичной, располагающей к себе, и они заговорили уже как давние знакомые, перейдя на "ты", с удовольствием делясь впечатлениями бытия и рассказывая о себе без утайки и смущения.

Так Панкрат узнал, что Лида уже два года не замужем, разведена, муж - бывший военный - начал пить, гулять и в конце концов признался, что у него в Минске есть еще одна семья. Узнав об этом, Осип его чуть не прибил, и с тех пор Лида жила в Брянске одна, работая диспетчером автоколонны, на лето отдавая детей -

пяtilетнего Антона и трехлетнюю Настю - маме в деревню. данный момент она была в отпуске, чем и объяснялось ее присутствие в Ковалях.

Неожиданно для себя самого разговорился и Панкрат, поведав историю своей жизни, правда, без некоторых подробностей, касающихся работы в разведке. И все же на один вопрос Лиды ему захотелось ответить.

- За что тебя уволили из органов? - спросила женщина, когда они уже ехали в Ковали, сидя на заднем сидении джипа; Михаил вел машину медленно и в разговоре участия не принимал.

- За игнорирование директивы, - усмехнулся Воробьев, вспоминая тот развед рейд, ставший притчей во языцех среди профессионалов спецслужб и предметом разбирательства на закрытом военном суде.

Случилось это еще во время войны в Чечне, куда была заброшена группа "ходовков" Службы внешней разведки для охоты на террориста Басаева. О цели рейда знали очень немногие люди: генерал Карпукhin, начальник управления разведки ближнего зарубежья, командир оперативно-диверсионной бригады полковник Зайцев и командир отряда "ходовков" майор Воробьев. Официальным прикрытием рейда было получение данных о каналах поступления в Чечню оружия, неофициальная задача состояла в ликвидации Басаева и его боевиков. А поскольку любая разведка предполагает максимальное сохранение тайны рейда, существовала негласная директива службы, отражающая специфика разведдеятельности: свидетелей работы группы быть не должно! Свидетель - это, как правило, провал, и Панкрату было известно, что многие рейды разведгрупп разных спецслужб оплачены ценой жизни свидетелей. Но он не знал, что ему самому придется столкнуться с той же проблемой.

В район Хасавюрта группа наткнулась на двух чеченских охотников, молодого и старого, двое суток таскала их за собой, так как Воробьев не хотел убивать ни в чем не повинных людей, имевших, по их словам, большие семьи и бывших единственными их кормильцами. В конце концов охотников отпустили, поверив в их принадлежность к "простому народу", а через несколько часов группа настигла погоню. Во время боя был убит один из разведчиков и ранено четверо, в том числе и Воробьев, но группе все же удалось оторваться от преследователей и унести убитого и раненых. Тем не менее задачу группы посчитали невыполненной, а Панкрата спустя месяц судили и тихо уволили, не создавая прецедента, хотя причина стала известна многим.

- Бедный, - пожалела его Лидия, положив прохладную ладошку на локоть майора. - Сколько тебе пришлось пережить! - И добавила с женской непосредственностью: - А жена как на это прореагировала?

- Я не женат, - усмехнулся майор. - Но на самом деле я лучше, чем моя репутация.

От Фошни до Ковалей было всего три километра, поэтому как ни старался все понимающий Ларин ехать медленно, все же дорога заняла не более четверти часа, так что Панкрат с разочарованием вздохнул, когда показался мостик через ручей перед въездом в деревню. И тут же Михаил резко затормозил: из-за кустов на берег ручья вышел длинный, нескладный с виду, одетый в живописное тряпье - для маскировки наверное - Родион. Панкрат открыл дверцу машины. Родион хотел что-то сказать, но увидел пассажирку и вопросительно глянул на Воробьева.

- Ну, вы поговорите, а я пойду, - заторопилась Лида, - тут уже близко. Спасибо, что подвезли, заходите в гости, хата мамы - слова, третья с краю, у колодца.

Она пошла по дороге с увесистой продуктовой сумкой, а мужчины молча смотрели, как она идет в босоножках, женственная и сильная. Потом Панкрат дернулся было помочь ей поднести сумку, но Родион остановил его за рукав.

- Погоди, командир, тут возникли некоторые трудности. За домом нашего полковника следят. Это раз.

Панкрат оторвал взгляд от ног Лидии, подобрался, глаза его приобрели острый деловой блеск.

- Та-ак. Ты не ошибся?

- Елы-палы! - оскорбился Родион, постукал пальцем по голове.

- Эта дыня меня еще не подводила!

- Ладно, не обижайся. Кто следит, усекли?

- Как минимум трое, в камуфляже, с разных сторон, в том числе со стороны огородов. Там сзади дома есть пруд, окруженный ивами и ракитником, и в кустах торчит бинокль.

- Понятно. Что еще?

- Мы встретили соседа полковника, такой смешной мужичок...

- Ромка, Роман Евграфович, отец Елизаветы.

- Так он сообщил, что дочь его выпустили. Точнее, ее забрал из милиции муж и увез в Брянск.

Панкрат озадаченно выпятил губы.

- Она же с ним давно не живет, по словам полковника. Может, муж увез ее насильно?

- Сие мне неизвестно. Кстати, ты упадешь, если узнаешь, кто ее муж. Держись за что-нибудь.

- Мэр Брянска, - равнодушно сказал Панкрат.

- Ты уже знаешь?! Откуда?

- Корова на ухо шепнула. Придется, видимо, навестить этого мэра в Брянске, выяснить, с чего это у него интерес к жене загорелся, а главное, почему он так много внимания уделяет Жуковскому району. Садись в машину, поедem к Витьке, он где-то еще один курган нашел разрытый. Где Толик?

Родион свистнул в два пальца. На другом берегу ручья показался Зеленов, таща на себе рюкзак и оружие. В отличие от Родиона одет он был в десантный комбинезон и выглядел устрашающе. Буркнув - привет! - он залез в джип. Панкрат кивнул Ларину, достал рацию и та, словно дождавшись этого момента, запищала. Барков вышел на связь первым:

- Командир, на нас напали! Костя убит! Мы отходим...

Одним из главных достоинств Воробьева было его мгновенное вхождение в любую ситуацию. Времени на анализ событий ему не требовалось, он сразу включался в дело, не задавая лишних вопросов и не высказывая отношения к происходящему.

- Где вы?!

- "Опель" сгорел, отходим вглубь болота на север от зоны. Асфальтовая дорога в километре справа...

- Едем, держитесь!

Панкрат еще не закончил говорить, а Ларин уже врубил передачу, развернул джип и рванул прочь от деревни, не обращая внимания на стон амортизаторов и толчки.

- Что там? - спросил Родион.

Панкрат молча достал из-под сидения "никонов", проверил магазин, буркнул:

- Приготовьте оружие. На Баркова напали.

- Кто?!

- Сейчас разберемся.

Спустя полчаса бешеной гонки и дикой тряски джип вывернул на асфальтовую ленту, ведущую к зоне за колючей проволокой, и погнал на север. Еще через несколько минут стала слышна стрельба. Ларин свернул с трассы в лес, минуты три петлял между деревьями и кустами, влетел в колдобину, и мотор заглох. Ни слова не говоря, "мстители" выскочили из джипа, растянулись цепочкой и углубились в чащу, прислушиваясь к звукам боя: стрельба велась в основном из автоматов, изредка бухали помповые ружья и сухо щелкали пистолеты. Судя по всему, группу Баркова гнали к болоту сознательно.

Ускорили бег и вскоре вышли в тыл загонщиков, неторопливо постреливающих из автоматов ("калашниковы", десантный вариант) и "помпушек". Ребята Баркова отвечали редкими пистолетными выстрелами, заставлявшими тем не менее преследователей тыкаться носом в землю. Судя по несуетливым действиям и ленивой с виду неспешности, это были не просто охотники или бандиты, но профессиональные военные в камуфляже, опытные и бывалые. Они точно знали, что беглецам никуда не уйти, и поэтому не торопились, уже празднуя победу.

Панкрат насчитал десять стволов, передал по цепи: берем левый фланг, каждый - своего, сигнал - моя атака. Сделал бросок вперед, выбирая мелькавшие за кустами спины преследователей

Баркова и радуясь, что у них нет собак, и когда до загонщиков осталось меньше десяти шагов, остановился, поднимая автомат. Задержал дыхание, дал очередь по широкой спине гиганта в пятнистом комбинезоне, поливавшего пулями край болота, произнес одними губами:

- Штирлиц стрелял в упор, упор упал...

Сомнений никаких он не испытывал, жалости тоже. Это была война, навязанная "мстителям" теми, кто прикрывал бандитов на своей территории, и поступать с ними надо было адекватно.

Тотчас же раздались еще три очереди, чей-то истошный крик, стоны, и Панкрат перенес огонь вправо, туда, где цель преследователей огибала болото. Затем заорал во всю мощь легких:

- Витя, мы здесь! Замри! Мы их сейчас умоем!

Огонь загонщиков резко ослабел, среди них началась паника, раздались крики:

- Нас обходят!

- Сват, отходим!..

- А-а-а!..

Панкрат для острастки дал еще очередь на голоса, рявкнул, подражая ротному старшине:

- Кургузов, зайди от болота! Смирнов, пленных не брать! Шапетин, гони эту мразь к дороге!..

Слева затрещал автомат Родиона, кто-то заухал, забарабанил палкой по стволу дерева, засвистел, но никто из подчиненных Воробьева с места не сдвинулся. Это был блеф, имитация атаки, и она имела полный успех, потому что ответная стрельба охотников стала удаляться, стихать, они бежали с поля боя.

В просветах между деревьями зашевелились тени - с болота выползли люди. Впереди двигался Барков, измазанный в болотной жиже, за ним двое "мстителей" тащили убитого Константина. Миша Ларин и Толик Зеленов бросились им на помощь. Панкрат истертил полковника, пожал ему руку.

- Пошли к машине, пока они не опомнились.

- Вовремя вы, еще полчаса и пришлось бы сдаваться.

- Они бы вас в плен брать не стали.

- Да уж, - скривил губы Барков, - влезли мы в их огород по самое некуда.

Оглядываясь, держа пальцы на спусковых скобах автоматов и курках пистолетов, они поспешили за ребятами к дороге, где оставили джип.

- Как убили Костю?

- Мы оставил его в охранении, сами пошли смотреть курган. Они подкрались незаметно, убили его ножом в спину, профессионалы, ё-моё! Только он все равно успел нажать на курок пистолета. Атаки они не ожидали, отошли, но потом... у них автоматы...

- Понятно. Крутые ребята, не боятся шума.

- Да, ведут себя как хозяева.

- Что-нибудь нашли на кургане?

- Раскоп, такой же, что и на Бурцевом городище. И вот это. - Барков достал из кармана продолговатый предмет, замотанный в носовой платок. Панкрат развернул платок и едва не выронил предмет - это был посиневший, заостренный человеческий палец с почерневшим ногтем.

- Вот именно! - пробурчал полковник в ответ на ругательство Воробьева.

Панкрат выбросил палец, вытер руки о листву деревьев.

- Значит, это все-таки могила...

- Братская. Что-то здесь творится непонятное, командир, очень некрасивое. Влезли мы в такую халепу...

- Вылезем. Поможем нашему приятелю из Ковалей и подадимся поближе к столице. Мне тоже перестает нравиться здешний климат.

"Мстители" вытащили джип из ямы, уложили на заднее сидение мертвого Константина, втиснулись сами, и Панкрат сел за руль. Вскоре они были возле Фошнянского кладбища, совершенно безлюдного на данный момент, что упрощало похороны Кости. Вырыли могилу, завернули тело в палатку, похоронили. Постояли над могилой, склонив головы, потом, не сговариваясь, посмотрели на Воробьева.

- Еще раз предлагаю всем подумать, оставаться со мной или нет, - сурово сказал Панкрат. - Война с бандитами переросла в войну с армейской силовой структурой, имеющей секретную базу. У нас же нет ни базы, ни транспорта, ни оружия, ни знания местности, мы на чужой территории. Долго мы в таких условиях не продержимся. Но мне очень хочется узнать, что за дрянь здесь делается. Людей закапывают в курганы, а потом выкапывают не ради забавы. Сдается мне, кто-то прячет концы в воду.

- Я с тобой, - буркнул Барков. - Они убили Костю, а я не из тех, кто прощает убийц.

- Я тоже остаюсь, - флегматично пожал плечами Родион. - Мы все остаемся. Женатый среди нас только Толик, и детей у него двое, пусть уходит. Дети не должны расти без отца.

Толик Зеленов посмотрел на Панкрата и отвел глаза. Воробьев обнял его за плечи, сказал негромко:

- Уходи, Толян, Родион прав. Ты свое дело сделал. Бери джип и езжай в Жуковку, оставишь машину у вокзала. Нам она уже не пригодится, слишком заметная.

Зеленов в нерешительности потоптался у могилы, потом обнялся с каждым, сел в джип и уехал. "Мстителей" осталось шестеро, если не считать Андрея Краснова, ждущего группу в Брянске.

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

- Переходим на нелегальное положение. - Панкрат оглядел хмурых парней. - Сейчас все идем по магазинам, переодеваемся во всё цивильное, чтобы не отличаться от местных жителей. Ищем транспорт - мотоциклы и велосипеды. Оружие - только ножи, все остальное спрячем в какой-нибудь из деревень.

- В какой? - подал голос Ларин.

Панкрат подумал.

- В Ковалях. После смены одежды просочимся туда по одному, чтобы не вызывать подозрений. Лучше поближе к вечеру. Третья хата с краю от ручья. Я буду там. Вопросы?

"Мстители", грязные, оборванные, мрачные, словно сбегавшие из другого мира в яркий, летний, солнечный день Земли, молчали.

ЖУКОВКА-КОВАЛИ. КРУТОВ

Его вызвали в начале десятого, сразу после завтрака:

- Крутов, на выход!

Камера притихла. Хотя компания уголовников во главе с лидером (Дмитрий Симонов по кличке Пушистый) и "держала зону", то есть верховодила в СИЗО, все знали, что ни Крутов, ни его приятель Федотов никому не подчинились, хотя и вели себя тихо. Поэтому уход одного из них резко менял соотношение сил в пользу Пушистого.

- Если не вернусь - держись! - сунул руку Ираклию Егор. - Не знаю, куда меня забросит судьба, но обещаю выдернуть тебя отсюда, а заодно и посчитаться кое с кем.

- Не беспокойся за меня, - улыбнулся Ираклий. - Я здесь тоже не задержусь, у меня остались друзья на воле, в беде не оставят.

Крутов кивнул, исподлобья посмотрел на делающих вид, что они заняты игрой в карты, уголовников и вышел.

Его привели не в комнату следователя, как он ожидал, а в кабинет начальника милиции по фамилии Казанов, к которому, по рассказу Ираклия, не зря прилипла кличка Казанова: капитан очень был падок на женщин.

- Гражданин Крутов, - сухо сказал он, не поднимая головы от стола, за которым что-то писал. - Вы освобождаетесь из-под стражи под подписку о невыезде. До окончания расследования дела по убийству военнослужащего Джумагельдыева. Распишитесь.

Крутов посмотрел на стоявшего возле стола лейтенанта-омоновца, проявившего невиданное усердие при избииении подследственного, то есть его, Егора Крутова, перевел взгляд на капитана и молча подошел к столу, гадая, что бы это могло быть,

какая сила заставила его тюремщиков отпустить его. Взял ручку, расписался на постановлении.

- И не безобразничай, - растянул узкие губы в недоброй ухмылке лейтенант, - а то снова сюда угодишь и уже не выйдешь так легко.

Крутов забрал свои документы, протянул руку.

- Оружие.

- Что?

Лейтенант и начальник милиции переглянулись.

- Прошу вернуть табельное оружие: пистолет и нож. Имею разрешение на их ношение, как сотрудник спецслужбы.

Сотрудником он уже не был, но э т и об этом вряд ли знали.

Капитан поколебался, потом выдвинул ящик стола, достал чехол с бетдаггером, бросил на стол.

- Забирай, пистолет пока побудет у нас, до окончания следствия.

Егор вынул "летучую мышь", заученно крутнул в пальцах, так что бетдаггер превратился в веер, сунул обратно в чехол.

- Девушка-соседка, которую вы забрали вместе со мной, еще здесь?

Представители власти снова переглянулись.

- Какое тебе до нее дело, полковник? Она кто тебе, жена, сестра, родственница?

- Я спросил.

Казанов налился темной кровью, подался вперед.

- Вы свободны!

- Иди, иди, - добавил лейтенант с пренебрежением, - залезь в свою деревню и сиди там тихо, как мышь.

- Приходи в гости, мурло, - сказал Крутов, открывая дверь. - Побеседуем. Да и сам жди гостей.

Вышел. Постоял секунду в коридоре под внимательным взглядом дежурного милиционера. Улыбнулся, вспомнив изречение поэта: "Нет, я не тот, кого вам заказали", - и подошел к дежурному.

- Извините, гражданин начальник, девушку из Ковалей, Лизу Качалину, выпустили или нет?

- Увезли, - буркнул милиционер.

- Куда?

- Почему я знаю? Вчера еще. Проходи, не задерживайся.

- Что ж, спасибо за информацию.

Размышляя, кто и куда увез Елизавету, а также почему его выпустили на свободу, Крутов вышел из милиции, постоял немного, с удовольствием подставив лицо солнцу, и решительно зашагал к станции. За линией железной дороги, на улице Пушкина, жил еще один его дядя, Иван Поликарпович, пришла пора навестить и его.

Ивану Поликарповичу Саковцу пошел семьдесят четвертый год, но был он стариком крепким и все еще продолжал столярни-

чать в своей мастерской, пристроенной к собственному дому, зарабатывая на кусок хлеба починкой мебели, дверей, оконных рам и хозяйственной утвари. Но славился он не столько мастерством, сколько добротой и широтой души, в жизни не обидев ни одного человека. Ему всегда хотелось, чтобы никто не обижался и всем было хорошо. Егора он встретил не хуже, чем если бы встречал любимого сына.

- Господи, Егорша приехал! - Ходил Иван Поликарпович плохо, хромотал, кости левой ноги у него начали размягчаться, - болезнь по-ученому называлась: облитерирующий эндерит, - но он скрывал свои боли от всех и даже пытался работать на огороде.

- Сколько лет, сколько зим! А мы уж думали, забыл нас совсем. Проходи, родной, проходи. Фруз, накрывай на стол.

Жену Ефросинью Павловну, тихую и незаметную, но неизменно приветливую, он звал Фрузой.

Вскоре на столе в маленькой веранде, напомнившей Егору отцовскую веранду в Ковалях, стояла початая бутылка водки, соленые грибы, салат из овощей, свекольник, телячий язык под соусом. Пока баба Фруза пекла блины, Иван Поликарпович пропустил стаканчик, благо был повод, и разговорился, давно не имея благодарной аудитории. Старик он был интересный, знал многое, интересовался и политикой, и экономикой, и новостями культурной жизни страны, и мировыми событиями. Конечно, источником его знаний был в основном телевизор да газеты, однако Иван Поликарпович умел делать выводы, зачастую парадоксальные, и слушать его было занятно. Крутов только кивал и поддакивал, налегая на грибы, а потом на блины со сметаной, продолжая размышлять над тайной своего освобождения. Не приходилось сомневаться, что ему помогла какая-то сильная рука, буквально заставив местную власть выпустить полковника "на поруки", но что это была за рука, кто заинтересовался судьбой бывшего командира спецподразделения антитеррора, приходилось только гадать.

Предположение о том, что Крутову помог кто-то из бывшего начальства, узнав о его приключениях, не выдерживало критики. Бывшими сотрудниками спецслужб по обыкновению интересовались мало, а точнее, не интересовались совсем. Этим занимались только разного рода союзы ветеранов спецслужб да коммерческие и криминальные структуры.

Крутов меланхолично кивал, слушая старика. Дядя одним глазом хитренько посмотрел на него и вдруг забеспокоился.

- Что-то выглядишь ты хреново, племяш. Аль случилось что? Не заболел ли? Бледный ты какой-то, руки в синяках, на скуле царапина... аль подрался с кем?

- Подрался, - наметил улыбку Крутов, раздумывая, сообщать ли дяде о ранении Осипа, потом все же решил рассказать, слегка преуменьшив размеры драмы.

Иван Поликарпович выслушал весть с изумлением и недоверием, хмель его как рукой сняло. Он даже переспросил, правда ли это, так был поражен новостью, а затем только хлопал руками себя по коленям, приговаривая: ах, варнаки, ах, поганцы! - и взгляд его, взгляд человека, всю жизнь дарившего людям добро, говорил о том, как глубоко он подавлен и растерян.

Ефросинья Павловна была потрясена не меньше мужа, однако по натуре умела сдерживаться и лишь вздыхала, промокая слезящиеся глаза. Она было тут же засобиралась в Фошню, чтобы навестить родственников, и Егор с трудом уговорил стариков не спешить.

- Я достану транспорт, - обнял он обоих, - и отвезу вас в больницу. Не переживайте. Осип уже всюю травит анекдоты, да и баба Аксинья поправляется, так что скоро выйдут. А бандюг тех уже нашли добрые люди и воздали им по заслугам. Дядь Вань, у меня к тебе просьбочка небольшая имеется. Вишь, в каком обмундировании приходится щеголять? Стыдно на глаза людям показываться.

- Да и я тоже обратил внимание, - слегка ожил Иван Поликарпович, - неужто, думаю, ограбил кто? С тобой-то все в порядке? Надолго приехал?

- Скорее всего надолго. Отпуск взял. - Крутов не стал разочаровывать старика рассказом о своем содержании под стражей. - Дядь Вань, одолжи деньжат. Пойду куплю что-нибудь поприличней.

- Сколько тебе надо?

- Рублей пятьсот, думаю, хватит. Я отдам через пару дней.

- Не требеси, бери и не думай о долгах. На жизнь нам со старухой хватает... Подожди-ка, я тебя сейчас ерофеичем напою.

Старик, припадая на больную ногу, скрылся в сенях, загремел дверцей погреба и вскоре вернулся с трехлитровой бутылкой темно-зеленого стекла, вытащил пробку, понюхал, зажмурился.

- Эх, хороша, ядрена корень! Всю хворь вытянет.

- Что это? - с настороженностью спросил Крутов, зная пристрастие дяди ко всякого рода наливкам и настойкам.

- Это ерофеич, - веско поднял палец Иван Поликарпович, - настой на травах. Он тебя прогреет и силу даст.

- Может, не надо?

- Не бойсь, племянш, я плохого не посоветую, а этот настой еще моя бабка Маша делала, траву тирлич собирала. - Иван Поликарпович на треть наполнил рюмку густой зеленой жидкостью, пахнувшей камфарой, смолой и травой, протянул Егору. - Пей!

Крутов покорно взял рюмку и сделал глоток, смакуя жидкость на языке, прислушиваясь к своим ощущениям. Вкус у настоя был специфический - перец пополам с орехом и медом, и глотать его было не очень приятно. Но потом вдруг началась череда

странных движений языка, гортани и стенок кишечника - будто там стали появляться и лопаться пузырьки газа. У Егора закружилась голова, и он вынужден был присесть.

Метаморфоза его ощущений между тем продолжалась. Его прошиб пот, жаркая волна прокатилась по телу от макушки до ног, пальцы рук стали ледяными, уши наоборот запылали огнем, голова распухла, стала пустой, ясной и звонкой, а сердце заполнило все тело и с шумом фонтанировало не кровью - огненной лавой. Затем все шумы стихли, их задавил звенящий гул, похожий на густой звон проводов зимней морозной ночью, а тело превратилось в глыбу стекла. Казалось, шевельнись - и оно рассыплется на кристаллы и осколки! Но и это ощущение быстро прошло, Крутов снова стал человеком, хотя - огромным, не вмещавшимся не только в собственное тело, но даже в дом дяди. Во всяком случае в дверь он сейчас бы не прошел! Возбужденная паразнергетика не пустила бы его, увеличив объем тела, а вернее, энергочувственный объем, до размеров комнаты.

Еще с минуту Крутов отдувался и приходил в себя, а когда окончательно очнулся, осознав себя сидящим на стуле, то поразился тому ощущению бодрости и силы, которое кипело в крови и заставляло мышцы играть и требовать нагрузки.

- Ну как, живой ты ай нет? - довольно ухмыльнулся старик.

- Нет слов! - искренне ответил ошеломленный Егор. - Ощущение совершенно сказочное: я все могу!

- Еще бы, я этим снадобьем только и спасаюсь, ногу мажу и внутрь принимаю. Врач приходил, грит - ложись в больницу немедленно, а то ногу отрежут, а я вот ужотко второй год держусь. Хочешь, отолью склянку? Только пей не часто и помаленьку, сто лет жить будешь.

Иван Поликарпович нашел плоскую фляжечку из-под алтайского бальзама, отлил в нее ерофеича и вручил Крутову.

- Пользуйся и заходи почаще, не обижай, всегда будем рады.

Егор обнял дядю, поцеловал Ефросинью Павловну и вышел. У перекрестка оглянулся, чтобы помахать рукой: старики стояли у калитки и дружно ответили на его жест. А у Крутова защемило сердце: жить обоим осталось не так уж и много, несмотря на умение дяди хорохориться и выглядеть здоровым и сильным.

В центральном универмаге Жуковки Крутов купил себе рубашку цвета маренго с короткими рукавами, джинсы, плавки, носки и кроссовки, тут же переоделся в парке, за кустами, а выданные в милиции обноски свернул и положил на скамеечку - для бомжей или тех, кто нуждался даже в таких вещах. Так как в райцентре ему делать было нечего, Крутов не спеша зашагал к выезду из города, надеясь на попутку. Пешком топать восемнадцать километров до Ковалей все-таки было нездорово, несмотря на расправившее Крутова после приема ерофеича чувство бодрости.

Остановилась третья по счету машина - новенький молоковоз, в кабине которого, кроме водителя, сидела девочка лет двенадцати, как оказалось, его дочка.

Разговорились. Посудачили о жаре и видах на урожай, о ценах на продукты, а также о проблемах воспитания детей.

- Ты знаешь, что творят в школе эти оглоеды? - возмущался шофер Вова, примерно одного возраста с Егором, быстро перейдя с пассажиром на "ты". - Не поверишь! Ну, учиться и мы не особенно хотели, но нынешняя молодежь совсем учителей не замечает, в упор! Да еще угрожает: не поставишь тройку - дом спалим! Или вот аборт делают в шестом классе! Да разве такое было в наше время?! Хорошо у меня Танька воспитанная, книжки всякие любит читать, не оторвешь. А то тоже залетела б... Или вот еще случай. Я в Фошне в своем доме живу, а сосед мой Колька квартиру получил в девятиэтажке, у нас тоже такие строить начали. У него пацан в четвертом классе учится и в школу теперь ему ходить надо через три улицы, так что пацаны удумали: плати, говорят, за проход по нашей территории! Это, мол, "зона наших интересов". Каково?! Насмотрелись американского дерьма по телику...

Крутов засмеялся.

Шофер Вова тоже блеснул зубами.

- Не, я правду говорю. Как вот в таких условиях детей воспитывать? Телики поразбивать? Или головы тех, кто эти сволочные фильмы крутит?

Лучше головы, подумал Егор, но вслух сказал:

- От нас тоже кое-что зависит. Ты вот много внимания дочке уделяешь?

- Да так, когда вечером... - смешался Витя. - С ней мамка больше возится, а я чего - шоферу...

- А ты займись и увидишь результат. Для них внимание взрослых - едва ли не единственный стимул показать себя с лучшей стороны. - Егор подмигнул покрасневшей девочке, делавшей вид, что она не слушает разговор взрослых. - Как учишься?

- Хорошо, - тихо проговорила она.

- А кем стать хочешь?

- Космонавтом, - чуть слышно донеслось сквозь шум мотора.

- Это она начиталась фантастики, - осуждающе сказал Вова, - вот и мечтает. Лучше бы о чем-нибудь реальном мечтала.

- Хорошая мечта, - одобрил девочку Егор, поймав ее благодарный взгляд. - Только надо всегда быть достойным своей мечты, чтобы она исполнилась. Это очень трудно, но возможно.

Машина остановилась в центре Фошни, и Егор вылез, мучаясь вопросом, давать деньги водителю или не давать. Но Вова сунул ему руку, белозубо улыбнулся, и, проговорив - заходи в гости, улица Рогова, дом восемнадцать - уехал. А Крутов подумал, что если дети простых деревенских парней мечтают стать космонав-

тами, то еще не все потеряно, глубинный духовный запас России не исчерпан и она, как всегда, устоит, несмотря на все ухищрения врагов... кто и где бы они ни были.

В больнице он пробыл всего несколько минут. Поговорил с Осипом, узнал, что к дяде заходил Панкрат, передал привет от Ивана Поликарповича, забежал к Аксинье, с горечью в душе осознав, как она похудела и осунулась, и попытался поднять ей настроение шутливым пересказом своей встречи с родственниками в Жуковке. Это ему удалось, и Крутов покинул больницу с некоторым облегчением. Через полчаса он был в Ковалях.

Узнать о судьбе Елизаветы у родителей не удалось. Степанида вообще не знала, где ее дочь, а Роман Евграфович лишь разводил руками и говорить явно ничего не хотел. Либо тоже не знал, либо его запугали, то ли Егор ему не нравился. Впрочем, Крутов надеялся, что последнее предположение не соответствует истине, повода к тому, чтобы у соседей сложилось о нем плохое мнение, он не давал, кроме разве что ухаживания за дочерью в ее неразведенном положении.

Крутов наведлся к теткам и сестрам и был весьма удивлен, когда его сестрица Лида рассказала ему о своем знакомстве с Панкратом Воробьевым, предводителем "мстителей", о чем она, естественно, ничего не ведала. По тому, как сестра в некоторых моментах рассказа мялась и смущалась, Егор сделал вывод, что Панкрат ей понравился, и решил при первом же удобном случае поговорить с бывшим майором, дабы тот не поддавался искушению продлить знакомство. Судьба у сестры складывалась не слишком счастливая, а женщина она была впечатлительная и гордая, могла и влюбиться, двадцать семь лет - не пятьдесят семь, - и пережить еще одну трагедию ей было бы непросто.

Поговорив с Лидой и успокоив сестер, Крутов попытался починить свой автомобиль, заклеил пробитые шины-бескамерки изнутри, разложил их во дворе для просушки и после недолгих колебаний решил кое-кого навестить. Пообедав собственноручно приготовленными крошкой и тушеными овощами, Егор надел футболку, спортивные штаны и отправился в гости к хозяевам, купившим хату у Гришанка.

Пока он сидел в милиции, здесь успели навести порядок, остатки сгоревшего киоска убрали, навезли кирпича, досок, бревен и принялись возводить новую торговую точку, уже не киоск, а целый магазин. Дела, видать, у Бориса, брата мужа Елизаветы, шли хорошо.

Строители были чужие и спрашивать ничего Егор у них не стал, просто открыл калитку и прошел в дом, знакомый ему еще по старым временам, когда он часто заходил в гости к Шурику Гришанку, с которым вместе учился. В доме тихо разговаривали

двое мужчин, в одном из которых Егор узнал Бориса; второй себе-седник, черноволосый, с густыми бровями и острым, как топор, лицом, был незнаком. Оба сидели на диване в майках и шортах и потягивали пиво из жестяных банок, батарея которых стояла на столе. Судя по количеству пустых банок в ведре у порога, сидели они давно.

- Привет, - сказал Егор, засовывая руки в карманы спортивных брюк. - Прошу прощения за вторжение, но у меня только один маленький вопросик имеется. Где Лиза?

- Вот бл... гаденыш! - обрел дар речи опешивший Борис. - И ты осмелился заявиться ко мне домой, внаглую, чтобы спросить, где эта братова сучка?! А ну, Шамиль, проводи...

Договорить он не успел. Удар ногой в подбородок унес его с дивана и переместил в угол залы, к телевизору. Черноволосый Шамиль вскочил, вставая в стойку каратэка. Егор, спокойный и уверенный, смерил его взглядом, не вынимая рук из карманов, покачал головой.

- Не влезай, парень, себе дороже обойдется.

Черноволосый прыгнул вперед, нанося удар ногой по колену Крутова и тут же рукой в лицо, однако Егор подпрыгнул вверх, пропуская ногу противника и блокируя предплечьем удар рукой, и ответил звонким, оглушающим, "штампующим" ударом-шлепком ладони по макушке черноволосого. Тот присел, хватаясь руками за голову, и Егор, толкнув его коленом, свалил на пол. Наставил палец.

- Сидеть! А то рассержусь.

Борис начал подавать признаки жизни, застонал, завопил на полу, сел, держась рукой за челюсть.

- Это тебе аванс, - подошел ближе Егор, - за "сучку". Еще раз скажешь об этой девушке гадость - вобью язык в глотку. А теперь еще раз повтори, где она.

Глаза Бориса стали осмысленными, и в них на фоне безмерного удивления зашевелился страх.

- Пошел ты!..

Егор отвел ногу для удара, Борис в испуге вжался в угол, едва не опрокинув тумбочку с телевизором, и в это время ожил его приятель.

- А-а-а, амени баласы ахмат! - заорал он, вскакивая, хватая стул и замахиваясь.

Крутов мгновенным движением сцапал со стола банку с пивом и метнул в надвигающуюся фигуру. Банка попала в лоб Шамилю, пиво брызнуло во все стороны, черноволосый выронил стол и растянулся на полу. Егор проводил его падение взглядом, повернул голову к Борису.

- Ну?

Видимо, последний довод доконал хозяина, потому что он, все еще ощупывая вспухшую челюсть, невнятно пробубнил:

- Она в Брянске... у Георгия...

- Адрес.

Борис нехорошо усмехнулся, но от боли тут же его физиономия перекосилась, хотя глаза продолжали таить злобно-веселую искру.

- Проспект Машиностроителей, дом два. Попробуй, сунься, смельчак.

Крутов отвернулся и вышел из залы, на пороге не забыв вежливо сказать "спасибо". Раздумывая, что ему теперь делать, ехать ли сразу в Брянск или дожидаться возвращения Осипа и Аксиньи, он вернулся домой, постоял в нерешительности возле машины, вышел в сад, и вдруг в голове тоненько тренькнул звоночек тревоги. Кто-то наблюдал за ним, очень осторожно и тихо, на расстоянии, скорее всего в бинокль, и обнаружить эту слежку могла только никогда не дремлющая боевая интуиция профессионала.

Ощущение "пульсировало" - то появлялось, словно шею покусывал комарик, то исчезало, что объяснялось, очевидно, действиями наблюдателя: он то прикладывал бинокль к глазам, то опускал, а так как Егора можно было видеть в саду только с одной стороны, со стороны пруда, то он решил искупаться. Скрылся в доме, взял полотенце, тонкое одеяло и в плавках, надев темные очки, демонстрируя намерения, пошлепал босиком через огороды к пруду. По-хозяйски расположился на лужайке, свободной от коровьих лепешек, расстелил одеяло и растянулся на нем навзничь, раскинув руки и ноги. К этому моменту он уже примерно знал, где скрывается наблюдатель, - на одной из раquit со свисающими до земли "косами" - длинными ветвями, но теперь надо было выманить его оттуда, заставить покинуть свой пост для проверки наблюдаемого.

С минуту Крутов прислушивался к тихим птичьим трелям, к звону насекомых, шелесту листьев деревьев - ко всему тому, что называется тишиной природы, потом расширил диапазон слуха с помощью медитации и нырнул в бездну п у с т о т ы.

Сеанс вневещественного восприятия длился всего несколько секунд, выходил Егор из этого состояния гораздо дольше, несколько минут, зато теперь он точно знал, где сидит наблюдатель, знал, что он вооружен и что у него есть по крайней мере один напарник. А поскольку вылезать из убежища он не торопился, считая, что объект действительно решил позагорать и искупаться, и никуда не денется, Крутов понял, что пришла пора действовать. Он окунулся в пруд, с наслаждением полежал на воде, остужая тело и вспоминая детские забавы с постройкой плотов и охотой на местных "акул" - лягушек, потом вылез из воды и, насвистывая, перекинув через плечо полотенце, направился обратно к деревне. Однако на

краю огородов вдруг свернул к группе больших раки, возрастом, наверное, превосходящих Ковали, сделал вид, что хочет справить нужду, влез под шатер самого большого дерева и, не давая наблюдателю опомниться, стремительно взлетел по стволу ракиты вверх на три метра и одним ударом сбросил его на землю. Спрыгнул следом, добавил локтем в основание черепа, так чтобы не убить, а только обездвижить. Отобрал у парня в камуфляж-костюме рацию, панорамный бинокль армейского образца, пистолет-пулемет ОЦ-22 с магазином на тридцать патронов, известный под названием "овца", и штурм-нож с зазубренной кромкой, пощипал парня по щекам.

- Вставай, вставай, отдыхать будешь потом.

Парень зашевелился, открыл затуманенные глаза, увидел перед собой лицо того, за кем должен был наблюдать, и попытался отодвинуться. Егор прислонил его спиной к стволу ракиты, резко дернул за ухо; боль, как известно, отрезвляет.

- Кто ты, откуда, зачем следил за мной?

- Я не за вами... за деревней... у нас учения... - пробормотал постепенно приобретающий уверенность парень с коротким ежиком волос и сломанным "боксерским" носом.

Егор укоризненно покачал головой, дернул наблюдателя за ухо по сильнее, так что тот вскрикнул.

- Не обманывай старших, малыш, а то я тебя поставлю в угол и родителям сообщу. Имя?

- Кафельников... Леонид...

- Ух ты! Не родственник ли знаменитого теннисиста? Звание!

- Лейтенант.

- Откуда?

Наблюдатель сверкнул глазами, набычился, решая в уме какую-то задачу, и Крутов вынужден был вклеить ему пощечину, чтобы не упускать инициативу.

- Быстрее отвечай!

- Воинская часть 1369 Д, мы стоим тут недалеко...

- За колючей проволокой? Асфальт вам провели?

Глаза наблюдателя на мгновение остекленели, он не был готов к беседе с глазу на глаз и не успевал придумывать "дезу".

Егор снял пистолет-пулемет с предохранителя, сунул ствол в рот парню и ласково проговорил:

- Ты понимаешь, что мне есть где тебя похоронить так, что никто не найдет?

Парень вспотел, покивал.

- Отлично. - Егор вынул ствол изо рта лейтенанта. - Говори. Что за часть стоит там на самом деле? Чем там занимаются? Кто тебя послал следить за мной? Зачем?

- Это секретный объект третьего... - начал было наблюдатель и не закончил. Кто-то возник за спиной Крутова, бесшумный и

опасный, и хотя интуиция предупредила Крутова, бросив его ничком на землю, все же он был слишком увлечен допросом, чтобы прореагировать адекватно.

Сухо треснула короткая, в три патрона, очередь, пули прошли над спиной Егора, срезали ветки ракиты, канули в лес. И тотчас же раздался чей-то недобрый угрожающий голос:

- Лежать! Пристрелю! Руки на затылок!

Егор еще в падении мог бы открыть огонь из "овцы", но не стал этого делать, не зная, с кем имеет дело. Поэтому он подумал, медленно отодвинул от себя "овцу", сцепил пальцы на затылке и слегка повернул голову, чтобы в полумраке ракиты разглядеть говорившего. На него смотрел зрачок такого же пистолета-пулемета, а поверх него виднелись глаза пригнувшегося к земле парня в пятнистом комби. Судя по выражению глаз этого человека, демонстрировать знание рукопашного боя было бесперспективно. Тот, кого Крутов взял в плен, отклеился наконец от ствола ракиты, подобрал свое оружие, ткнул носком ботинка в плечо Егора.

- Вставай, но не резко, и выползай.

Крутов повиновался, прислушиваясь к знойной тишине природы. Ему показалось, что кроме захвативших его наблюдателей где-то прячутся другие люди. И он не ошибся. Выйдя из-под полога ветвей ракиты, он сначала увидел третьего члена группы, экипированного точно так же, как и его приятели, но с автоматом подмышкой, а затем в пяти шагах позади него заметил затаившегося в траве четвертого человека. И по тому, как этот четвертый держался, Егор вдруг сообразил, что он из другой команды, не из той, что следили за ним.

- Иди! - подтолкнули его в спину.

Двое парней вылезли из-под дерева вслед за ним, они вполне могли заметить лишнего свидетеля, и тогда Крутов начал действовать, спасая положение, не вполне впрочем уверенный, что прав.

- Караул! Грабют! - заорал он внезапно, заставив конвоиров вздрогнуть. - Спасите! Помогите!

Замешательство спецназовцев длилось всего секунду, но этого хватило тем, кто следил за ситуацией со стороны.

Двое наблюдателей отвлеклись на Егора, направив на него оружие, третий попытался зажать ему рот, и действие разбилось на два фрагмента. В первом Крутов по-змеиному вывернулся из захвата, перехватил руку вцепившегося в него парня, пригнул его к земле и ударил коленом в лицо.

Второй фрагмент оказался посложней: сзади на парней в камуфляже вдруг бросились какие-то люди, одного сходу угостили ударом пистолета по загривку, второго скрутили и сунули лицом в

землю, чтобы не кричал. Только после этого участники короткой схватки взглянули друг на друга.

- Панкрат! - сказал без особого удивления Крутов.

- Что это вы без охраны, полковник? - с ироническим укором отвечал Воробьев. - Тут же по лесам полно недобитых фашистов!

Они с улыбкой обменялись рукопожатием, потом Панкрат махнул рукой своим подчиненным:

- Свяжите этих бугаев и оттащите подальше в лес, через пару минут допросим. Хочешь поучаствовать? - это уже Крутову.

- Непременно, - отозвался тот, глянул на свои измазанные травой плавки, - только переоденусь. А где это омовцам, к которым ты якобы принадлежишь, преподают навыки диверсионно-разведывательной работы?

- А я сбrehал, - легкомысленно отмахнулся Панкрат. - Вообще-то служил я в особой группе внешней разведки, пасшей бывшие республики Союза.

- Похоже. В Чечне бывал? Мы там не могли встречаться?

- Вполне могли, но я бы запомнил.

- Жди, сейчас приду.

Через несколько минут, сбегав домой и натянув на себя джинсы и рубашку, Егор вернулся к пруду.

Троица неудачливых наблюдателей уже сидела спина к спине под поваленной сосной и только сверкала глазами в бессильной ярости; у каждого во рту торчал клып.

- С кого начнем? - спросил длинный жердеобразный парень из команды Воробьева, кивая на пленников.

- Погоди, - буркнул Панкрат. - Во-первых, по одному, во-вторых, надо посоветоваться. - Он отвел в сторонку Егора. - Зачем тебе понадобилось связываться с ними, полковник? А если бы мы не успели?

- Вряд ли они пришли сюда ликвидировать меня, для этого не стоило организовывать полномасштабную слежку. Меня выпустили по чьему-то приказу и решили, очевидно, понаблюдать, чем я стану заниматься.

- Не учи твоей квалификации. А что значит - выпустили по приказу?

Крутов помрачнел, невольно ощупывая ссадину на скуле, помолчал немного, потом коротко поведал Воробьеву историю своих злоключений.

- Н-да! - почесал тот затылок. - Крепко тебя обрабатывали! И очень неожиданно выпустили. Что собираешься делать?

- Сначала разберусь с этими служаками, - кивнул на связанных наблюдателей Крутов. - Затем посчитаюсь с местным ОМОНом. Терпеть ненавижу служебного произвола, хамства и унижения! После этого поеду в Брянск.

- Искать Лизавету, - закончил Панкрат с хитровато-простодушным прищуром. - Присох-таки к чужой жене... - Он поднял руки вверх. - Молчу, молчу.

- И молчи! - сурово сказал Крутов. - Сам-то на кого глаз положил? Смотри, майор, обидишь Лидуху - убью!

- А ты откуда знаешь? - округлил глаза Воробьев.

- Она сама призналась. - Егор нехотя улыбнулся. - Видать, заинтересовал ты ее. Девчонка она клевая, слов нет, но лучше бы ты в ту сторону не смотрел.

- Это почему же? - осведомился Панкрат.

- Потому! Ты же перекасти-поле... Один такой у нее уже был.

- Эх, не будь ты ее братом, полковник, дал бы я тебе! - вздохнул Панкрат.

- Помечтай, помечтай. Я тебя предупредил. Расскажи, как ты сам-то здесь оказался.

Воробьев дернул себя за ухо "фирменным" жестом, поколебался немного и ввел Крутова в курс здешних событий, рассказав о бое возле кургана, о потерях среди "мстителей", о посещении больницы в Фошне и о встрече с Лидой. Заканчивая рассказ, он вдруг смущенно посмотрел на Егора и сказал:

- Ты дурное в голову не бери, запала она мне в душу. Так что не только обидеть - оберегать согласен... всю оставшуюся жизнь. Кстати, она меня в гости пригласила. А правда, что у нее сейчас никого... ну, ухажера нет?

Крутов хмыкнул, смерил майора взглядом.

- Я не спрашивал, но, по-моему, нет. Да и кому она с двумя детьми нужна? Ты хоть знаешь об этом?

- Да хоть четверо!

- Такой ты у нас примерный отец? Ладно, хватит трепаться. Не об этом думать надо. Ты только что соратника похоронил, выяснять надо, ради чего он погиб.

Лицо Панкрата стало угрюмым.

- Выясню, не беспокойся. Всю душу вытрясу из...

- Эти ребята могут быть ни при чем. Что еще ты можешь сообщить по делу?

- Ты о такой организации - ФУМБЭП - ничего не слышал?

- Нет. Что это за организация?

- Если бы я знал, не спрашивал бы. В зону рефрижератор заехал, водитель в черно-желтой форме и эмблема у него на груди - шестиконечная звезда и эти буквы.

- Федеральное управление...

- Это и мы поняли. Федеральное управление чего?

Крутов подумал.

- По-моему, что-то связанное с медициной. Могу уточнить у своих знакомых в Москве.

- Уточни, если сможешь. Я тоже дал запрос, но за ответом надо в Жуковку ехать. Может, ты и прав, что зона за колючкой как-то связана с медициной, с какой-то военной лабораторией. В свое время газеты писали о "парадах уродов", не читал? С помощью специальных упражнений, поз и питания людей в секретных лабораториях превращали в уродов, а потом показывали публике.

- Где это у нас такое было?

- Не у нас, на западе. А что, мы сильно от них отличаемся? Образ жизни, чуждый нам, с порнопотоксом, насилием и рекламой, мы уже практически переняли. Но я не об этом. Может быть, тут в лесах прячется подобная лаборатория? Недаром же курганы были приспособлены под общие могилы. - Глаза Панкрата загорелись. - Слушай, идея! А что если рефрижератор, заехавший в зону, заказан для транспортировки выкопанных мертвецов?!

Крутов покачал головой.

- Не подгоняй факты под теорию. Хотя, с другой стороны, идея неплохая. Вы своим настырным любопытством заставили руководство зоны занервничать, и оно решило замести следы.

- Точно! Я подумал о том же самом.

- Пошли. - Егор направился к пленникам.

Они выдернули одного из наблюдателей, самого первого, с которым столкнулся Крутов, со сломанным носом, отвели подальше в лес, поставили спиной к сосне и привязали парня за шею к столбу, чтобы он все время стоял на цыпочках.

- Слушай меня внимательно, - сказал Панкрат с обещанием в голосе. - Будешь говорить - будешь жить. Нам терять нечего, мы и так вне закона. Как понял? Прием. - Он вытащил кляп изо рта пленника.

- Вы все трупы, - сказал тот неповинуящимися губами, с трудом сплюнул, вынужденный высоко держать голову, чтобы веревка не врезалась в горло. - Сейчас сюда прискачет Сват с ребятами... - Наблюдатель прикусил язык.

Крутов и Воробьев переглянулись.

- Я уже слышал это имя, - сказал Егор, - когда ко мне заявились, чтобы забрать раненого археолога. Кто такой Сват?

Пленник ответил презрительным взглядом и стал смотреть в небо.

- Что ж, не хочешь говорить, пойдем другим путем. - Панкрат без размаха вонзил согнутый палец в солнечное сплетение парня. Тот охнул и обвис, теряя сознание.

- Сдвиньте веревку пониже, а то задохнется. - Воробьев подмигнул несколько озадаченному Егору, достал пистолет. - Голь на выдумки хитра, как говорится, устроим маленький спектакль.

Он выстрелил в воздух, кивнул своим помощникам.

- Приведите второго.

Крутов понял, поднял большой палец.

"Мстители" привели второго наблюдателя и привязали к другому дереву так, чтобы тот мог боковым зрением видеть своего "убитого" приятеля. Панкрат вытащил у него кляп, поиграл пистолетом, сказал многозначительно:

- Твой напарник говорить отказался, а времени у нас мало. Говорить будешь?

В глазах парня мелькнуло какое-то чувство, но Крутов мог поклясться, что это не страх. Наблюдатель смерти не боялся.

- Отпустили бы вы нас, - разлепил он губы. - Все равно мы ничего не знаем. Нас послали следить вот за этим типом, - парень кивнул на Крутова, - и докладывать о каждом его шаге. Это все.

- Кто приказал?

- Майор Сватов. Начальник охраны объекта.

- Что за колющей проволокой в лесу? С асфальтовой дорогой? Что это за объект?

Парень угрюмо скривил губы, смерил Крутова взглядом.

- Стреляй, разговор окончен.

Егор и Панкрат снова переглянулись, отошли в сторону, и в это время к ним из леса выбежал запыхавшийся Ларин.

- Сюда движется группа, человек десять в камуфляже, при полном боевом. Что будем делать?

- Это обещанная им команда, - кивнул Воробьев на привязанного пленника. - Либо услышали выстрелы, либо всполошились, не получив ответа по радиации. Ну что, дадим бой?

- Не сходи с ума! Это профессионалы.

- Мы тоже не лыком шиты.

- Они не боятся смерти, и это очень странно... Бери своих парней и уходи. Есть где пересидеть какое-то время?

- Я хотел остановиться в деревне, у твоей сестры, но теперь вижу, что это не самый лучший вариант. Мы тут недалеко, возле Николаевки, дачу обнаружили шикарную, еще недостроенную, прямо на берегу речки, вот там и устроимся. Вряд ли кто догадается искать нас на таком важном объекте.

- Хорошо, отправляйтесь. А я дома займу круговую оборону. - Крутов усмехнулся. - Через пять минут вся деревня будет у меня.

Панкрат сунул руку Егору, махнул все понявшему Ларину, бросил - передавай привет Лидии, пусть ждет в гости, - и исчез.

Крутов подошел к настороженно глядевшему на него наблюдателю, заглянул в его пустые глаза и медленно проговорил:

- Передай Свату, что если с этого момента вы не оставите меня в покое, я вас начну отстреливать, как фазанов.

И, не дожидаясь ответа, нырнул в кусты. Через десять минут он был дома.

Сутки Елизавета провела, предоставленная самой себе, в ненавистой ей пятикомнатной квартире мужа на проспекте Машиностроителей, куда ее привез Станислав, телохранитель Мокшина и его агент по особым поручениям. Сам Георгий не появился ни днем двадцать девятого июля, ни вечером, лишь позвонил откуда-то и сообщил, что приедет тридцатого. И тогда Лиза в ответ заявила, что если он ее не выпустит, она подожжет квартиру и сгорит в ней сама.

Трудно сказать, что подействовало на Мокшина, - то ли решимость в голосе бывшей жены, то ли какое-то другое соображение, - только в семь утра приехал Станислав и открыл квартиру.

- Вот ключи, - сказал он, оглядывая одетую в пеньюар Елизавету. - Шеф приказал тебя выпустить, но одну никуда не отпускать.

- А если я позвоню в милицию? - поинтересовалась она.

- Милиция подчиняется мэру, - отмахнулся двухметровый Станислав, - а мэр у нас - твой муж, так что давай не ересься.

Закусив губу, Елизавета постояла в прихожей, пытаясь обуздать свой гнев, и бросила в квадратное, ничего не выражающее лицо телохранителя:

- Жди внизу, прихвостень!

Понимая, что ей действительно не удастся самостоятельно избавиться от надзора, Лиза долго размышляла, что делать в таком безвыходном положении, потом решила поехать на работу. Отпуск ее заканчивался только через шесть дней, однако сидеть целую неделю в пустой квартире и ждать мужа, способного на любой поступок, было выше сил, а участь на всю жизнь остаться пленницей и вовсе приводила Елизавету в ужас, поэтому она решила пока подчиниться обстоятельствам и поискать выход. А еще она очень надеялась, что Крутов выйдет из Жуковского КПЗ и найдет способ выволочь ее из неволи.

В десять утра она была в фирме, удивив сотрудников и обрадовав начальника отдела, которому приходилось самому вести ее клиентов, разрабатывать стратегию и доводить до ума рекламную концепцию "нового отечественного шампуня от перхоти "Братья Киселевы". Перекинувшись парой слов с женской половиной фирмы и пообещав попозже рассказать о своем отдыхе, Елизавета с головой окунулась в работу, вдруг обнаруживая, что соскучилась по ней и готова чуть ли не рыть землю от усердия.

День пролетел незаметно, полный переговоров с клиентами, фотографами, дизайнерами, видеостудией и модельным агентством "Ерофеев-Б". Лишь дважды Лизе удалось хлебнуть кофе и поговорить с подругой Катей, тянувшей лямку помощницы менеджера. Наконец в десятом часу вечера гонка закончилась, а так как

кроме "двух Е" - Екатерины и Елизаветы - в офисе больше никого не осталось, подруги решили посетить ближайшее от фирмы кафе "Партизан", где они изредка обедали.

У выхода из здания бывшего кинотеатра, где фирма "Навигатор" арендовала несколько помещений под офис, дорогу Лизе заступил Станислав.

- Велено отвезти тебя домой.

Лиза оглянулась на Катю и сказала медовым голосом:

- Надеюсь, ты не будешь возражать, если мы поужинаем? Твой шеф будет очень недоволен, если я пожалуюсь, что ты оставил меня голодной.

Телохранитель Мокшина, не получивший от него на этот счет никаких инструкций, замялся в нерешительности, потом отступил.

- Ладно, ужинайте. Куда отвезти?

- Здесь всего сто метров, дойдем пешком, в "Партизане". Жди у машины.

Лиза увлекла ничего не понимавшую подругу за собой, и они побрели по тротуару к площади Ленина, постепенно приходя в себя от суеты и жужжания компьютеров.

- Кто это? - оглянулась Катя.

- Телохранитель мужа. - Елизавета потускнела и вдруг расплакалась, всхлипывая и не вытирая слез. - Мерзавец поганый!.. Схватил, увез, запер...

- Да в чем дело? - удивилась Катя. - Ну-ка перестань реветь, рассказывай, что случилось. Я так и поняла, что ты вышла на работу не по своей воле. Шеф вызвал? Криворуков? Мерзавец!

Лиза помотала головой, проглотила ком в горле, достала платок, чтобы вытереть лицо.

- Шеф ни при чем. Георгий меня достал... - И она рассказала подруге все, что с ней приключилось в последние три дня, в том числе и о своей встрече с Егором Крутовым.

Катерина выслушала подругу с таким участием и восторгом, что Елизавете стало гораздо легче.

- Вот видишь, - вздохнула она, смущенно улыбаясь, достала зеркальце, поправила прическу, вытерла следы слез. - И я влюбилась, как девчонка. Знала его столько лет, никогда не обращала внимания, да он и старше меня на десять лет...

- На десять?! - ахнула Катя. - Он такой старый?!

Лиза невольно улыбнулась.

- Тридцать пять лет - старый? Видела бы ты, как он дерется! Он любому крутому фору даст. Ну чего стали посреди дороги? Пошли в кафе, раз собрались, посидим, расслабимся. Рассказывай теперь ты о своих подвигах.

Они зашли в кафе, выбрали столик у окна, заказали бутылку шампанского, кое-какую закуску и кофе, и принялись болтать, то и дело скатываясь к интересующей обоих теме - о мужчинах, кото-

рые нравятся. Катя спросила - а как же муж? он же тебя любит? - и Лиза чистосердечно призналась:

- Но ведь я-то его не люблю! А его так называемая "любовь" - это чувство собственника. Ему бы мусульманином родиться - имел бы самый большой гарем! И потом, ты знаешь, как он стал мэром? Кто его финансировал? Какие-то военные. А эта его подзрительная деятельность, постоянные разъезды, встречи, вьющиеся вокруг темные личности, тупые телохранители... - Елизавета махнула рукой. - Все! Не хочу! Наелась.

- Но он такой сильный, мужественный. красивый...

- Только с виду. - Лиза улыбнулась. - На меня он действует, как аллергия. Помнишь, у Дюма в "Виконте де Бражелоне"? "Каждая женщина скажет, что между красотой любовника и красотой мужа огромная разница".

Засмеялась и Катя.

- Я не люблю Дюма, но сказано верно. Интересно было бы взглянуть на твоего Крутова, уж очень ты его превозносишь.

- Увидишь еще и убедишься. Он приедет.

- Почему ты так уверена в нем?

- Я же тебе говорю, он человек слова. Никогда не думала, что встречу...

- Соседа.

- Вот именно, что встречу соседа, способного меня зажечь.

- А как же все-таки муж?

- Никак. - Лиза нахмурилась. - Жить с ним я не буду... и в его квартиру не поеду. Приютишь на пару дней? У тебя он меня искать не станет, надо только от телохранителя избавиться.

Катя закурила, обдумывая свое решение. С одной стороны, ей было боязно вмешиваться в чужую жизнь, с другой - интересно, и еще хотелось помочь подруге. Она нагнулась к уху Лизы.

- Устроим маленькую комедь. Он ждет тебя у входа? Выйдешь через служебный выход и дворами дойдешь до парка, там встретимся. Я его отвлеку.

- А не боишься? Вдруг полезет выяснять отношения?

Екатерина с пренебрежением повела плечиком.

- Пусть попробует. Так завизжу, что полгорода сбежится.

Лиза приснула, Катя засмеялась тоже. Настроение у обоих поднялось, им было приятно осознавать себя решительными и смелыми.

Кафе между тем заполнилось, появились целые компании веселящихся молодых людей, привыкших чувствовать себя властелинами мира. Один из них заметил беседующих подруг, что-то сказал оркестру и, когда тот заиграл танго, подошел к столику.

- Пошли, потанцуем, - развязно сказал он Елизавете.

- Я не танцую, - покачала та головой.

- Что?! - удивился молодой человек; он был одет в черные брюки, белую рубашку "апах" и супертфли с пряжками и заклепками, а на руке носил не часы, а целый агрегат величиной с туристский компас. - Ты чо, в натуре?!

- Чо слышал: я не танцую. - Лиза с иронией оглядела парня.

- Да ты чо выпендриваешься? Я же музыку заказал.

- Иди и танцуй, если заказал.

- Ну, ты даешь! - покрутил головой танцор. - Я по-хорошему, а ты кобызишься. Ну смотри!

Покачнувшись, он расправил плечи и отошел от стола.

- Раздайся грязь, навоз плывет! - засмеялась Катя.

На ее беду парень услышал ее слова. Круто развернулся, сузил глаза.

- Чо ты брякнула?!

- Иди, иди, она пошутила, - с досадой отмахнулась Елизавета.

- Приходи завтра, обещаю станцевать.

- Нет, чо она сказала?! - Он оперся кулаками о столик, едва не смахнув на пол посуду. - Ты знаешь, с кем дело имеешь, вобла сушеная?! Я Хелемский, помощник депутата! Щас кликну хлопцев... - Молодой человек не договорил, на его плечо опустилась мощная ладонь Станислава.

- Уймись, мальчик, - сказал телохранитель Мокшина. - Эта мадам заказана.

И "помощник депутата" сник, съежился, пробормотал что-то и почти на цыпочках отошел от стола. Видимо, он хорошо знал телохранителей мэра и их возможности.

- Пошли домой, уже поздно, - посмотрел на часы Станислав.

Подруги переглянулись.

- Мы еще не пили кофе, - робко проговорила Катя.

- Дома попьете.

- Мы будем пить здесь! - твердо глянула на парня Лиза.

Командный тон действовал.

- Ладно, даю десять минут, - сдался Станислав и пошел к выходу из зала, оглянувшись. - Григорий будет очень недоволен.

- Это его проблемы, - холодно сказала Елизавета, хотя внутри нее все сжалось.

Станислав вышел. Катя посмотрела на лицо подруги и накрыла ее руку своей.

- Ну что, поедешь домой?

Лиза сжала губы, помотала головой упрямо, сдерживая подступившие слезы, решительно поднялась.

- Будем действовать, как договорились, если ты не передумала. Я ему не вещь, с которой можно делать все, что заблагорассудится, не интересуюсь ее мнением.

- Правильно! - с жаром махнула рукой Катя. - Мы им покажем, как надо свободу любить! Иди первая, я выйду позже. - Она хи-

хикнула. - Представляю рожу этого лакея, когда до него дойдет, что его обвели вокруг пальца...

Лиза, понимая, что все не так просто, и ей еще придется долго выдерживать осаду мужа, но и не желая быть игрушкой в его руках, глубоко вздохнула и быстро направилась к двери, ведущей из зала кафе на кухню. Компания молодых людей во главе с "помощником депутата" проводила ее глазами, но преградить путь не решилась.

Катя посидела за столиком несколько минут с сигаретой в пальцах, глотнула кофе и тоже поднялась. На мгновение ей стало не по себе, словно холодное облачко накрыло ее сверху, но девушка она была решительная и отступить не привыкла.

ЖУКОВСКИЙ РАЙОН. ВОРОБЬЕВ

Дача, которую разведчики Панкрата обнаружили в трех верстах от деревни Николаевка, явно принадлежала кому-то из сильных мира сего, то ли депутату областной Думы, то ли какому-то начальнику из губернской администрации, то ли крутому мафиози, но главным было то, что достраивать ее не спешили. За высоким двухметровым кирпичным забором неторопливо ворочались всего двое пожилых строителей - отделывали комнаты внутри здания, да лениво обходил владения страдающий от жары сторож, мускулистый малый с круглым сонным лицом, голый по пояс. Вооружен он был неплохо - помповым ружьем калибра двенадцать миллиметров, однако носил его как дубинку- на плече.

Кроме него, дачу охраняла собака - черно-белый северный шпиц, известный своей недоверчивостью. В Финляндии такие собаки использовались в основном для охоты на медведей, а для чего ее завели хозяева дачи, было непонятно, но едва ли в качестве сторожевого или охотничьего пса, скорее для создания имиджа; чистопородный шпиц силен и красив.

Посоветовавшись, "мстители" решили действовать просто и прямо, без специальных разведмероприятий, хотя и приняли кое-какие меры безопасности на случай засады, которой здесь в принципе не должно было быть. Идея звучала так: захватить сторожа и строителей, аккуратно связать, допросить и... дальше надлежало действовать в зависимости от полученной информации. Если сторож не докладывал хозяину дачи обстановку каждый день, а сам хозяин не проверял, как идет строительство, можно было расположиться на даче, поместив сторожа и строителей в одном из помещений под замок. В любом другом случае использование дачи в качестве базы отпадало.

Просчитали варианты, подготовились, окружили коттедж за глухим забором, и Панкрат начал осуществлять свой план.

В шесть часов вечера к воротам дачи подкатил мотоцикл, рекузировавшийся Воробьевым у Егора Крутова после разборки с наблюдателями, и водитель пару раз библикнул, вызывая сторожа. Ничего не подозревающий белокрысый соннолицый качок приоткрыл калитку, окинул мотоциклиста равнодушным взглядом и, разморенный жарой, лениво осведомился:

- Чего надо?

Карабин он так с плеча и не снял.

- Позови Сергеича, - сказал мотоциклист (Миша Ларин), - я за цементом еду. Сколько привезти? И будь другом, дай сигарету.

То, что одного из строителей звали Сергеичем, "мстители" узнали после часового наблюдения за территорией дачи, услышав их неспешные разговоры.

Сторож достал сигареты, одной рукой ловко выщелкнул одну.

- Откуда ты взялся? Я тебя раньше не видел. Бык еще одну бригаду взял?

- Нет, - выпустил струю дыма Ларин, - решил эту заменить.

Нападения сторож не ожидал, и хотя мышечный каркас имел солидный, все же точного удара в солнечное сплетение не выдержал: выронил ружье, охнул, сел на корточки, выпучив глаза и держась за живот. Потом дернулся было к ружью и замер: Ларин приставил ему ко лбу пистолет, сказал негромко:

- Как звать-то?

- Сидоров... Серж...

- Кричать будешь, Сидоров Серж?

- Не-е...

- Вот и отлично. Привяжи собаку, веди меня в апартаменты и не оглядывайся.

Михаил подобрал ружье, помахал рукой, подзывая остальных "мстителей", и повел ничего не соображавшего парня к великопелному коттеджу из красного кирпича, с вычурными фронтонами, колоннами и карнизами. Собака было рванулась к незнакомцу, но сторож остановил ее окриком и привязал за ошейник к будке.

Со строителями справились без шума, легко, просто загнали в почти законченную баню-сауну и заперли дверь. Лишь спустя минуту после этого обалдевшие мужики опомнились, начали ломиться в дверь, кричать, и Родиону пришлось пригрозить:

- А ну тихо! Сожгу вместе с баней к чертовой матери!

Стук и крики прекратились, наступила тишина, строители сообразили, что ими занялись серьезные люди.

Сторожа допрашивал сам Воробьев, после чего запер парня вместе со строителями. Ситуация складывалась благоприятная. Хозяин дачи, некто Аркадий Шанталинский, заместитель мэра Брянска, появлялся под Николаевкой редко, раз в месяц, и последний раз отметился на строительстве всего четыре дня назад. Бык, о котором упомянул сторож дачи, был прорабом на стройке,

но посещал дачу не чаще раза в неделю, и последний его визит совпал с визитом Шанталинского, то есть ждать его следовало не раньше, чем через три дня. Строители оказались приезжими сезонниками из Украины и харчевались и жили прямо на территории дачи, в палатке. Хозяин пользоваться удобствами своего владения не разрешал. Ну, и, наконец, сторож также обитал на даче, имея сменщика из местных аборигенов, а сменить его должны были только через два дня. Таким образом у "мстителей" появилась возможность затаиться хотя бы на два-три дня на базе, которую искать в дачной зоне вряд ли догадался бы какой-нибудь милицкий начальник. Панкрата это устраивало, его несколько потрепанную команду тоже, не устраивало же создавшееся положение только строителей и охранника, но это никого не волновало. Теперь надо было хорошо замаскироваться и не тревожить соседей Шанталинского, начавших строить особняки вдоль ручья. Правда, "мстителям" повезло: дача Шанталинского стояла как бы на отшибе, в лесу, между взгорком и изгибом ручья, поэтому увидеть, что творится на ее территории, было трудно. Тем не менее Панкрат решил подстраховаться, зная, что мелочей в его работе не бывает, собрал народ, и через пять минут после собрания у дачи уже был "сторож" (его роль играл гигант Коля Каширин), а во дворе возились "строители" - Родион и Миша Ларин. Остальные укрылись в коттедже, где были готовы почти все спальни (всего их насчитывалось четыре), каминный зал, столовая и кухня. Здесь уже можно было жить.

Больше всего "мстителей" поразил не холл площадью около ста квадратных метров, а кинозал с тридцатью роскошными стульями с мягкой обивкой. Впрочем, был достоин удивления и эскалатор, ведущий из холла на крышу коттеджа, где был оборудован солярий с небольшим бассейном.

Побродив по коттеджу, ошалевшие от интерьеров комнат "мстители" разбрелись согласно дежурному расписанию кто куда: одни "работать", другие отдыхать, - а Панкрат вдруг загорелся желанием посетить Ковали и навестить сестру Крутова, которой он обещал быть вечером в гостях.

- Я на пару часов отвлекусь, - сказал он Баркову, занявшему одну из спален дачи. - В случае тревоги дашь знать по рации.

- А работа? - недовольно сказал заместитель, не понимая, что собирается делать командир отряда. - Ребят же искать надо.

- Работать начнем ночью, как стемнеет, сейчас к зоне лучше не подходить. Нужен транспорт, а у нас только один мотоцикл.

- Куда ты собрался?

- За кудыкины горы. Свидание у меня.

- Что за свидание? С медведем, что ли? Возьми кого-нибудь для подстраховки.

- Пусть отдыхают, обойдусь.

Барков покачал головой.

- Как говорил мой батя: ты своей смертью не помрешь - или блинами обожрешься или куры обсерут. Не советовал бы я тебе шататься по лесам в одиночку. Неужели к бабе пойдешь?

- К ней, - признался Панкрат. - Но эта баба... нет, женщина, достойна того, чтобы и генерал сбежал в самоволку. Короче, Склифосовский, ждите, я не задержусь.

Взяв с собой пистолет и нож, Воробьев оседлал мотоцикл и выехал за ворота дачи. Вскоре он был у Ковалей, но прежде чем заехать в деревню, остановился на опушке леса и набрал букет полевых цветов, и лишь после этого в начале девятого вечера подкатил к дому матери Лиды, ничем не выделявшемуся из ряда таких же бревенчатых хат, крытых шифером, образующих самую длинную - в двенадцать домов - из трех улиц деревни.

Возле дома с визгом возились на траве двое ребятишек в одних трусиках, очевидно, дети Лидии Антон и Настя. Панкрат слез с мотоцикла, понаблюдал за их игрой и открыл калитку, вдруг ощутив странное волнение, будто перед прыжком с парашютом. Прислушался к себе, удивляясь реакции сердца на предполагаемую встречу с понравившейся ему женщиной, пробормотал про себя: "Если вы мне откажете, я умру, поклялся кавалер. Она отказала. Через пятьдесят лет он умер..."

И в это время на крыльцо хаты вышла Лида, обеспокоенная остановкой мотоциклиста возле играющих детей. Она была в простенькой маечке, туго обтягивающей высокую грудь, и в спортивных мужских трусах. Ойкнула, узнав Панкрата, и юркнула в дом, тут же высунув голову в дверь:

- Извините, я сейчас...

Остолбенелый Воробьев расслабился, выдохнул воздух, застрявший в легких, и засмеялся от переполнявших его чувств. Ощущение было такое, будто он вернулся домой, где его давно ждали. Вспомнил о цветах, сбегал за ними к мотоциклу, и вовремя: Лидия вышла, уже в блузке и юбке. Прикрикнула на детей:

- Ну-ка тише, башибузуки! Распищались.

Но было видно, что строгость она напустила на себя лишь для проформы, чтобы подчеркнуть свое отношение к детям.

Панкрат протянул ей букет, галантно поклонился.

- Я где-то вас видел, мадам. Вы случайно не артистка?

Лида засмеялась, взяла букет, прижала к лицу, вдыхая аромат цветов, бросила на гостя благодарно-изучающий взгляд.

- Спасибо, господин бывший майор. Проходите в хату, я как раз чай собралась пить. Мам, - позвала она, поворачивая голову.

Из сеней вышла седая женщина, удивительно похожая на Лидию фигурой, осанкой и лицом. Ей можно было дать не больше сорока лет, но седина прибавляла к возрасту еще лет десять.

- Мам, это Панкрат.

Воробьев поклонился.

- А это моя мама, Валентина Архиповна, - представила мать Лидия. - Mam, заведи детей с улицы, пусть поиграют в саду, а мы почаевничаем в горнице.

- Проходи, мил человек, - низким голосом проговорила Валентина Архиповна, окидывая Панкрата одновременно понимающим, оценивающим и вопросительным взглядом. - Самовар уже готов, стол накрыт. Лид, ты уж сама поухаживай за гостем, а я к Василию Поликарповичу схожу с детьми.

- Только не задерживайся, им спать скоро.

- Будь спокойна, лягут сами.

Еще раз посмотрев на Воробьева, мама Лиды забрала детей и ушла с ними в соседний дом.

- Хорошая у тебя мама, - сказал Панкрат.

- Не жалуюсь, - отозвалась Лидия, смущенная тем, что мать фактически призналась в ожидании дочерью гостя. - Ну, что стоите, заходите в хату.

- Только руки помою.

Панкрат умылся под рукомойником, висящим во дворе, возле погреба, прошел в горницу, где на столе действительно попыхивал парком самовар и были расставлены чашки и блюда для двух человек, стояли вазочки с сахаром, медом, вареньем, печеньем и воздушными пирожными с кремом, явно сработанными в домашних условиях. Лидия уловила взгляд Воробьева, покраснела. Он понял, что не ошибся: его здесь ждали.

- Отлично! - потер он весело руки. - Давно не пил чай с медом и пирожными.

Они сели за стол, поглядывая друг на друга, не зная, о чем говорить, с чего начать, словно школьники на экзамене, потом встретились глазами и рассмеялись, чувствуя облегчение. В принципе, ничего особенного изрекать и не надо было, их чувственно-эмоциональные сферы уже соприкоснулись и приняли друг друга, а общение было уже делом вторым.

- Можно, я за тобой поухаживаю? - предложил Панкрат.

- Нет уж, ты гость, - серьезно возразила женщина, - в здешних обычаях не принято гостей понуждать. Может быть, поужинаешь? Есть щи, пельмени, питье - юрага, квас, молоко.

- Тащи пельмени, - подумав, махнул рукой Панкрат.

Лидия радостно и недоверчиво привстала.

- Только придется подождать несколько минут, пока я сварю пельмени в приспешне.

- Где?

- Здесь так называют кухню.

- А что такое юрага?

- Сыворотка, остается после сбитого масла.

- Неси.

Лида упорхнула из горницы, принесла из погреба кувшин с холодной юрагой - зеленовато-беловато-прозрачной жидкостью и снова убежала на кухню варить пельмени. Воробьев напился - сыворотка оказалась очень вкусной, зашел было в "приспешню" предложить помощь, но был выдворен и стал рассматривать семейные фотографии, развешанные по стенам горницы.

Через десять минут Лида принесла тарелку самодельных пельменей, литровую банку сметаны и стала смотреть, подперев кулачками подбородок, как гость уплетает ужин.

Панкрат ел с удовольствием, заставил ее рассказать историю семьи, кое-что сообщил о своей, потом они пили чай и беседовали так, будто были знакомы с детства, будто переступили некий порог, разделяющий обоих.

- Вот ты говоришь, что служил в спецвойсках...

- В разведке.

- Ну, все равно. Значит, воевал? Где? Или не пришлось?

- В принципе, я побывал везде: в Афганистане, в Чечне, в Абхазии, в Карабахе и в Таджикистане. Короче, во всех горячих точках СНГ. Но я не воевал. Разведка - совсем другое дело.

- Все равно это война. Ведь тебя же могли убить?

- Это да, сколько угодно, - согласился Панкрат.

- А где было страшней всего? Можешь рассказать какой-нибудь случай?

Воробьев мог припомнить не один такой случай, когда его просто могли убить или ранить, но ничего Лиде рассказывать не стал. Только подтвердил, что страшно ему было не один раз.

Лида и дальше наверное, продолжила, бы расспросы на заинтересовавшую ее тему, но в это время в сенях хлопнула дверь и на пороге горницы появился Егор Крутов в футболке и шортах.

- Я так и знал, - сказал он не слишком приветливо, окидывая взглядом замерших, будто их поймали на краже сметаны, молодых людей. - Ты что, совсем голову потерял?

Панкрат открыл рот и закрыл, беспомощно посмотрел на Лидию, впервые не зная, что ответить. Вместо него это сделала хозяйка.

- Ну-ка не кричи на него, - строго сказала она. - Не у себя в казарме командуешь. С чем пожаловал?

Крутов озадаченно посмотрел на нее.

Панкрат облегченно засмеялся. Лидия смутилась.

Крутов усмехнулся.

- Ну и пролаз ты, майор, как сказал бы Осип. Пошли, поговорим во дворе.

- Говорите здесь, - подхватила со стула Лида, - я за детьми слегаю.

Оба посмотрели ей вслед, потом друг на друга. Крутов покачал головой.

- Не слишком ли резко ты начинаешь, приятель?
- Хотел говорить о деле, говори, - прищурился Панкрат. - Я не виноват, что она твоя сестра.

- Тебя и твою команду объявили в розыск. Официально. Час назад передали по радио и по телевидению. Тебе нельзя показываться в деревне. И охотники за тобой идут серьезные.

- У охотника только одна дорога, - беспечно отмахнулся Панкрат, - у волка - сто. Пусть ищут.

Крутов нахмурился.

- Ты что, не понимаешь?..

Воробьев стал серьезным, положил локти на стол, подался к Егору.

- Полковник, не будь занудой. Я тоже прошел кое-какую школу и знаю, где можно рисковать, а где нет. Если тебя интересует мое отношение к твоей двоюродной сестре, то могу сказать прямо: она мне нравится. И меня не смущает то обстоятельство, что у нее двое детей.

- Это уж точно.

- Я в другом смысле. Кстати, она уже взрослая и сама способна позаботиться о себе. Не вмешивайся в ее жизнь.

- Это что - угроза?

- Это дружеский совет.

Мужчины посмотрели друг другу в глаза. Крутов вдруг улыбнулся, сел за стол.

- Вот теперь я тебе верю.

Панкрат хмыкнул.

- Это следует расценивать как комплимент? Видать, ты крупный психолог. Что изменилось? С чего это ты вдруг мне поверил?

- У меня дар. - Крутов налил себе сывортки. - Я неплохо вижу ауру у взволнованных людей. У тебя аура зеленого цвета.

- Что сие означает? Что я еще зеленый?

- Зеленый цвет - цвет роста и дружелюбия. Но все-таки я тебя предупреждаю: если ты решил поразвлечься с деревенской девкой, потрогать ее за титьки...

- Стоп! - сказал Панкрат негромко, но с угрозой. - Таким тоном со мной больше не разговаривай! Это опасно. Мне почти тридцать лет, я не мальчик.

Крутов оценивающе глянул на затвердевшее лицо Воробьева и внезапно метнул невесту как оказавшийся у него бетдаггер через всю комнату в стену. Нож сочно вошел в деревянную обивку стены, пробив глаз нарисованного детскими руками на картоне клоуна. В то же мгновение Панкрат кистевым вывертом бросил свой нож, воткнув его в другой глаз клоуна.

- Годится, - кивнул Крутов. - Кажется, я в тебе не ошибся.

- Спасибо за оценку, - с иронией ответил Панкрат.

В горницу заглянула встревоженная донесшимися до ее слуха звуками Лидия, всплеснула руками.

- Вы с ума сошли?! Стену мне исковыряли, рисунок испортили, Антон рисовал, старался!

- Свари-ка и мне пельменей, - спокойно сказал Егор.

Лидия бросила быстрый виноватый взгляд на Панкрата и вышла. Тот, будучи гостем, пересилил раздражение, сказал почти так же спокойно:

- Машину свою не дашь?

- Не дам, - сказал Крутов. - Она не для здешних дорог, да и заметна очень.

- Нужен транспорт, хотя бы еще один мотоцикл.

Крутов задумался.

- Попрошу у соседа, если не откажет...

- Мы заплатим.

- За эксплуатацию, что ли? А если угробите мотоцикл?

- Купит новый.

- Уговорил. Где вы остановились?

- Там, где я и рассчитывал, на даче под Николаевкой. Местные тузы строят целый дачный поселок. Не дача - сказка!

- Хозяин не заявится?

- Мне буквально пару дней пересидеть надо, пока не разыщу пропавших ребят, а потом мы покинем твою вотчину. К тебе за это время никто не приходил?

- Нет, пока все тихо.

- Зализывают раны? Будь осторожен. Тебя, по-моему, выпустили из милиции в качестве наживки.

- Может быть. Поэтому ты тоже будь осторожен. Что намерен делать дальше?

- Ночью пойдем к зоне. Надо в конце концов разобраться, что прячется за колючкой. Уверен, мои ребята находятся там.

Крутов меланхолически допил сыворотку.

- На мой взгляд, это бесперспективно. Вас засекут, и тогда придется отходить с боем. Потеряешь людей. Сколько их у тебя?

- Осталось шестеро, седьмой сидит в Брянске. Они все профессионалы и знают законы спецназа.

- Ну-ну?

- Видят всех - их никто, - раз, и два: в любое время, в любом месте, любую задачу.

Егор скептически покачал головой.

- Они б ы в ш и е профессионалы, друг мой, командой их сделали обстоятельства.

- Команду из них слепил я.

- Все равно, они не тренированы так, как обучены профи спецподразделений, одно из которых наверняка оберегает покой зоны. Моя группа - да, прошла бы здесь, но я уже ею не командую.

- Ты хочешь отговорить нас или что-то посоветовать?
Крутов посмотрел на часы.
- Через зону протекает ручей...
- Мы собирались воспользоваться им.
- Так вот, откажитесь от этой затеи, ручей наверняка перекрыт, охранники там не дураки. А вот болотом подойти к зоне можно. С севера к зоне подступает мшара. Я думаю, с той стороны колючей проволоки нет, она ни к чему. Попробуйте подойти оттуда. По болотам не ползал?

- Приходилось. Мы подумаем.
Лидя принесла пельмени, поставила на стол. Панкрат встал.
- Мне пора. Спасибо за угощение, хозяйка.
- Не за что. Заходите еще, я пирог испеку.
- А мотоцикл? - поинтересовался Крутов, принимаясь за еду. - Подождешь, пока я узнаю?

- Если тебе его дадут, поставь у себя во дворе, через час я или кто-то из моих ребят заберет.
- Может, я с вами пойду?
- Нет, - твердо сказал Панкрат. - Вызволение ребят - наше дело. Мы справимся.

Крутов пожал плечами, продолжая есть, и Воробьев в сопровождении Лиды вышел к калитке.

Смеркалось, на небе выступили первые звезды, жара ушла, в воздухе был разлит аромат фиалок и резеды - под окнами хаты цвели цветы. Уходить не хотелось.

- Приходи еще, - тихо проговорила Лидия.

Панкрат повернулся к ней, пытаясь разглядеть глаза, и вдруг быстро поцеловал в губы, отпрянул, словно боясь взрыва негодования. Однако женщина не обиделась, лишь улыбнулась.

- Я приду, - пообещал Воробьев.

Через минуту он был уже за околицей.

Мотоциклы оставили в километре от въезда на территорию зоны, в кустах недалеко от асфальтовой ленты, забросали ветками. Все было обговорено и спланировано, каждый знал свое место и что должен был делать, но Панкрат на всякий случай спросил:

- Может, у кого появились сомнения? Или предложения?

"Мстители" молчали. Экипированы все были примерно одинаково - в камуфляжные костюмы с шалочками на головах и выглядели братьями, как патроны одной обоймы, только Родион выделялся из шеренги, будучи выше всех на голову. Вооружение группы состояло из пяти пистолетов "бердыш" калибра девять миллиметров с насадками бесшумного боя, с магазинами на восемнадцать патронов, пистолета-пулемета ОЦ-22 ("овца"), автомата АКС, снайперской винтовки ВСК-94, двух гранат и шести ножей. Для прямого штурма любого укрепрайона этого явно было недо-

статочно, но штурмовать зону Панкрат не собирался, рейд группы был диверсионно-разведывательным, бой на незнакомой территории был крайне нежелательным.

- Сверим время. - Панкрат включил подсветку часов. - На моих одиннадцать двадцать четыре. Готовы? Вперед!

Выбрались на дорогу и в пять минут преодолели расстояние до ворот в колючей изгороди. Остановились в полусотне метров, разглядывая сиреневые огоньки на воротах.

- Никого, - шепнул Барков. - Взять и по-простому - через ворота...

- Огоньки видишь? Это электрическая защита. Уверен, там и лазерная подсветка, и датчики, и телекамеры припрятаны и куча сюрпризов вроде пулеметов в скрытых ячейках. Наскоком эту базу не... - Воробьев не договорил.

Послышался отдаленный гул мотора, медленно приблизился, сквозь частокол деревьев замелькали фары идущего с малой скоростью грузового автомобиля. Через минуту он выполз к воротам и стало видно, что это длинный белый рефрижератор с синей полосой по борту.

- Черт возьми! - шепотом воскликнул Барков. - Еще один! Что они туда возят?

- Или оттуда.

- Какая разница? Может, остановим?

Панкрат думал недолго.

- Берем! Миша, Коля, быстро на дорогу, свалите какое-нибудь дерево подалее отсюда, мы подойдем сзади.

Двое "мстителей" отделились от отряда и исчезли в лесу.

В бинокли были хорошо видны ворота, освещенные фарами машины, и часть дороги, но все же наблюдавшие за процедурой выезда парни Воробьева не увидели ни одного человека, который должен был охранять ворота. И тут сработала автоматическая система контроля и пропуска автомашин на территорию зоны.

Сиреневые лампы на столбах ворот погасли. Зато вспыхнули два оранжевых лазерных луча, скрестились на капоте рефрижератора, разошлись, создавая узкий коридор для выезда. Створки ворот начали раздвигаться. Ворота открылись, и в асфальте стал виден ряд острых металлических штырей высотой в десять сантиметров. Но вот спрятались и они, ушли вниз, утонули в отверстиях в асфальте.

Взревел двигатель рефрижератора, машина по коридору из лазерных лучей выкатилась за ворота и, набирая скорость, устремилась прочь от зоны. Досматривать процедуру закрывания ворот "мстители" не стали, все бежали к дороге, чтобы успеть к моменту, когда водитель начнет тормозить, увидев препятствие.

Все так и произошло.

Сделав два поворота, асфальтовая лента вывела автомашину к поваленному деревцу: Ларин и Каширин сделали свое дело. Рефрижератор затормозил, начал было останавливаться, но потом вдруг пыхнул клубом дыма и рванул вперед: очевидно водитель решил не рисковать и собирался переехать упавшую осину толщиной в двадцать сантиметров. И тут с двух сторон на подножки машины вскочили две фигуры в масках, раздался звон стекла. Рефрижератор повело в сторону, однако тормоза гулко вздохнули и машина остановилась.

- Выходи! - приказал басом Каширин. - Свет!

Фары погасли.

На дорогу прыгнули двое: водитель в кабине был не один. Панкрат подбежал к задержанным, осветил фонариком лица. Никого из них он раньше не видел. Один из них был одет в черно-желтый комбинезон с эмблемой на груди: шестиконечная звезда и буквы ФУМБЭМ, - второй носил камуфляжную форму с погончиками капитана. Но оба не выказывали никаких признаков страха! Словно вооруженные люди останавливали их каждый день, вернее, каждую ночь. Панкрат снова столкнулся с загадочным поведением людей зоны, не боящихся смерти.

- Что возедем? - глухо спросил он.

- Кто вы? - вместо ответа поинтересовался капитан, по привычке трогая кобур, из которой Ларин вынул пистолет.

- Отведи его в сторонку и шлепни, - повел стволом Панкрат. - Только без шума.

- Есть шлепнуть без шума, - понимающе прогудел Каширин.

Он увел капитана за деревья и спустя несколько секунд оттуда донесся стон и всхлип. Панкрат повернул голову к водителю, толстенькому и благообразному.

- Теперь поговорим с тобой. Что за часть стоит здесь за колючей проволокой?

- Не знаю, - начал вдруг задыхаться и бледнеть водитель, дрожащей рукой расстегнул ворот комбинезона.

- Как это не знаешь? - удивился стоящий позади шофера Барков. - Приезжаешь сюда из Брянска чуть ли не каждый день и не знаешь, что за фирма?

- Это секретная часть... никто не вправе... - Шофер схватился за горло, будто его кто-то душил.

- Что с ним? - обеспокоился Воробьев. - Эй, в чем дело? Ты больной, что ли? Ответь на три вопроса, и мы тебя отпустим. Что возедем? Что за контора скрывается под аббревиатурой ФУМБЭМ? И главное: не видел ли ты на территории части двух пленников? Их захватили возле кургана... - Панкрат замолчал, видя, как водителя начинает корчить. - О черт! Помогите ему!

Водитель покачнулся и упал, царапая себе горло и грудь. Еле слышно прохрипел:

- Они меня...

Голова его безвольно свесилась в канавку на обочине дороги, по телу прошла судорога, руки разжались.

- Готов! - сказал нагнувшийся к нему Родион. - Он что, капсулу с ядом раскусил?

- Дьявольщина! - изумленно посмотрел на Панкрата Барков. - Да что тут творится? Что за секреты кроются в зоне, из-за которых даже шоферы травят себя, чтобы не проболтаться?!

- Это не яд, - пробормотал Панкрат.

- А что?!

- Не знаю. Похоже на сильнейшее внушение. Его запрограммировали на каком-то очень глубоком психическом уровне, снимающем инстинкт самосохранения. Он просто перестал дышать.

- Не может быть!

Панкрат отвернулся.

- Коля, что там у тебя?

- Труп! - возник из темноты леса Каширин. - Я хотел его оглушить, а он вдруг схватился за грудь и упал. Сердце не бьется.

На дороге стало тихо.

- Ох, не нравится мне все это! - сквозь зубы процедил Родион.

- Посмотрите, что в кузове, - распорядился Воробьев. - Этих двоих посадите в кабину. Миша, после осмотра отведишь машину в Жуковку и оставишь у милиции. Потом позвонишь откуда-нибудь Краснову, пусть едет к нам, в Брянске ему нечего делать.

- Сделаю, командир. Куда возвращаться?

- На дачу. В разведку мы ходим без тебя.

- Командир, - окликнул Воробьева Родион, - загляни.

"Мстители" открыли задние двери рефрижератора, включили фонари, и лучи света выхватили из темноты ряды продолговатых дощатых ящиков.

- Мать честная, гробы! - сказал кто-то.

- Груз "двести", - пробормотал Барков.

- Откройте один.

В вагон вскочил Каширин, ударом кулака оторвал одну доску от ящика, посветил внутрь и выпрямился.

- Мертвец!

Барков сплюнул.

- Даю голову на отсечение: они привозят сюда живых людей, а увозят трупы! В курганах их стало хоронить опасно.

- Не легче ли топить трупы в болоте? - прогудел Каширин. - Камень на шею - и в прорву. Сроду никто не найдет.

- Может быть, окрестные болота уже переполнены.

- Такое скажешь! Не стреляют же их тысячами...

- Зачем стрелять? На них проводят эксперименты...

- Тихо! - приказал Панкрат, с усилием вылезая из дебрей самоанализа: душа корчилась от недоброго предчувствия и желала очутиться за сотни верст от этого места. - Закрывайте холодильник. Миша, езжай.

- А мы? - задал вопрос в наступившей тишине Родион.

- Мы пойдем дальше, как планировали. Скорее всего мы действительно нарвались на секретную военную лабораторию, но необходимо выяснить это окончательно и точно. И выручить ребят. Если только... - Панкрат не закончил, но все и так поняли, что он хотел сказать: если только мы не опоздали...

ЖУКОВСКИЕ ЛЕСА. ВОРОБЬЕВ

Болото, подступавшее к зоне с севера, было олиготрофным, то есть верховым. Такое насыщенное влагой болото, в сущности, представляет собой выпуклый подвешенный водоем с растительностью, отделенной от почвы накопившимся за сотни лет слоем торфа. Если сделать поперечный разрез верхового болота, можно увидеть нечто вроде линзы из торфа, покрытой толстым ковром из сфагновых мхов и небольшого количества других растений: жирянки, рузырчатки, брусники, черники, клюквы, багульника, вереска, мирта. Всех названий болотной растительности Панкрат, конечно, не знал, но вполне ориентировался в мочажинах, кочках, травяных выбунах - "трясеях" и "окнах" - лужицах чистой прозрачной воды на серо-зеленой ряской поверхности. "Окна" были страшными ловушками: берега их, лежащие вровень с водой, представляли тонкие торфяные прослойки, а под ними - бездонная топь, стоит шагнуть - и конец! Но таких "окон" в этом болоте, к счастью, не оказалось, оно почти везде было проходимым, хотя и жутко пружинило и чавкало под ногами. Однако для обитателей зоны оно показалось надежной защитой от проникновения случайных и неслучайных гостей, и колючую изгородь они с этой стороны ставить не стали. Правда, лазерно-фотоэлементные датчики все-таки установили: их тоненькие алые лучики были хорошо заметны на фоне темной громады леса.

Приборов ночного видения у группы не было, поэтому "мстители" с полчаса лежали на болотных кочках, всматриваясь в темноту лесного массива, и, лишь убедившись в отсутствии патрулей, начали перебираться на сухое место, на берег болота, стараясь не попасть под луч лазера. Сушиться было некогда и негде, пришлось сохнуть в движении.

Шли "иголочка-ниточкой": Панкрат впереди, остальные цепочкой за ним, замыкал колонну Родион.

Через сто метров наткнулись на вторую линию контроля зоны, на сей раз это была проволока, подвешенная на изоляторах в метре от земли. Панкрат не заметил ее, но почуял опасность и

включил фонарик в самый последний момент, когда до проволоки осталось буквально с десяток сантиметров. Очевидно, она образовывала индукционный контур, который изменял емкость при приближении к нему любых живых существ.

Под проволокой пришлось проползать на пузе, вжимаясь в траву и слой опавшей листвы, чтобы как можно меньше влиять на поле контура. Но Воробьев понимал, что контролирующей зону компьютер наверняка засечет изменение параметров контура и заставит охрану если и не поднять тревогу, то насторожиться. Предположение Баркова о расположенной в этом месте секретной военной лаборатории обрело реальную основу, обычная воинская часть не имела бы защиту такой высокой степени.

Еще через полкилометра группа вышла к патрульной тропе - десятиметровой ширины просеке, за которой виднелись слабо освещенные окна каких-то одноэтажных строений, окруженных густым сосновым лесом. Несколько минут лежали у просеки, вслушиваясь в тишину ночи и шаря биноклями по окнам. Разглядеть, конечно, ничего не удалось, мешали деревья.

Странно, что они не используют собак, подумал в который раз Панкрат. Неужели так совершенна их электронная система защиты? Или существуют другие способы охраны, которых я не знаю? Что нам приготовили? Почему мне так не хочется туда идти?..

- Чего ждем? - не выдержал Барков, подползая ближе. - Так и ночь пройдет.

- Лежи! - выдохнул Панкрат, продолжая анализировать свои ощущения: показалось, что ему в спину посмотрел кто-то большой, злобный и опасный, как медведь-шатун. Ощущение то проходило, то накатывалось вновь, и в конце концов Панкрату самому стало невмоготу лежать на холодной земле и пялиться в темноту. Но и желания идти вперед он не испытывал.

- Хотя режь! - прошептал он еле слышно.

- Что? - не понял Барков.

В случае успеха ты - король, в случае неудачи ты - разбойник, вспомнил Воробьев китайскую пословицу. Приблизил губы к уху подполковника:

- Я чую опасность, но не могу определить, в чем она заключается. Будем перебираться через просеку по одному, остальные страхуют. Пойдешь первым.

- Наконец-то. Все будет нормально, командир.

Барков поправил шапочку на голове и пополз по-пластунски через просеку, лавируя между пнями и кустами. Исчез из виду. Через минуту подмышкой Панкрата тихо пискнула рация. Воробьев подтолкнул Каширина. Один за другим "мстители" преодолели просеку с утоптанной тропинкой посередине и углубились в лес, где их ждал подполковник.

- Нам бы пару сканеров, - шепнул он Воробьеву, - да инфраочки...

- И ключ от комнаты, где деньги лежат, - добавил Панкрат. - Как ты думаешь, почему охрана не использует собак?

- Я тоже задаю себе этот вопрос.

- Плохо. Надо ждать сюрпризов.

Следующую сотню метров до строений с окнами они преодолевали долго, опасаясь ловушек и всякого рода контролирующих приборов, но их не оказалось на всем пути следования. Лес был девственно чист и пуст, явных следов человека он не хранил.

Некоторое время рассматривали представшие перед глазами строения - литые бетонные кубы с узкими, щелевидными, похожими на горизонтальные бойницы, окнами и плоскими крышами. Всего кубов насчитывалось пять. Кроме них в центре большой поляны стояли два длинных кирпичных барака с двускатными металлическими крышами, круглое строение с тарелкой спутниковой связи наверху, два темных домика, скорее всего деревянных, и шестигранное здание с выпуклой, в форме купола, крышей, окруженное высоким забором из металлических решеток. На военный городок этот комплекс сооружений походил мало.

Барков дотронулся до плеча Воробьева, вытянул палец в сторону шестигранной громады без единого огонька и окна. Панкрат понимающе кивнул. Это здание явно главенствовало над всем комплексом и имело собственную охрану. Идти к нему без подготовки не имело резона, хотя именно там вероятнее всего можно было получить ответы на все вопросы.

Панкрат оглянулся на присевших на корточки подчиненных, махнул рукой, приглашая их следовать за собой.

Они обошли поляну по кругу и остановились напротив автопарка части, состоящего из двух десятков разнокалиберных мотоциклов (Барков толкнул командира, показывая на них), трех "нив", двух военных грузовиков, двух отечественных джипов марки "газон" и одной БМП. Автопарк был окружен сетчатым забором, но его ворота никто не охранял. Асфальтовая дорога здесь делала зигзаг, огибая территорию автохозяйства, и упиралась в шестигранное здание.

- Петя, - нашел Панкрат в темноте пятого члена группы, - проверь БМП и "нивы", на ходу они или нет. Может быть, придется уходить на них.

Бывший десантник Петя Ладыженский нырнул в траву на поляне и скрылся из глаз. Медленно потянулись минуты ожидания. Край неба на востоке посветлел - восходила луна. Панкрат выругался в душе: это было очень некстати. На поляне деревья и кустарник были вырублены, и подходы к зданиям, соединенным асфальтовыми дорожками, просматривались прекрасно.

Петя вернулся через четверть часа.

- Порядок, командир. Бээмпешка на ходу, соляры полный бак, "нивы" тоже вроде как в рабочем состоянии, но все на сигнализации. Если уходить с шумом, то рекомендую мотоциклы, легче завести.

- Учет. Полковник, начнем осмотр с барakov, пока луна еще не взошла. Это или казармы, или общежития. Нужен "язык".

Барков молча вскинул кулак и быстро, пригибаясь, побежал через поляну к ближайшему барaku, в одном из окон которого горел свет. За ним тенью метнулся Родион. Панкрат, Петя и Каширин отстали, прикрывая тыл разведгруппы. Тишина в лагере стояла такая, что Панкрату снова стал мерещиться подсматривающий за ними наблюдатель, от взгляда которого неприятно сводило мышцы шеи. Впрочем, они и так ныли от напряжения и непрерывного вращения головой по сторонам.

Барков и Родион достигли длинного здания барака, замерли по обе стороны от двери. Остальные "мстители" залегли в десятке метров от барака, напряженно вслушиваясь в ночные шорохи и всматриваясь в спящие строения городка. Дверь тихо скрипнула - она была не заперта, одна из темных фигур протиснулась в щель, за ней другая. Снова потянулись минуты ожидания, постепенно приближая момент появления луны над лесом.

Что-то бухнуло внутри барака, упало, зазвенело стекло.

В два прыжка Панкрат достиг здания, юркнул в дверь и столкнулся с Родионом, тащившим на себе чье-то обмякшее тело.

- Где полковник? - выдохнул Воробьев.

- На мне, - сдавленно просипел разведчик. - Это не общежитие... там в коридоре дежурный офицер...

Родион вынес Баркова, уложил на траву.

- Несите к лесу, быстро! - приказал Воробьев. - Родион, за мной!

Они снова вскочили в барак, в коридоре которого, слабо освещенной единственной лампочкой, лежал человек в пятнистом комбинезоне с погончиками лейтенанта. Панкрат пощупал его пульс - человек был жив, но без сознания.

- Он схватился за автомат, полковник его вырубил, но не до конца. Гад, вытащил пистолет и выстрелил, только как-то странно, совсем без шума... полковник упал, а я добавил этому...

Родион поискал что-то на полу и протянул Воробьеву необычной формы черный пистолет с толстым гофрированным стволом.

- Вот его пушка.

- Так в дуле ж дырки нет!

- А черт его знает! Я ж и говорю - без шума стрелял.

На тумбочке в конце коридора тихо прозвенел телефон.

"Мстители" переглянулись.

- Рвем когти! - бросил Панкрат.

Они выбежали из барака и как на крыльях пересекли поляну. Но уйти тем же путем им не удалось. Когда группа собралась на опушке леса, - поляну залил призрачно-серебристый свет луны, - в лагере раздался леденящий душу вопль сирены.

- Петя - в БМП! Отвлеки их! Родион - за мотоциклом!

"Мстители" повиновались без слов, операция перешла в фазу цейтнота и на все размышления и действия отпущались секунды.

С четырех сторон поляны загорелись прожектора, но они почему-то осветили не поляну, а здания городка - пять бетонных кубов и шестиугольник центральной постройки. Из барака, соседнего с тем, куда заходили разведчики, начали выскакивать люди в маскировочных костюмах и тоже по странному расчету бросились к бетонным строениям и к двум бревенчатым домикам с телеантеннами на крышах. Их автоматическая реакция, связанная с какими-то внутренними условиями быта, наводила на размышления, но она же позволила Ладыженскому и Родиону беспрепятственно добраться до автохозяйства городка и завести БМП, и лишь после этого охрана сориентировалась, что тревога поднялась не по тем причинам, на которые был рассчитан их подъем, и обратила внимание на движение транспорта.

Петя действовал быстро и правильно, направив боевую машину пехоты сначала на цепь охранников, начавших пальбу, а потом по дуге рванул в противоположную сторону, увлекая стрелков за собой. Это дало возможность Родиону нырнуть в лес, прежде чем его заметила часть охранников.

Панкрат с Кашириным мгновенно зашвырнули безвольное тело Баркова в коляску мотоцикла, и Панкрат, подтолкнув гиганта к машине, повернулся к ней спиной:

- Прорывайтесь через ворота! Держи гранату! Я их отвлеку. Встретимся на даче!

Каширин вскочил на заднее сидение мотоцикла, Родион дал газ и в мгновение ока оказался за поворотом дороги.

Панкрат выбежал на опушку леса, дал очередь из "овцы" под ноги приближавшихся охранников, заставив их залечь, а сам рванул влево изо всех сил, вдоль опушки, туда, где ворочалась в зарослях кустарника громоздкая безмолвная. Но до машины не добежал: наперерез ему метнулась тень и прошипела голосом Пети:

- Командир, я здесь!

Панкрат выматерился, с трудом удержав палец на спусковой скобе пистолета-пулемета.

- Я же тебя чуть... за мной, к болоту!

Они во всю прыть бросились бежать на север, оставляя позади рев двигателя забуксовавшей в кустах БМП, редкую стрельбу, стихшую уже через минуту, и далекий гранатный хлопок - "мстители" на мотоцикле подорвали ворота. И все же этой минут-

ной форы, добытой Петей - он умело заклинил рычаги машины, чтобы она ехала самостоятельно, выпрыгнул в люк и скрылся в лесу, в то время как БМП увлекла преследователей за собой, - хватило командиру отряда и подчиненному на то, чтобы оторваться от преследования, миновать просеку, в коридоре которой зажглись вдруг ярчайшие прожектора, создавшие плотную, слепящую, световую стену (вот он - сюрприз!), пересечь лес и заполнить вглубь болота на полсотни метров. Лишь спустя минуту на берег болота выбежали охранники и открыли стрельбу из автоматов, буквально выкосив пулями луг и срезав все, что там росло выше двадцати сантиметров над поверхностью мхов.

У Панкрата было большое желание ответить очередью по вспышкам, ибо охрана зоны не желала щадить беглецов и вела огонь на уничтожение, однако на карту была поставлена не только его жизнь, но и жизнь товарища, и пришлось, стиснув зубы, вжиматься в слой мха и ждать, когда стрельба утихнет.

Вскоре охрана перестала поливать болото огнем, посуетилась, перекликаясь, и растаяла в лесу, но еще почти час Воробьев и Петя лежали в мочажинах за кочками без движения и вслушивались в наступившую тишину. Обоих мучила одна и та же мысль: успели ребята с потерявшим сознание Барковым скрыться или нет? И еще Панкрат мимолетно подумал, что если бы у охранников были собаки, уйти им с Петром вряд ли бы удалось.

Он потрогал в кармане рифленую, очень удобную рукоятку пистолета, подобранный Родионом в бараке, тихо позвал:

- Петро...

- Живой я, - отозвался еле слышно Ладыженский.

- Отходим...

И они поползли вглубь болота, выбирая места посуше и плотнее, хотя все равно при каждом движении слой торфа над трясинкой вздрагивал, колебался и прогибался, грозя прорваться под тяжестью тел в любой момент.

На сухой берег они выползли спустя три часа, когда уже начался рассвет, проделав отчетливо видимые во мху четырехкилометровые дорожки. В шесть утра оба подошли к даче, вымазанные подсохшей грязью с головы до ног, и с облегчением узрели во дворе угнанный мотоцикл. Однако радость их была преждевременной.

Во время отступления был ранен в спину Каширин, а Барков так и не вышел из своего странного состояния: он дышал, нигде не был ранен, глаза его были открыты, но он никого не видел, на голоса не откликался и ни на что не реагировал.

- Ты точно помнишь, лейтенант-дежурный по голове его не бил? - хмуро спросил Панкрат.

- Абсолютно, - так же хмуро, не делая оскорбленного вида, ответил Родион. - Дежурный достал пистолет, направил на полковника и тот упал. Выстрела я не услышал, только показалось...

- Что?

Родион почесал затылок.

- Боюсь даже сказать... показалось, будто меня шарахнуло током. Не больно, но сильно так, аж мышцы свело. Но потом отпустило.

- Странно...

- А я что говорю?

Воробьев достал пистолет, из которого стреляли в Баркова, погладил пальцем пупырчато-гофрированный ствол без дульного отверстия и процедил сквозь зубы:

- Хотел бы я знать, что это за штукавина!..

КОВАЛИ-ЖУКОВКА. КРУТОВ-ВОРОБЬЕВ

Утро было таким тихим, теплым и ласковым, что Егор, проснувшись, просто долго стоял во дворе и смотрел в небо, закинув руки за голову. Из этого состояния его вывел только дешураздирающий крик петуха, напомнившего "ю" хозяина, что пора кормить живность, разведенную Осипом и Аксиной.

Процедура кормления кур и поросенка много времени не заняла, в отличие от зарядки и тренинга. Закончив дырять поленницу ножами и стрелками, Егор сбегал на пруд, искупался, не забывая поглядывать по сторонам, облился в саду водой из колодца и приготовил чай. А в половине восьмого в дом появился Панкрат Воробьев, осунувшийся, усталый, с мрачным блеском в глазах.

- Привет. Гостей принимаешь?

Крутов вместо ответа вышел на улицу, кинул взгляд на огорды, зашел обратно в дом.

- Ты один?

Панкрат понимающе усмехнулся.

- Все нормально, полковник, меня подстраховывают во избежание... слежки не обнаружено.

- Чаю хочешь?

- Мне бы посущественней чего-нибудь...

- Посущественней только яичницу с салом могу сварганить да квашеной капусты принести.

- Готовь, яиц на десять, если не жалко, я пока приведу себя в порядок.

Егор приготовил яичницу, еще раз подогрел чай, сделал бутерброды с маслом, и они сели завтракать. Пока ели - молчали, потом Панкрат промокнул рот полотенцем и вытащил из кармана тяжелый черный пистолет с толстым гофрированным стволом, положил на стол.

- Мы побывали в зоне... Не знаешь, что это такое?

Крутов взял пистолет, повертел в руках, разглядывая ствол, рукоять, какие-то напльвы и каверны, стеклянные глазки на затворе.

- Отличная эргономика, сидит в руке, как влитой. А патроны?

- Посмотри.

Егор выщелкнул магазин и хмыкнул. Вместо обоймы с патронами в магазине торчал облитый пленкой плоский аккумулятор со множеством медных дужек. На корпусе аккумулятора красовалось стилизованное изображение космической ракеты и ниже надпись: "Российское космическое агентство".

Крутов посмотрел на гостя и встретил его изучающий взгляд.

- Что это?

- Значит, ты не знаешь. - Панкрат отобрал пистолет, вставил магазин, спрятал оружие в карман. - Из этой штуковины дежурный в зоне выстрелил в Баркова, моего зама.

Крутов продолжал молча смотреть на Воробьева, и тот добавил:

- У полковника шок не прошел до сих пор. Мы отвезли его в больницу, врач говорит - похоже на фрустрацию личности после сильнейшего стресса, состояние "психических сумерек". У Баркова подавлены все реакции организма, кроме физиологических, заторможена мыслительная деятельность. Он все слышит, видит, выполняет все команды, но словно спит на ходу. Как ты думаешь, что это означает?

- Только одно, - пожал плечами Крутов.

Воробьев подобрался, исподлобья глянул на задумавшегося Егора.

- Может быть, наши оценки совпадают?

- Это психический удар. А игрушка твоя - какой-то мощный психотронный генератор, излучатель.

Панкрат выдавил воздух сквозь стиснутые зубы, откинулся на спинку стула.

- Да, я тоже подумал о том же. Армия давно работает над проблемой создания таких генераторов. Мы испытали его на даче... - он криво улыбнулся, - на собаке. Взыла и сдохла. Вот почему в зоне, наверное, не держат собак, они чувствуют излучение. Теперь ясно, чем там занимаются. Это действительно военная лаборатория, связанная с космическими исследованиями.

- Не обязательно.

- Аккумулятор-то - для космической аппаратуры.

- Он может просто использоваться в генераторе, отвечая требуемым параметрам мощности и защиты.

- Ты прав, связи может и не быть.

- Как тебе удалось пробраться в зону?

- Через болото. Ты был прав, там у них нет забора из колючки, хотя нам пришлось пройти три линии контроля. Мы нашли городок, где квартируется часть, но дальше пройти не смогли, поднялась тревога.

- Значит, выяснить, там ли твои парни, не удалось.

- К сожалению. - Панкрат поморщился, с силой потер затылок.

- Голова трещит и устал, как собака. Пришлось побегать по лесу да все болото на пузе проползти.

- Хочешь, напою ерофеичем?

- Самогоном, что ли?

- Эликсиром жизни. - Крутов поднялся. - Дед Иван в Жуковке мне снадобья одного отлил, тонус поднимает великолепно, головную боль как рукой снимет.

Он принес фляжку с зеленой жидкостью, налил полрюмки, протянул Воробьеву. Тот подержал ее в пальцах, с подозрением разглядывая на свет, вздохнул.

- Ты явно отравить меня хочешь, чтобы я к твоей сестре не приставал. Кстати, ночью мы остановили рефрижератор, выехавший из зоны, и знаешь, что он вез? Гробы с мертвецами!

Панкрат опрокинул рюмку в рот, проглотил, прислушиваясь к своим ощущениям, постоял так немного и вдруг широко раскрыл глаза, с изумлением посмотрел на Крутова, с любопытством ожидающего его реакции.

- Дьявольщина!.. Что ты мне дал?! Это же пчелиный улей...

Майор замолчал. Лицо его покраснело, лоб заблестел от пота, глаза стали черными и глубокими, словно в них раскрылась космическая бездна. Расправились плечи, стала выпуклой грудь, напряглись мышцы рук и живота. Впечатление было такое, будто в Панкрата вливалась тугая струя силы, распирая тело и горяча кровь. Рюмка в руке его хрустнула, на пол посыпались осколки, но он этого не заметил. Резко встал, так что стул отлетел к стене, а со стола чуть не полетела на пол посуда, поднес к глазам ладони со скрюченными пальцами, провел ими по лицу, вытирая испарину. Во взгляде Панкрата читалась растерянность и одновременно чувство облегчения и силы.

- Что я выпил?! - шепотом спросил он. - Такой подъем!.. ни капли усталости... башка свежая... я же горы могу своротить!..

Крутов закрыл фляжку и унес. Вернувшись, похлопал Воробьева по плечу.

- Я испытал то же самое. Удивительное ощущение! Наши деды и бабки знали такие секреты, делали такие снадобья, что никаким современным фармацевтам не снились. Могу отлить капельку, дашь своему полковнику, вдруг это его встряхнет, выведет из состояния сомнамбулизма.

- Слушай, дай! - загорелся Панкрат. - Это же чудо что за эликсир! Сейчас же поеду в больницу. А ты что собираешься делать?

- В Жуковку поеду. - Крутов нашел пузырек, отлил дядиного ерофеича, сунул Воробьеву. - Хочу кое с кем... побеседовать.

- С омовцами, что ли, которые тебя лупцевали? Я тебя подстрахую. Один не начинай, вместе разыграем красивый спектакль. Ты прямо сейчас поедешь? Давай встретимся в Жуковке часов в десять, где-нибудь в центре или на вокзале.

Крутов хотел отказаться от помощи, но подумал и кивнул.

- В десять, но не на вокзале, а возле ДК, в парке. Заодно проверим, выпустили моего приятеля из милиции или нет.

Панкрат сунул ладонь Егору и исчез, бодрый, свежий, как огурчик, переполненный впечатлениями и играющей в жилах силой. Ерофеич деда Ивана буквально выдавил из него усталость и головную боль, наполнил энергией и желанием жить.

Крутов навестил соседей, узнал, что никаких вестей от их дочери не поступало, и начал готовиться к поездке в Жуковку: накачивать залатанные шины, ставить колеса, мыть корпус, пылесосить салон. Тревожный импульс - словно внутри головы прозвучал стеклянный звоночек - он ощутил в тот момент, когда заканчивал уборку салона. Вертеть головой во все стороны, высматривая причину тревоги, не стал, зная, что сторожевая система организма зря сигналы подавать не станет, а сразу пошел в дом, вооружился бетдаггером - засунул чехол с ним под ремень брюк на боку справа - и дядиной двустволкой. Ружье зарядил картечью и положил под сиденье, а сам продолжил протирать сиденья машины влажной тряпкой. В это время с улицы донесся звук мотора, оборвался возле дома, хлопнула калитка, за ней с визгом распахнулась дверь в сени - кто-то ворвался в дом, и тут же во двор выбежали два мордоворота в камуфляже с автоматами в руках. Один направил оружие на Крутова, второй рванул дверь в погреб, заглянул в свинарник, в курятник, переполошив кур, выбежал на огород и вернулся, также направив ствол АКС на хозяина. Все это время Егор молча сидел в кабине и вытирал руки тряпкой, разглядывая верзилу напротив. Его очень заинтересовали береты спецназовцев - зеленые, с золотой полоской, двуглавым орлом и буквами "РЛ". Таких головных уборов полковник еще не видел.

- Ну и что дальше? - поинтересовался он.

На улице хлопнула дверца автомобиля, простучали шаги еще нескольких человек, и во двор в сопровождении двух великанов в таких же костюмах и беретах вышел знакомый Егору по ночному randevу майор, увезший раненого археолога.

- Никого, - доложил ему один из парней.

- Какая приятная встреча! - с иронией сказал Крутов. - Майор Сватов собственной персоной. А вам не кажется, господа, что вы нарушаете закон экстерриториальности?

- Вылезай, - поманил его пальцем майор, сухолицый, узкогубый, длинноносый, с глубоко упрятыми и близко посаженными

бесцветными глазами. Взгляд у него был жесткий, прицеливающийся, неприятный.

- Не хочу, мне и здесь хорошо.

Майор повел рукой.

- Выньте его оттуда и отведите в дом.

В то же мгновение Крутов достал ружье и навел на Сватова. Тот замер на полуобороте. Дернувшиеся к машине парни в камуфляже тоже остановились, схватившись за оружие. Пауза длилась долго, секунды две, потом Крутов хладнокровно произнес:

- Вели своим нукерам убраться со двора! Я все равно успею спустить курки, а с пяти шагов картечь из тебя сделает дуршлаг.

Лицо майора не дрогнуло, лишь в глазах мелькнули колющие злобные огоньки. Опасность он чувствовал натурально.

- Садитесь в машину, ждите, я сейчас.

Громилы в форме перестали есть Крутова глазами, ослабились, закинули автоматы за спину и потянулись со двора.

- Шагай за ними, - шевельнул стволом ружья Крутов, вылезая из машины. - Я уже предупреждал: не лезьте ко мне, не вмешивайтесь в мою жизнь, иначе начну отстреливать твою сволочную команду. Сегодняшнее предупреждение последнее. Усек, майор?

Сватов оглядел Егора с ног до головы, проговорил ровным голосом:

- Очень ты рисковый, полковник, так и норовишь зубы подставить. Не боишься спать один?

- Не боюсь. Кстати, откуда ты знаешь, что я полковник? Я ведь тебе не представлялся. Или у тебя прямая связь с жуковской милицией?

Майор раздул побелевшие ноздри, понимая, что проговорился, развернулся и зашагал со двора, бросив через плечо:

- Уезжай отсюда. И передай своему приятелю: мы его из-под земли достанем!

Хлопнула дверца автомашины, взревел мотор, команда Сватова уехала, а Крутов в задумчивости прошелся по двору с ружьем в руке, поминая в душе Панкрата Воробьева нехорошими словами. Сомнений не было: майора выследили, когда он заходил в деревню. Останься он еще на полчаса - мог бы завязаться нешуточный бой, чреватый серьезными последствиями.

В половине десятого Крутов подъехал на своем запыленном "рено" к Дому культуры и заглушил мотор. По пути сюда он завернул в Фошню, навестил Осипа с Аксиной, выздоравливающих медленно, но уверенно, а также нашел в психотерапевтическом отделении больницы заместителя Панкрата Баркова. Видимо, Воробьев уже успел дать ему глоток ерофеича, который вывел подполковника из состояния "психических сумерек": выглядел

Барков нормально, хотя реакции его все еще были заторможены. И все же надежда на его выздоровление у медиков появилась.

До встречи с Панкратом у Крутова еще оставалось полчаса, поэтому он решил прогуляться по центру города, продолжавшему застраиваться пяти- и девятиэтажными зданиями. Летняя жара не располагала к прогулкам, и на улицах народу было мало. Егор съел мороженое, зашел во двор школы, неуютный и унылый по причине вечного ремонта и отсутствия школьников, отгуливающих каникулы, понаблюдая за суетой милиционеров возле рефрижератора, стоящего возле здания милиции, и вернулся к ДК.

У машины никто не крутился, парк тоже выглядел пустым, и Крутов направился к Дому культуры, помещения которого арендовали какие-то конторы и фирмы, в том числе Орден чести.

К удивлению Егора, дверь в офис Ордена чести с Георгием Победоносцем, пронзающим копьём змея, была открыта. Крутов вошел, но тут же был остановлен двумя молодыми людьми в костюмах, напоминающих форму американского полицейского: голубые рубашки с короткими рукавами и погончиками, правда, без знаков отличия, темно-голубые брюки, ремни, дубинки на ремнях. На кармашках рубашек также красовались эмблемы с Георгием Победоносцем, но уже в другом оформлении - с вязью слов: "Международный Орден чести".

- Что вам угодно? - вежливо спросил один из охранников.

- Мне угодно видеть господина Федотова.

- Он занят. Вам назначена встреча?

- Нет, но меня он примет.

- Сожалею... - начал молодой человек, но в это время первая дверь слева по коридору распахнулась, оттуда выглянул Ираклий и с извиняющейся улыбкой подошел к гостю.

- Пропустите, это ко мне.

Они обменялись рукопожатием, глядя в глаза друг другу.

- Я знал, что ты зайдешь сегодня, - сказал Ираклий.

- Рад, что тебя наконец выпустили, - сказал Егор. - Все в порядке?

- Как и предполагалось, нашлись защитники. Проходи, посмотришь, как мы живем.

Кабинет президента Жуковского отделения Ордена чести был небольшой, но уютный, светлый, с окном чуть ли не на всю стену. В нем умещались рабочий стол с компьютером и факсом, стеклянный шкафчик с какими-то кубками и хрустальными вазами, книжный шкаф и несколько стульев. По стенам висело холодное оружие, но не боевое.

- Бутафория, - кивнул хозяин, заметив взгляд гостя. - Когда-то я увлекался коллекционированием, потом охладел. Лишь один кинжал из всех этих ножичков был в деле, хотя об этом никто не догадывается. - Он снял со стены широкий кожаный чехол и вы-

нул из него странной формы клинок с толчковой рукоятью в форме буквы "Н". - Это катар, индийский кинжал. Мне его подарил один индийский генерал.

- Ты был в Индии?

- Где я только ни был. - Ираклий повесил кинжал на место. - Присаживайся. Чай, кофе, пиво, кока, кефир?

- Последнее, - согласился Крутов. - Но я не надолго. Вообще не чаял тебя здесь увидеть. В десять у меня встреча с приятелем, мы кое-что с ним обсудим, и я до вечера освобожусь. Ты случайно не знаешь, где расквартирован местный отряд ОМОН?

Ираклий бросил на Егора острый взгляд.

- Ты уверен, что тебе это необходимо?

- Да! - твердо сказал Крутов. - Для самоуважения. Я полковник ФСБ, хотя и бывший, а когда со мной поступают, как...

- Понятно. Что ж, восстановление справедливости - дело стоящее, только ведь ты никому ничего не докажешь, а тем более дуболомам, которые тебя избивали.

- Я ничего не хочу доказывать, я хочу защитить свою честь.

- Да я тебя не отговариваю, поступай, как считаешь нужным, но и голову в петлю совать не советую. Не задумывался, почему тебя вдруг выпустили? Ведь следователь запросто мог тебя закопать, повесить дело об убийстве, тем более, что ты чужак здесь.

- Задумывался, - признался Крутов, - и ничего не надумал. Ясно одно: вмешался кто-то из высоких эшелонов, но кто - вопрос темный. Грешным делом я даже подумал, что это кто-то из моих бывших начальников узнал и решил выручить.

- Вряд ли это соответствует истине. Раз ты уволен, на тебе служба поставила крест. А за это время вокруг тебя ничего не происходило?

Теперь уже Крутов внимательно заглянул в прозрачно-серые с оттенком голубизны глаза Ираклия. У него появилось ощущение, что магистр Ордена чести все о нем з н а е т.

- За мной пустили наружку.

- О! - Брови Ираклия поползли вверх. - Это интересно. Ты их вычислил? Кто следит?

- Следил. Я их взял... с помощью приятеля, но пришлось отпустить. Это ребята из одной весьма засекреченной зоны в лесу. Я даже знаком с начальником ее охраны, майором Сватовым.

- Даже так? Очень интересно! При каких же обстоятельствах произошло знакомство?

Крутов невольно засмеялся.

- Что это ты мне устроил форменный допрос? Потом расскажу, времени нет. Ну так как, поделишься информацией об ОМОНе?

- Что ты хочешь узнать?

- Где расквартирован взвод...

- Отделение, всего пятнадцать человек. Живут в казарме на улице Краснофлотской, в здании бывшего ПТУ.

- Кто командир и где живет?

- Лейтенант Хелемский, живет там же, но в отдельной комнате. Неплохой рукопашник и стрелок, но очень плохой человек.

- Я это уже понял. Спасибо за сведения. До встречи.

- Заходи после решения своих проблем, вместе пообедаем.

- Непременно. - Крутов поднял вверх кулак, вышел из кабинета Ираклия, но вернулся. - Ты не знаешь расшифровку аббревиатуры ФУМБЭП?

Федотов наморщил лоб, делая вид, что вспоминает (у Егора снова возникло ощущение, что магистр Ордена чести з н а е т, о чем идте речь), покачал головой:

- Нет, к сожалению, не слышал.

- А что означают буквы РЛ?

Взгляд Ираклия утвердил.

- Где ты их видел?

- На беретах охранников зоны. Они заявили ко мне утром, вместе с майором, кого-то искали, как я понял.

- А ты об этом ничего не знаешь?

- А ты? - Егор выдержал пытливый взгляд Федотова.

- Я слышал, что в лесах за Фошней ночью была слышна перестрелка.

- Я слышал то же самое.

- Понятно. Ну, заходи.

- Часа в два.

Крутов покинул офис Ордена чести с твердым убеждением, что его глава знает гораздо больше, чем говорит, а главное - гораздо больше того, чем положено руководителю неполитической общественной организации.

В парке за кустами акации, среди которых пряталась удобная новая деревянная скамья, его ждал мрачный Воробьев.

- Опаздываешь, - недовольно проговорил он, шлепнул ладонью по сидению. - Приземляйся. И не крути головой, нас охраняют мои ребята.

- Что успело случиться за это время? У тебя вид, будто ты червонец потерял.

- Убили моего приятеля в Москве, замначальника оперативно-розыскной бригады МУРа.

Крутов посерьезнел.

- Извини, я не знал. Как это случилось?

- Не знаю. Но догадываюсь, по какой причине. Я просил его выяснить значение слова ФУМБЭП. Вероятно, он начал искать выходы на эту блядскую контору, и его убили.

- Вы разворошили муравейник. Если в зоне действительно располагается секретная военная лаборатория по разработке психотронного оружия, живыми отсюда вас не выпустят.

Панкрат оскалится.

- Пусть попробуют взять!

- А никто пробовать не будет, просто вас найдут и ликвидируют, как двух твоих парней возле кургана.

- Ты думаешь?..

- Уверен.

Панкрат сгорбился, посидел несколько секунд с закрытыми глазами, сказал глухо:

- Все равно я должен проверить... еще раз сходить в зону и убедиться, что их там...

- Не рекомендую, это верная смерть. Теперь там тебя будут ждать после вашей ночной вылазки. Забирай команду и уезжай, за пределами области, может быть, искать не станут.

- Спасибо за совет. - Воробьев снова стал самим собой, с иронией подал руку. - Только бегать от врагов я не привык. Знаешь, что меня смущает во всей этой истории? Во-первых, охраняют зону явно не солдаты и даже не офицеры, а какой-то сброд, хотя и в маск-форме. Не знаю, к какому роду войск причислить всех этих дебилов, но это не армия, зуб даю. Спецслужба Минобороны - может быть, но не воинская часть. Во-вторых, все они, на мой взгляд, зомбированы. Стоило мне задать пару вопросов водителю рефрижератора и его сопровождающему, как оба стали задыхаться и померли. Представляешь уровень программы?!

- Ничего удивительного, если лаборатория работает с психотроникой. Меня лично смущает другое: почему работники лаборатории, долженствующие свято блюсти ее тайны, допустили утечку информации, абсолютно непозволительную для деятельности конторы подобного типа?

- Ты имеешь в виду наш рейд?

- Я имею в виду выезды охранников лаборатории на мотоциклах за пределы зоны, их бандитские налеты на дороги. Это же прямая угроза рассекречивания ее деятельности, даже если охранники зомбированы.

- Может быть, у них от этого крыша поехала?

- Разве что. Но я еще раз предлагаю тебе уехать. Как гласит китайская стратагема номер тридцать шесть: бегство - лучший прием. Что означает: бегство еще не есть поражение.

- Я подумаю над твоей стратагемой, - буркнул Панкрат. - Но русская пословица гласит: хрен посадишь - хрен и вырастет. Что означает: если ничего не делать...

- Понял, понял, - кротко кивнул Крутов. - Давай о деле. Ты все-рез хочешь мне помочь? Тогда давай обсудим план. Он очень прост. Я выяснил, где квартируют мои друзья, рыцари, так ска-

зять, без страха и упрека и зазрения совести. За общежитием надо понаблюдать, прикинуть расположение комнат, где хранится оружие, как они дежурят, ну и все такое прочее. А вечером заявимся к ним в гости.

- Что, прямо так, открыто, внаглую? - восхитился Воробьев.

- Во-первых, их всего пятнадцать человек, а во-вторых, обижали меня трое, включая лейтенанта Хелемского. К нему у меня счет особый.

- Ты уже знаешь его фамилию?

- Подсказали.

- Кто?

- Ты его не знаешь, сидел со мной в СИЗО. Потом познакомлю. Поскольку улица Краснофлотская находится за линией железной дороги, встречаемся возле больницы в девять вечера. Найдешь?

Панкрат встал, подставил ладонь под удар ладони Крутова и пропал за кустами. Егор дождался стрекота мотоциклов - "мстители" седлали свой неприхотливый транспорт - и неторопливо побрел к своей машине, подумывая, не съест ли еще пару порций мороженого. Потом вспомнил о своем долге дяде Ивану и решил навестить старика, все равно до намеченного обеда с Иракием оставалось еще больше двух часов.

Вечером, без десяти минут девять, Крутов оставил машину на территории больницы и, встретив Воробьева, повел его на Краснофлотскую улицу, к двухэтажному зданию бывшего ПТУ. Оружие с собой ни тот, ни другой, не взяли, и даже бетдаггер Крутов оставил в машине, чтобы не было соблазнов пустить его в дело.

Вечер обещал быть тихим, но не душным, у местной природы хватало сил справляться с жарой и пылью, дарить людям свежие ночи. Однако бывшим профессионалам спецслужб было не до красот природы, настроение у обоих, хотя и по разным причинам, складывалось минорное.

В десяти шагах от входа в обшарпанное, с обвалившейся кое-где штукатуркой здание они остановились, краем глаза отмечая д в и ж е н и е группы Панкрата, играющей "случайных" прохожих. Панкрат достал сигареты, протянул одну Крутову, закурил сам.

- Хочешь анекдот для поднятия тонуса? Звонок в больницу: "Реанимация?" - "Реанимация". - "Иванов еще жив?" - "Еще нет".

Крутов выгнул бровь.

- Да уж, поднял тонус.

Панкрат засмеялся.

- А что? Славный анекдотец, как раз под нашу ситуацию. Ну пошли? Раньше зайдем, раньше выйдем.

Крутов вместо ответа скомкал сигарету, точным броском швырнул ее в урну у двери, зашел в подъезд, но за дверь его

остановил рыжий детина в камуфляж-костюме с лихо заломленным краповым беретом на крошечной голове.

- Вам чего?

- Хотим набить морду двум твоим сослуживцам, - вежливо проговорил Панкрат. - А заодно и боссу, лейтенанту Хелемскому. Надеюсь, он уже пришел?

- Чего?! - вытаращился охранник.

- Не обращайтесь внимания, - покосился на Воробьева Крутов, - это он с ночи такой остроумный. Нам бы действительно поговорить с вашим лейтенантом. Не подскажите, где его комната?

Детина наморщил лоб, напрягая извилины, однако смог додуматься только до краткого служебного изречения:

- Не положено!

- А вон и лейтенант идет, - кивнул за спину дежурного Панкрат, - у него самого и спросим.

Охранник развернулся (никого сзади, естественно, не было), и в то же мгновение Крутов заученным движением сорвал с него автомат и приставил дуло к уху:

- Тихо! Нам надо пройти, и мы пройдем. Не шевелись.

Панкрат махнул кому-то рукой в проем двери, в подъезд зашли двое "случайных" прохожих, мгновенно заклеили рот охраннику пластырем, связали и усадили на пол. Крутов бросил им автомат, направился по коридору до первой двери, из-за которой слышались чьи-то голоса, перебиваемые музыкой.

Омоновцы занимали весь первый этаж здания - восемь комнат, в каждой - по двое, и теперь надо было пройти по всему этажу и найти тех, кто "профилактически" издевался над Крутовым, не допуская даже мысли, что тот может быть не виновен.

Дверь оказалась незапертой. Егор распахнул ее и вошел.

В довольно просторной комнате гостиничного типа стояли две кровати, две тумбочки, платяной шкаф, стол, два стула, телевизор на подставке, в углу за шкафом прятался умывальник. В другом углу на крюках, вбитых в стену, висели автоматы. Один жилец лежал на кровати прямо в пятнистых штанах, не сняв носки, и смотрел телевизор, второй ел: на столе стояла двухлитровая бутылка минеральной воды, сметана в банке, лежала нарезанная толстыми ломтями колбаса и хлеб. Этих ребят Крутов не помнил.

- Извините, - сказал он как можно любезнее, - промахнулся дверью. Алексей Свирин дальше живет?

Омоновцы переглянулись.

- Может быть, Синякин?

- Во-во, Синякин, - обрадовался Егор. - Хочу поскорее долг ему вернуть.

- Дальше по коридору, - махнул рукой тот, что смотрел телевизор.

Егор еще раз извинился, поблагодарил ребят и закрыл за собой дверь, прислушиваясь к звукам за ней. Но омовцы, очевидно, были уверены, что гость имеет право здесь быть, раз его пропустили на входе, и выяснять личность спрашивающего не стали.

Панкрат вопросительно посмотрел на Крутова, тот отрицательно мотнул головой, и они пошли дальше.

Ни во второй, ни в третьей комнате общежития обидчиков полковника не оказалось, первый из них обнаружился лишь в четвертой комнате от угла.

Это был дюжий парень, заросший рыжим волосом по шее, - он сидел на кровати в одних трусах и ел кильку в томате прямо из банки, - не мускулистый, а какой-то бугристо-узловатый, как ствол саксаула. Его напарник спал поверх одеяла на своей койке, отвернувшись к стене, также почти голый и потный. Воздух в комнате был спертый, и запахи по ней бродили самые что ни на есть "естественные".

Детина поднял голову, окинул вошедшего Крутова невыразительным взглядом, буркнул:

- Чего надо?

Крутов усмехнулся: лексикон местного спецназа не отличался разнообразием.

- Ты меня не помнишь, малыш?

Омовец перестал есть, всмотрелся в Егора, потом, не торопясь, по-хозяйски, поставил банку с кильками на стол и потянулся к оружию, висающему на стуле. Крутов шагнул вперед и ребром ладони ударил парня по толстой руке, отодвинул стул с автоматами, покачал головой:

- Как тут у вас все запущено! Оружие при себе держите, не сдаете в спецхран... непорядок! Ну, вспомнил?

Детина, даже не ойкнув, хотя удар парализовал руку, начал бледнеть, потеть, вдруг вскочил, хватаясь левой рукой за нож на столе, и Егор вынужден был обездвигнуть ему и вторую руку. Парень упал задом на край кровати, чуть не сломав ее, зашипел от боли, в глазах его зажглась ненависть.

- С-сука бандитская!..

В комнату заглянул Панкрат.

- Что за шум, а драки нет?

- Все нормально, - сказал Крутов. - Он меня вспомнил.

- Что-то не вижу в его глазах радости. А хорош, зверюга! В зоопарке можно выставлять. Ему бы в киноактеры пойти - киборгов играть, цены бы не было! А второго смотрел? Ты глянь на него, спит, как младенец.

- Не он. - Егор присел на стол напротив потеющего омовца. - Больно? Извини, брат, без боли мое лечение неэффективно. В принципе, я на тебя зла не держу, но все же хочу кое-что уточнить: когда ты меня бил прикладом по шее, я сопротивлялся?

Омоновец углубился в анализ вопроса.

- Было приказано...

- Я знаю, что было приказано. Так я сопротивлялся или нет?

Еще одна попытка понять, к чему клонит гость.

- Так ведь было приказано...

- Да или нет?

- Ну... и чего?

Сзади засмеялся Панкрат, на всякий случай контролирующий спящего.

- Зря ты его пытаешься разговорить, у него одна извилина и та от кепки. Пошли к лейтенанту, он тут всему голова, он и приказывал, и устанавливал меру пресечения, эти болваны действовали так, как обучены действовать. Вообще раньше я был склонен полагать, что в ОМОН идут крутые и умные ребята, не чета обычным постовым милиционерам, теперь вижу, что ошибался.

Крутов коротко взмахнул рукой. Омоновец врезался головой в стену, закрылся локтями, ожидая побоев. Крутов сплюнул, повернулся к кровати спиной.

- Пошли отсюда.

- Может, связать эту образину?

- И так куда не денется. - Егор вышел.

Воробьев сгреб автоматы, посмотрел на парня, сидевшего с выпученными глазами и державшегося за челюсть.

- Сиди тихо, как мышка. Понял? В коридоре мои люди, высунешься - пристрелят.

Омоновец сглотнул, открыл рот, но говорить ему было больно, и он только кивнул.

- Ну и ладушки, отдыхай, да напарника не буди, умаялся, бедный, пусть спит. - Панкрат вышел в коридор, положил автоматы у стены. В тупике коридора, у выхода на лестницу, ведущую на второй этаж, его ждали Крутов и Родион.

- Мы проверили все здание, - отрапортовал Родион. - Наверху какие-то классы, кабинеты и всего две жилых комнаты. В одной спят два амбала, в другой занимается сексом их командир.

Крутов и Воробьев переглянулись.

- Может быть, это его жена?

- Какое это имеет значение?

- В принципе, никакого. Но войду к нему я один.

- Ради Бога, мы подождем в коридоре.

Они поднялись на второй этаж, и Родион указал на дверь комнаты, которую занимал лейтенант Хелемский. Егор попробовал рукой - заперта, но замок был легкий, простой, и Крутову ничего не стоило открыть его за две секунды с помощью гвоздя. Приоткрыв дверь, он скользнул за порог и остановился, разглядывая залитую светом комнату и сплетенные на кровати обнаженные тела лейтенанта и какой-то девицы с роскошными бедрами и

грудью. Их любовная игра приближалась к финалу, и гостя они не видели и не слышали.

Крутов кашлянул. Но и после этого пара не сразу отреагировала на появление постороннего наблюдателя. Первым пришел в себя Хелемский - он лежал под дамой, - повернул голову к двери, в то время как наездница продолжала самозабвенно работать, постанывая и вскрикивая, с глаз его сползла масляная пелена наслаждения. Он попытался дотянуться до кобуры пистолета, лежащей на тумбочке, не смог и одним ударом сбросил с себя взвизгнувшую девицу. Скатился с кровати, протягивая вслепую руку к пистолету, и наткнулся на Крутова, успевшего к тумбочке на мгновение раньше. Поднял глаза вверх, попытался было встать, но Егор нажал ему на плечо, и лейтенант остался на полу, только сел поудобней, даже не пытаясь прикрыть рукой естество.

Девица по другую сторону кровати округлила глаза - до нее наконец дошла пикантность ситуации, - открыла рот, собираясь закричать, но Крутов погрозил ей пальцем и сказал негромко:

- Молчать! Залезь под кровать и тихо отдохни!

Девица проворно завернулась в простыню, нырнула под кровать и затихла. Крутов подвинул к себе стул, сел напротив лейтенанта, разглядывая его, потного и скользкого, с царапинами на груди. Фигурой природа лейтенанта Хелемского не обидела: был он широкоплеч, мускулист, тонок в талии, имел сильные ноги с узкими бедрами и весьма представительный фаллос. Да и красив был по-мужски, с узким сухим лицом, голубыми глазами и крупными губами, которые портил лишь пренебрежительно оттянутый уголок. И шевелюра у него росла отменная, подчеркивающая природное здоровье. А внутри он был весь гнилой, как трухлявый гриб, - такое у Крутова сложилось впечатление.

- Привет, командир, - сказал Егор ровным голосом. - Не ожидал меня в гости?

- Ты сам роешь себе могилу, - криво улыбнулся Хелемский. - За тобой уже... - Он прикусил губу, понимая, что проговорился.

- Продолжай, - поощрительно кивнул Егор, - не бойся, я никому не скажу. Очень уж хочется понять, что за возню устроили вокруг меня... и вокруг моей деревни. А такую поделись информацией, по чьему приказу меня выпустили из милиции и зачем. Уверен, что ты знаешь. Может быть, кто-то хочет сделать из меня козла отпущения? Подсадную утку? Еще какую-нибудь живность? Говори, не стесняйся, и я забуду, что ты и твоя сволочная свора унижала и избивала полковника ФСБ.

- Ты такой же полковник, как я папа римский, - с той же кривой ухмылкой проговорил лейтенант. - Прими совет: хочешь остаться в живых - сматывайся отсюда и побыстрей. Если бы не...

- Ну-ну?

- Пошел ты на...

Крутов встал, обманчиво расслабленный, спокойный, углубленный в свои мысли.

- Вставай.

Лейтенант удивленно вскинул на него глаза, помедлил и поднялся, расправляя плечи.

- Говорят, ты хороший боец, прямо-таки барс. Воспользуйся шансом. Я безоружен. Даю слово: уложишь меня - делай со мной, что хочешь, не сможешь - не обессуди. Я не стану в отместку за унижение бить тебя ногами и разряжать электрошокер через яйца, хотя и очень хочется, право слово. Ты только ответишь на мои вопросы. Идет?

- Ты серьезно? - Лейтенант дураком не был и опасность чувствовал хорошо. - Ты представляешь, чем тебе грозит нападение на офицера милиции? Лет десять припают!

- А ты никому не пожалуешься... офицер, слуга закона!. - В последние слова Крутов вложил все свое презрение к этому человеку. - Это я офицер, полковник, прошедший четыре войны, а ты просто сопляк в погонах, возмнивший себя властелином мира. Давай, демонстрируй свою силу, начинай делать из меня фарш. Или без оружия кишка тонка?

Хелемский поднял руки, все еще раздумывая, что ему делать в этой ситуации, и вдруг ударил Егора ногой, целя ему в колено. Ушел в бок, снова ударил, почти достал, но Егор подхватил его ногу изнутри-снизу и рывком свалил на пол. Лейтенант подхватился на ноги, вставая в стойку каратэков, снова пошел на Крутова, ударил слева-справа, выходя на атаку связкой: прямой удар левой ногой в живот - боковой удар ногой в лицо правой ногой - поворот спиной к противнику и удар ногой в грудь, - но Егор прервал эту атаку в самом начале, выполнив кодзэку*, и ответил точным ударом сложенными щепотью пальцами ("клюв орла") в верхнюю губу лейтенанта. Хелемский охнул, обмяк, рухнул на колени, и Егор с поворота, дуговым ударом ноги перебросил его через кровать. С грохотом свалилась на пол японская магнитола, приглушенно вскрикнула под кроватью притихшая девица.

В комнату заглянул Панкрат, все понял и скрылся.

Крутов приподнял оглушенного омоновца, посадил спиной к платяному шкафу, треснул дважды ладонью по щеке. Глаза лейтенанта открылись, мутные и пустые.

- Дерешься ты слабо. Говорить будешь?

- Мы... тебя... - вяло пригрозил Хелемский.

- Понятно, не хочешь. - Егор вытащил из кобуры штатное оружие лейтенанта - пистолет "глок" модели М-24 калибра девять миллиметров, применяемый спецслужбами многих стран мира. - А если я тебе чего-нибудь отстрелю? - Он снял пистолет с предо-

* Кодзэку - блок предплечьем.

хранителя, загнал патрон в ствол и приставил дуло к гениталиям Хелемского. - Может быть, вы меня потом и достанете, только тебе радости секса будут уже недоступны. Итак?

Лейтенант побледнел.

- Чего ты хочешь?

- Вот это другое дело. Я не спрашиваю, кто из вас сделал не оперативников, а хамов, действующих по-бандитски; каков командир, таковы и подчиненные. Я спрашиваю, кто тебе дал приказ мчаться не просто в деревню Ковали, а именно ко мне, и вязать именно меня.

Хелемский нервно облизал разбитые губы.

- Казанова...

- Начальник Жуковской милиции? Он не мог знать обо мне ничего! Кто приказал ему?

- Не знаю...

- Знаешь. - Крутов сильнее вдавил ствол пистолета в гениталии лейте нанта. - Ну?!

- Я не знаю... предполагаю... - заторопился Хелемский. - К Казанове приезжал майор из части...

- Сватов?

- Д-да... я случайно слышал разговор... ты убил их человека...

- Я никого не убивал. - Егор убрал пистолет, разрядил, вынул обойму и спрятал в карман, пистолет бросил на кровать. - Меня просто решили подставить. Но и майор Сватов не мог сам решиться прищучить полковника безопасности, кто-то ему подсказал этот ход. Кто?

Хелемский снова облизал губы, слегка приободрился.

- Над ним только начальник службы безопасности округа полковник Дубневич... - Лейтенант поймал заинтересованный взгляд Егора, и вдруг от щек его отлила кровь, лоб заблестел от испарины, дрожащими губами он выговорил: - Но я точно не знаю... может, кто еще... я же только в ОМОНе...

- Спасибо за информацию, - усмехнулся Крутов. - Быстро умнеешь, прямо на глазах. Ответишь на последний вопрос, я забуду, что ты меня пытал электрошокером, и мы с тобой мирно разойдемся. Кто дал приказ Казанове выпустить меня из СИЗО?

Хелемский дрожащей рукой провел по лбу, мотнул головой.

- Из Брянска кто-то звонил... больше я ничего не знаю.

- Не полковник ли Дубневич?

Лейтенант сник, отвернулся.

- Ладно, командир, не переживай. Надеюсь, ты понимаешь, что если всплывет история моего сегодняшнего разговора с тобой, станет известно и то, от кого я получил ценнейшие сведения. А с Дубневичем я еще разберусь. Чао, командир. Лови бандитов и не трогай честных людей, себе дорожке будет.

Егор вышел, махнул рукой Панкрату, и они покинули здание ПТУ, приспособленное под общежитие для милиции особого назначения. Когда они подошли к больнице, окончательно стемнело.

- Ну что он сказал? - поинтересовался Воробьев.

- В принципе, я ожидал чего-то такого... брали меня по совету нашего общего знакомого майора Сватова, а тот якобы получил разрешение от начальника службы безопасности округа полковника Дубневича. Не слышал фамилию?

- Нет. Откуда полковник мог узнать о твоём участии в расправе с мотобандитами?

- От того же Сватова.

- А от кого поступил приказ тебя освободить?

- Казанову звонили из Брянска. Это мог быть и полковник Дубневич, и кто-нибудь еще, знающий меня лично. Я это выясню.

- Поедешь в Брянск? Когда?

- Прямо сейчас. У меня там есть пара знакомых, у кого можно остановиться на пару дней. А потом я кое-кого навещу.

- Мэра?

- Его, господина Мокшина, почему-то проявляющего особый интерес к тому, что делается в Жуковском районе.

- Где тебя можно будет найти?

Егор подумал и продиктовал адрес.

- Если меня там не будет, я оставлю координаты. А ты все-таки собираешься снова идти в зону?

Панкрат отвернулся.

- У меня нет выбора. Я своих парней не бросаю.

К машине подошел кто-то из "мстителей", наклонился к окошку со стороны Воробьева.

- Лейтенант в сопровождении двух своих орлов выехал куда-то на "рафике".

Крутов и Панкрат переглянулись.

- Побежал докладывать Казанову? Или кому-то поглавней?

- Проследить?

- Не мешало бы.

- Дуй за ним, - сказал Панкрат своему подчиненному, - да не спугни. Встретимся у ДК. - Он повернулся к Егору. - До встречи в Брянске, полковник?

Крутов молча подал руку.

ЖУКОВСКИЙ РАЙОН. ДУБНЕВИЧ

Официальная должность полковника Игоря Эдуардовича Дубневича звучала просто: заместитель начальника штаба Брянского военного округа, начальник службы армейской безопасности. Неофициальная его должность по статусу была выше, генерал-

лейтенантской: командующий бригадой Российского Легиона Юго-Западного округа.

Российский Легион был создан недавно, в девяносто шестом году, в соответствии с секретным указом, но не министра обороны или другого должностного лица равной силовой структуры, а одного из первых вице-премьеров правительства, предвидевшего очередной кризис власти в стране, Лурье Семена Григорьевича. Сам Лурье вряд ли подозревал, что послужил лишь пешкой в чужой игре, которой спокойно можно пожертвовать в нужный момент. Руководителем же Легиона стал генерал-майор юстиции Мстислав Калинович Джехангир.

По замыслу создателей, Российский Легион призван был координировать и реализовывать агентурно-оперативную информацию, получаемую разведывательными управлениями спецслужб: Федеральной службы безопасности (ФСБ), Главного разведуправления Генерального штаба (ГРУ), Службы внешней разведки (СВР), Министерства внутренних дел (МВД), Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ) и тому подобных. На самом деле он стал инструментом локализации и нейтрализации политических и военных конфликтов на территории России с использованием комбинированных методов информационно-психологических и специальных операций. Когда же в Москве был создан Реввоенсовет (РВС), Российский Легион превратился в главную опору новых революционеров, мечтающих о "глобальной мировой революции". Начинать они, само собой разумеется, собирались с России.

Конечно, на случай утечки информации Реввоенсоветом были разработаны и "легальные" задачи Легиона: ликвидация вдохновителей и лидеров сепаратистских и террористических движений, а также руководителей организаций, чья деятельность могла нести угрозу национальной безопасности страны. Однако основными задачами Легиона оставались выявление, психологическая обработка (в том числе с использованием психотронных средств), изоляция, вербовка, дискредитация и в конце концов уничтожение непокорных лидеров властных структур и партий, представляющих угрозу деятельности РВС.

Формировался Легион из числа добровольцев-профессионалов действующего состава спецназа ГРУ, СВР и ФСБ, а также из ветеранов спецслужб и локальных войн - в Афганистане, Абхазии, Таджикистане и Чечне. Ко времени описываемых здесь событий костяк Российского Легиона был уже сформирован, проверен в деле и мог быть использован в любой точке России. Одной из его бригад, расквартированной в Брянской губернии, и командовал полковник Дубневич.

Игорю Эдуардовичу Дубневичу пошел пятьдесят первый год. Это был приземистый, широкоплечий, толстоногий и короткорукий

мужчина с круглой безволосой головой (голову он брил регулярно) и мощным животом. В молодости Дубневич занимался тяжелой атлетикой, и это в дальнейшем сильно сказалось на его фигуре. Голову же он начал брить уже в двадцать пять лет, когда увидел, что лысеет тем быстрее, чем тщательнее скрывает это от других.

Лицо у Игоря Эдуардовича было квадратное, безбровое, с цепкими круглыми желтоватыми глазами и приплюснутым носом. Губы на этом лице, какие-то бесформенные и безвольные, казались лишними, занимая чересчур много места. Однако характер полковника безвольным назвать было нельзя. Обладая природной хваткой, изворотливостью и хитростью, он всегда добивался поставленной цели. Джахангир не зря обратил на него внимание и сделал своей правой рукой.

Карьеру молодой Игорь Эдуардович начинал прапорщиком хозчасти "Белый орел" в Афганистане. Вернулся оттуда живым и невредимым, закончил курсы комсостава в Туле, отличился на поприще борьбы с коррупцией в собственной части, где сменил три должности, пока не стал командиром в/ч 2111 спецвойск МВД. Служил в Подмоскovie, в Петрозаводске, на Алтае, в Брянске, где и получил звание подполковника и должность командира особой мотострелковой части быстрого реагирования. Полковником он стал в девяносто шестом году с подачи Джахангира, встретившегося с ним для отбора резерва Легиона и вербовки командного состава. Уговаривать Игоря Эдуардовича, тогда еще подполковника, долго не пришлось, он сразу понял цели РЛ и проникся важностью стоящих перед ним задач.

Ранним утром первого августа Игорь Эдуардович выехал из Брянска в Жуковку в сопровождении двух машин охраны, предварительно согласовав поездку с командующим округом. Целью поездки была проверка боеготовности воинских частей Жуковского района и подготовка к предстоящим в конце августа учениям. Однако у полковника были и другие цели, диктуемые деятельностью РВС и личным приказом Джахангира. Дубневичу предстояло выявить агента военной контрразведки, подбравшегося к сверхсекретному "Объекту № 2", и ликвидировать наметившуюся утечку информации как о деятельности объекта, так и о деятельности бригады Легиона.

В начале девятого утра Дубневич высадил свой "десант" в Жуковке и после завтрака в местном кафе "Десна" нанес визит начальнику Жуковской милиции, обнаружив стоящий перед зданием ОВД рефрижератор со знакомой голубой полосой по борту. У полковника ёкнуло сердце: фургон принадлежал транспортной сети РВС и никак не должен был находиться здесь, в центре Жуковки, а тем более рядом со зданием милиции.

Его встретили у входа двое парней в камуфляже, но разглядев внушающую уважение свиту, отступили в сторону. Дубне-

вич покосился на парней, и предчувствие беды у него усилилось: парни в камуфляже также не должны были разгуливать по райцентру с оружием в руках.

В кабинете начальника милиции Игоря Эдуардовича ждал не только капитан Казанов, но и майор Сватов собственной персоной, начальник охраны "Объекта № 2". Оба были, что называется, захвачены врасплох: ни тот, ни другой полковника не ожидали.

Дубневич глянул на их лица: растерянно-испуганное у красавца-капитана и хмуро-обреченное у майора, - и сел за стол.

- Ну-с, господа офицеры, какой сюрприз на этот раз вы мне приготовили? Почему на площади торчит белый фургон?

- Да я... мы тут... кофе хотите? - засуетился Казанов. - Сейчас прикажу принести...

- Отставить! Итак, я вас слушаю, господа.

- В районе объявилась группа дорожных "мстителей", как они себя называют, - проговорил Сватов, отводя глаза.

- Это я знаю. Дальше.

- Они перехватили фургон и доставили зачем-то сюда. Водитель и сопровождающий груза... мертвы.

- Убиты?

Сватов посмотрел на медленно багровеющего полковника и снова отвел глаза.

- Нет. Вероятно, их допрашивали, и у обоих сработала программа самоликвидации.

- Груз?

- В фургоне, не тронут. Но гарантий, что его не вскрывали, нет.

Дубневич ослабил галстук и, цедя слова, страшно выругался. В кабинете наступила гулкая тишина. Казанов вообще перестал дышать и готов был провалиться сквозь пол, Сватов полковника не боялся, но понимал, что допустил непростительный промах, и размышлял теперь о том, как этот промах квалифицирует начальство. К визиту Дубневича он не был готов, надеясь до того, как тот узнает о случившемся, исправить положение, теперь же приходилось выкручиваться на ходу.

Полковник достал громадный носовой платок, вытер гладкую, как плафон, голову, посидел с минуту, отходя, достал было мобильный телефон, чтобы позвонить, но передумал.

- Что еще?

- В зону пытались проникнуть посторонние люди, - продолжал майор. - Но были остановлены. Двое из них задержаны. - Это была ложь, "мстителей" охрана объекта захватила возле кургана, но полковник этого знать не мог.

- Кто они?

- Те же "мстители", что напали на...

- Ваших молодчиков, майор, обнаглевших до предела. Надеюсь, вы прекратили отпускать их "расслабляться" на дорогах об-

ласти? Где остальные "мстители"? Кстати, вы уверены, что это не "легенда" контрразведки? Какого черта им понадобилось искать на территории объекта?

- Думаю, они хотели выявить, кто руководит... э-э, мотоциклистами. Но это не контрразведка. Мы допросили захваченных "мстителей", и они подтвердили, что принадлежат к группе "Час", "чистый асфальт", занимающейся уничтожением дорожных... э-э, бандитов. Но это мое дело, Игорь Эдуардович, "мстителей" я в скором времени достану, уже есть план. Капитан мне поможет.

- Конечно, нет проблем, - ожил Казанов, - устроим облаву и... накроем...

- Но у нас есть еще одна проблема, - перебил его Сватов. - Все чаще мы натываемся на одного приятеля, которого вы приказали отпустить...

- Полковника Крутова. Что значит - натываетесь? Он что, тоже лезет в зону объекта? Мешает вам работать? Следит за вами?

- Нет, но... - Майор замялся. - Ведет себя до неприличия дерзко, независимо. Захватил моих наблюдателей, якшается с "мстителями", вчера заявился к омоновцам, избил двух, в том числе их командира...

- Что?! - не сразу понял Дубневич. - Зачем?

- Они при задержании полковника несколько перестарались, - с готовностью пояснил Казанов, - применили силу, он обиделся...

- Ясно. Правильно обиделся, наверное. Я бы на его месте вообще перестрелял бы всех. И что, он один справился с подразделением ОМОНа?

- Их было человек пять, - сказал Сватов, играя ножом. - Вероятно, те же "мстители". Не знаю, как этот полковник оказался в их компании, но работают они вместе. Я даже считаю, что он и есть агент контрразведки, о котором вам сообщили ваши люди.

- Он действительно полковник ФСБ, хотя и в отставке.

- Очень удобная "легенда" для контрразведчика: отставка, желание навестить родственников... Он же профессионал, это за версту видно, и ведет себя так, будто за спиной мощная база. Зачем возиться с ним, затевать какую-то сложную игру? Не проще ли захватить и допросить... с применением наших игрушек? Вряд ли он сможет выдержать разряд "глушака".

- Займись "мстителями", - жестко сказал полковник, - Крутова не трогай, за ним пойдут мои люди. Если он из контрразведки, тем более нельзя его спугнуть, пусть пока работает под нашим контролем. Если же это пустышка... у начальства есть на него виды. Теперь слушайте приказ. Рефрижератор перегнать в Брянск, груз уничтожить без следов. На время транспортные линии объекта заморозить, до особого распоряжения. Засветившихся охранников... ликвидировать!

Майор посмотрел на Дубневича, но промолчал.

- Омоновцев отослать в Брянск. Это же черт знает что, когда пять человек спокойно захватывают казарму, разоружают бойцов и бьют им морду! Я заменю их своими парнями.

Казанов кивнул.

- И последнее: срочно установите, с кем полковник Крутов имел контакты. Это больше касается вас, капитан. Вы же, майор, отправляйтесь на объект, я подъеду позже, через час-два. Побойтесь о своих лихих молодцах... в том смысле, что я уже сказал. Ваш тест сейчас где? На даче или на объекте?

- На даче.

- Пусть приедет на объект, у меня есть к нему разговор.

Сватов спрятал нож и вышел, не взглянув на Казанова, которого начала колотить нервная дрожь. Дубневич усмехнулся, понимая чувства начальника милиции.

- Садитесь, капитан, поговорим о вас. Вам предстоит убедить меня в том, что вы умеете работать. Сколько вам платит мэр Брянска за умение закрывать глаза на его незаконную деятельность в Жуковском районе?

Лицо Казанова стало серым.

- Я... н-не понимаю...

- Все вы отлично понимаете. Господин Мокшин занялся строительным бизнесом на землях, которые принадлежат государству. Мало того, эти земли имеют еще и культурно-историческую ценность и входят в реестр памятников археологии и палеокультур, подлежащих охране. Ведь вы это знаете?

- Я... м-м-м... д-да... - выдохнул Казанов. - Но клянусь, что...

- Не клянитесь. Я не собираюсь посылать запрос в прокуратуру или докладывать вашему непосредственному начальству об использовании вами служебного положения в личных целях, ради наживы. Мне необходимо сотрудничество. Готовы?

- Н-ну... конечно... - промямлил капитан, поймал презрительно-насмешливый взгляд Дубневича и вытянулся. - Так точно, товарищ полковник!

- Отлично, Степан Петрович. Сегодня вам предстоит одно небольшое дельце: взять одного человечка и посмотреть, какотреагирует на это его начальство. Готовьте людей.

- ОМОН?

- Можно и ОМОН. Для этого дела сгодятся и дуболомы лейтенанта Хелемского.

Разговор Дубневича с Юрием Тарасовичем Бессарабом, руководителем Проекта, начальником "Объекта № 2" и тестем майора Сватова, не состоялся. Бессараб на объекте не появился, сославшись на усталость и необходимость в течение субботы-воскресенья поправить пошатнувшееся здоровье. Дубневич вы-

нужден был ограничиться беседой с его заместителем, осмотрел подземное хозяйство объекта, его главный корпус и полигон, проверил, как несет службу охрана, и убедился в близости к истине самых мрачных своих предположений. Объект как лаборатория, технический комплекс, еще мог функционировать; объект как группа единомышленников, система связей и отношений, начинал распадаться, терять психологическую устойчивость, превращаться в массу психически неполноценных людей, у которых постепенно вырабатывалась биологическая потребность в насилии. В скором времени все это должно было выплеснуться за пределы огороженной зоны, да уже практически и выплеснулось - если принять во внимание походы на мотоциклах подчиненных майора Сватова, прошедших зомби-обработку, и Дубневич понял, что необходимо предпринимать срочные меры, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля. Юрий Тарасович либо не хотел видеть, что творится у него под носом, либо считал, что защита объекта - не его прерогатива. Человек же, призванный эту защиту обеспечивать, майор Сватов, был женат на его дочери, поэтому и держался так вызывающе со всеми проверяющими, в том числе с полковником, будучи уверенным в своей неуязвимости. Именно благодаря его самоуверенности и излишней самостоятельности и создались предпосылки критической ситуации, которую сам майор оценивал чересчур оптимистично. Этот порочный круг необходимо было разорвать. Судьба Проекта если и не висела на волоске, ибо кроме "Объекта №2" над ним работали "Объекты № 1, 3 и 4", то приближалась к опасной черте раскрытия тайны, за которой мог последовать не только взрыв народного негодования, но и распад Системы, свертыwanie деятельности Реввоенсовета.

Уезжал из Жуковских лесов Дубневич с твердым убеждением в необходимости полной смены охраны объекта и принятия жестких превентивных мер, но прежде чем приводить в действие комплекс страховочных мероприятий, следовало убедить в этом генерала.

В Жуковку Игорь Эдуардович заезжать не стал, послал только туда четверых своих агентов по особым поручениям, сам же выехал с территории объекта по новой трассе и через час с небольшим был в Брянске, в штабе округа, в своем кабинете, оборудованном новейшей системой прямой компьютерной связи и-мэйл, которая давала возможность связаться с любым абонентом за считанные секунды. Джахангир отозвался мгновенно, будто ждал звонка.

На экране компьютера вспыхнул зеленый паучок, превратился в точку, которая вывела слова:

"Включите защиту".

"Включена хай-ди", - выбил на клавиатуре ответ Игорь Эдуардович.

"Доклаживайте, полковник".

"Объект №2" на грани обнаружения. Предлагаю срочную зачистку по программе "зеро".

"Вы советовались с директором Проекта?"

"Он меня не принял под смешным предлогом "усталости".

"Он действительно много работает. Но без его санкции мы не сможем свернуть объект".

"Так поговорите с ним сами, объясните, что под объект копает контрразведка. Программа испытаний "ЗГ" практически завершена, можно ее закрывать, а техническим персоналом объекта пожертвовать. Нетрудно будет набрать новый. Зачистку же следует начать с охраны. Люди Сватова в худшем состоянии, чем я предполагал, они психически неустойчивы и практически вышли из-под контроля".

"Вы обнаружили контрагента?"

"Еще нет, но есть неплохие шансы вычислить его в ближайшее время. Дайте мне три дня, и я назову его имя".

"Работайте. Через три дня и решим, что делать с объектом. Как ведет себя мой бывший ученик?"

"Вы имеете в виду Крутова? Он ведет себя весьма свободно и раскованно. Есть подозрение, что именно он и работает на контрразведку, хотя с другой стороны действует он слишком прямо".

"Понаблюдайте за ним. Он мне нужен в любом случае".

"Люди Сватова пытались это сделать, он их вычислил и грозился "начать отстрел" всех, кто ему будет надоедать".

"Узнаю орла по полету. Все равно пока не трогайте его. Он человек структуры, его действия всегда можно спрогнозировать и успеть ответить. До свидания, полковник. Через двое суток жду в Москве с докладом о принятых мерах".

Зеленая звездочка перестала бегать по экрану, превратилась в линию, в паучка, погасла. Дубневич выключил компьютер, походил по кабинету, посасывая трубку, - он недавно бросил курить, но еще не отвык, - и вызвал помощника. Надо было срочно придумать для командующего округом причину своего скорого возвращения из Жуковского района.

БРЯНСК. КРУТОВ

Ночевал Крутов у бывшего своего однокашника Федора Белова, поэта и философа, закончившего лесотехнический институт, но нашедшего призвание в нетрадиционной медицине; в настоящее время Федор работал в поликлинике мануальным терапевтом и потому зарабатывал неплохо, что благотворно сказалось на его облике: он пополнил, возмужал, приобрел осанку и солидность; его вескую речь больные наверняка воспринимали сразу и верили каждому его слову. Егору он обрадовался, несмотря на его

ночное прибытие, и проговорил с ним до трех часов ночи, пока не встала жена Таня. Пришлось знакомиться, пить вино, снова рассказывать о себе, и уснул Крутов лишь в половине пятого утра. Зато проснулся один: и Белов, и его жена уже ушли на работу, оставив гостю записку на столе в кухне - где стоит завтрак, что хранится в холодильнике, когда придут сами. Детей у них, как понял Егор, пока не было: жена Таня только-только закончила институт (местный машиностроительный), хотя работала в банке, а сам Федор в силу философской направленности мышления о детях думал весьма отстраненно, а точнее - не думал совсем. Ему казалось, что заниматься их производством можно всегда.

Вставать не хотелось, спал Крутов всего четыре часа, но время торопило, и, вспомнив пословицу: лень-потягота, поди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого, - он заставил себя сделать зарядку, принял душ и позавтракал. Сил прибавилось, и в машину Егор садился бодро, предвкушая встречу с Елизаветой, которая грезилась ему чуть ли не в каждой встречной девушке.

Мэр Брянска Георгий Мокшин, он же муж Елизаветы Качалиной, по каким-то причинам не дающий ей развода, жил на проспекте Машиностроителей в новом шестнадцатизэтажном кирпичном доме комфортной планировки, единственный подъезд которого охранялся нарядом вневедомственной охраны. Это осложняло задачу Крутова, так как он не хотел ни с кем делиться своими замыслами. Однако ему повезло: спустя четверть часа после его появления у дома Мокшина к подъезду подкатил мебельный фургон и рабочие принялись разгружать мебель и таскать в подъезд. Егору удалось "помочь" молодым ребятам втащить на второй этаж роскошный диван, судя по тяжести - местного производства, и путь в дом оказался свободен. На четвертый этаж, где располагалась квартира мэра, он взобрался пешком.

На звонок в дверь долго никто не реагировал, так что Крутов, разочарованный до глубины души, уже собрался уходить, когда наконец загремели засовы, дверь открылась и на пороге возник светлоголовый здоровяк в спортивном костюме, широкоплечий, с мощной шеей борца и длинными руками. Взгляд его бесцветных глаз был уныл и не предвещал ничего хорошего.

- Чего надо?

Крутов усмехнулся. По уровню культуры парень не отличался от омовцев, с которыми общался полковник прошлым вечером.

- Сэр Георгий Мокшин дома?

Привратник моргнул, озадаченный словечком "сэр".

- Нету.

- А его жена Елизавета?

- А в чем дело? Ты типа кто вообще?

- Типа родственник, - охотно признался Крутов. - Будь добр, позови ее или дай пройти.

Здоровяк нахмурился, уловив иронию в словах гостя, окинул его взглядом, буркнул: нет никого, - и попытался закрыть дверь, но Егор сунул в щель ногу.

- Доложи мадам, холуй, что приехал родственник из Ковалей. Со слухом у тебя хорошо? А то такое впечатление, что уши у тебя заложило.

Охранник перевел взгляд с ноги Крутова на лицо, порозовел и, распахнув дверь во всю ширь, двинулся на гостя, поднимая руки и собираясь схватить его за грудки. Драться Егор не хотел, поэтому от объятий борца уклонился и применил стандартный ваки-гатамэ, выкручивая плечо и сжимая тело охранника сбоку. Протянув его пару секунд в таком положении, - более длительное удержание привело бы к удушению противника за счет сдавливания надпочечников, - он опустил парня на пол.

- Отдохни немного, я только сообщу хозяйке о своем прибытии.

Однако в огромной патикомнатной квартире Мокшина с мебелью в стиле мобайл и спальней, которой мог бы, наверное, позавидовать король Франции, никого не оказалось. Елизавета отсутствовала, хотя кое-какие следы ее пребывания здесь имели место: небрежно брошенный на кровать пеньюар, помада и гребень на тумбочке трюмо, и запах ее любимых духов "Оревуар".

Настроение у Крутова упало. Не было сомнений, что Лиза ночевала в этой квартире, оставалось лишь выяснить - одна или нет. В последнем случае чувства Крутова уже роли не играли, как не играл роли факт события: заставил ли Мокшин жену спать с ним или она сделала это без принуждения.

Зазвонил телефон в прихожей.

Егор некоторое время колебался, снять ли трубку, потом все же подошел.

- Не пришла? - раздался в трубке густой, с легкой хрипотцой, голос.

- Нет, - глухо сказал Крутов.

- Громче. Не звонила?

- Нет...

- Что у тебя с голосом? Я говорил - не пей пиво из холодильника.

- Это от молока, - сказал Крутов и положил трубку.

В коридоре он присел на корточки возле начинавшего приходить в себя охранника мокшинской квартиры, легонько потрепал его по щеке.

- Оклемался, болезный? Что же ты сразу не сказал, что Елизавета Романовна не ночевала дома?

- Вчера вечером... не пришла... - Парень закашлялся, прижимая ладонь ко рту. - Сбежала с подружкой... сука! А мы за нее... получаем...

- Ясно. Каждому свое, как говорится. Извини, что я тебя помял немного. Сказал бы, что хозяйки нет, и в обморок бы не упал.

Через несколько минут Крутов ехал к центру города, примерно зная, где находится рекламная фирма "Навигатор", в которой работала Елизавета. Фирму он нашел по интуиции, остановившись возле старого шестиэтажного здания с колоннами, напротив которого парковались в основном иномарки. Как оказалось, здание принадлежало управлению по культуре губернской администрации, и большинство его помещений сдавалось в аренду разным конторам и компаниям, в том числе таким, как Брянский "ДиДиБи-Банк" и фирма "Навигатор", располагавшаяся на втором этаже левого крыла здания. Вывески на фасаде не было, вероятно, рекламному начальству она была ни к чему, зато отделка принадлежащей фирме территории внушала уважение: в глазах рябило от обилия зеркал, хрустальных подвесок, декоративных панелей и панно, никелированных поверхностей, кнопок и ручек. Слегка обалдевший Крутов заметил наконец охранника в серой форме, наблюдавшего за ним из специальной ниши слева от входа, и с видом просящего милостыню обратился к нему:

- Простите, мне бы увидеть Лизу... Елизавету Романовну Качалину...

- Ее нет на работе, - равнодушно ответил охранник.

- То есть как нет? Где же она?

- Вы по какому вопросу?

- По личному, - едва не ляпнул Егор и спохватился. - Я из фирмы... э-э, "Плащ и кинжал", нам нужна реклама...

- Обратитесь в отдел "New Business".

- Мне не нужен отдел бизнеса, мне нужен менеджер Качалина, которая ведет нашу кампанию.

- Тогда ждите. Вчера она засиделась допоздна, может, сегодня придет позже. Да вот ее сотрудница идет, спросите у нее.

В коридор вышла высокая, но очень худая, с короткой прической и симпатичным личиком девушка лет двадцати пяти, одетая в короткое платьице и туфли на каблуках "серебряное копытце".

- Вам кого, гражданин?

- Хочет видеть Качалину, - буркнул охранник.

Девушка с интересом глянула на Егора.

- Вы случайно не Крутов?

Елки-палки, подумал Егор, слава обо мне успела дойти и до сюда!

- Да, это я. Вы не подскажете, где я могу найти Лизу?

- Подождите минутку, я сейчас. - Девушка скрылась за одной из белых дверей.

Егор поймал взгляд охранника, брошенный на чересчур худые ноги девушки, и понял его чувства. Такие ноги следовало бы пря-

тать под длинной юбкой. Как сказал бы по этому случаю дед Осип: худая корова еще не газель.

"Минутка" напарницы Елизаветы длилась минут пятнадцать, так что Егор запаниковал: уж не забыли ли его? - но девушка наконец выпорхнула из кабинета с сумочкой в руках и увлекла полковника за собой:

- Пойдемте, мне надо организовать презентацию у клиента, по дороге поговорим. Меня зовут Катя, а вас - Егор?

- Так точно, - пробормотал Крутов, не зная, радоваться или печалиться тому, что о его существовании знает посторонний человек. Однако вскоре все выяснилось. Катя оказалась не только сотрудницей Лизы, но и ее подругой, и вчерашним вечером они, естественно, говорили о Крутове.

- Сейчас поймает тачку... - подняла руку на улице девушка, но Егор ее остановил:

- У меня машина, подвезу, куда скажете.

- Ой, как здорово! - обрадовалась Катя. - Лиза решила не идти на работу сегодня, да и отпуск у нее еще не кончился, и на меня свалилось столько дел...

- Но потом вы покажете, где она остановилась? - осторожно сказал Егор, унимая душевное нетерпение увидеть Елизавету немедленно.

- Конечно, только вы уж подбросьте меня в одно место.

Они сели в машину Крутова, отъехали от здания фирмы, и Егор сразу же обратил внимание, что выехавшая следом со стоянки иномарка - "тойота-королла", в салоне которой сидели водитель и два пассажира, увязалась за ними. Поглядывая за ней, Егор вырулил на площадь Ленина и, руководствуясь подсказками спутницы, довез ее до речного порта.

- Я быстро, - пообещала Катя, успевшая за то время, пока они ехали, рассказать Крутову о своей работе и о том, как они с Лизой ходили в кафе и освободились от опеки охранника, приставленного к Елизавете ее мужем. - Потом мне надо будет заскочить в мэрию, и мы поедим к моей маме, где вас ждет Лизка.

Минут пять Егор сидел в машине и наблюдал за белой "тойотой", пристроившейся к паркету справа от речного вокзала. Потом дал газ и сделал круг по площади у речпорта. Реакции пассажиров "тойоты" на этот рейд не последовало, они кого-то ждали. Но стоило в машину сесть Кате, как "тойота" немедленно двинулась за "рено" Крутова. Сомнений не было, преследовали именно его, точнее, Екатерину, что позволило Крутову сделать вывод: Лиза сбегала от мужа так удачно, что Мокшин потерял ее след и теперь с помощью своих людей пытается через подругу выяснить ее адрес. Правда, тут же пришла более здравая мысль: Мокшин мог бы сделать это, заявившись в фирму и расспросив

Катю. Единственное, что его могло остановить, - неуверенность в том, что Катя знает, где находится ее подруга.

- Они у меня уже выпытывали, - сказала девушка, когда Крутов осторожно спросил ее, не приходил ли к ней кто-нибудь от имени Мокшина. - Естественно, я ответила, что ничего не знаю.

Через час Катя наконец освободилась, впорхнула в кабину "рено", с облегчением вздохнула.

- Все, можем ехать к Елизавете. Мама живет на улице Строителей, это за рекой, надо ехать через мост...

- Если позволите, я поеду один, - сказал Егор. - Высажу вас у фирмы и поеду, скажите только адрес.

- А вы найдете? - наивно засомневалась Катя.

Крутов улыбнулся.

- Язык до Киева доведет.

Екатерина продиктовала адрес, Егор довез ее до здания управления культуры и, пожелав высокой зарплаты, уехал. "Тойота" послушно пристроилась сзади, держась в ста метрах, но потом вдруг отстала и исчезла. Крутов, настроившись на игру с преследователями, даже почувствовал себя разочарованным, но предстоящая встреча с Елизаветой вытеснила все остальные мысли, и к дому Катиной мамы на окраине Брянска он подъезжал, уже с трудом сдерживая нетерпение.

Здесь начинался частный сектор города с незаасфальтированными улочками, кирпичными, панельными и деревянными домами, с садами и огородами. Дом Катиной мамы представлял собой бревенчатую избу чуть ли не столетней постройки с крышей из потемневшего от времени и непогоды шифера, окруженную небольшим яблоневым садом. Чем-то он напоминал родной дом Крутова, но размерами был вдвое меньше.

Понаблюдав на перекрестке за пустыми в этот предобеденный час улицами и никого подозрительного не заметив, Егор подъехал к дому номер двадцать три по улице Гомонова, оставил машину и, оглядываясь, открыл калитку и вошел в палисадник. В нерешительности остановился у двери, прикидывая, что лучше: постучать или войти без стука, тихо, и в этот момент дверь распахнулась и с тихим визгом на шею Крутову кинулась Елизавета, одетая в белую маечку и шорты.

- Нашел, нашел, мой хороший, я же говорила, я знала, я ждала!.. - взалб запричитала она, целуя Егора в щеки, в шею, уши, губы, и длилось это блаженное сумасшествие до тех пор, пока Крутов, у которого закружилась голова, не обнял девушку сам и не прервал ее лепет долгим поцелуем. Потом подхватил на руки и внес в дом, ногой закрыв за собой дверь.

- Хозяйка дома? - спросил он, останавливаясь в сенях.

- Ушла по делам, - прошептала счастливая Елизавета, зажав глаза, - придет к двум. У нас уйма времени...

Крутов открыл дверь в светлицу, внес Лизу... а когда и как им удалось освободиться от одежды, вспомнить потом не могли ни он, ни она. Очнувшись оба через час, полежали друг возле друга, у м и р а ю щ и е, разгоряченные, умиротворенные, хотя и не удовлетворенные до конца, потом Лиза вскочила, затормозила Егора, и тому пришлось мыться в чистом дворике усадьбы вслед за Лизой: сначала он поливал ее водой из ковшика, потом она его.

В половине второго был накрыт стол, Лиза принесла бутылку грузинского вина "Саперави", и они выпили по рюмке, заново присматриваясь друг к другу, словно только что познакомились. А Крутов внезапно испытал удивительное чувство домашнего покоя и тепла, которого он не испытывал уже очень давно, несколько лет, с тех пор как похоронил жену.

- Что? - заметила его непривычно мягкий и нежный и одновременно жадный взгляд Елизавета, улыбнулась с оттенком смущения и вызова. - Понравилось?

Крутов рассеянно качнул головой, затем понял, что отвечает своим мыслям, не совпадающим с мыслями девушки, и проговорил как о чем-то само собой разумеющемся:

- Сейчас мы поедем к тебе на работу и ты напишешь заявление об уходе. Ну, а потом... - Он поднял рюмку. - За нас.

Лиза изумленно округлила глаза.

- Ты хочешь... чтобы я?..

- Я хочу увезти тебя в Москву. Думаю, рекламное агентство мы там тебе отыщем.

Елизавета засмеялась, покачала головой.

- Ты настоящий полковник, как поэт Алла Пугачева. Пришел, увидел, победил. Не забыл, что за мной хвост, то есть муж? У него такие связи!..

- Мы их отрубим, - небрежно пообещал Крутов. - А откуда ты знаешь про связи?

- У него в гостях перебивали все крупные шишки из области, депутаты, милицейские чины, генералы, даже из Москвы приезжали, так что и не хотела бы - все равно всех встречала. Представляешь, ни одного симпатичного лица! Особенно мне не нравились его ученые гости: сколько спеси, сколько высокомерия, Бог ты мой! А настоящей культуры, интеллигентности - ноль!

- Ученые? Зачем мэру друзья-ученые? И какие менно? Физики, химики, металлурги, машиностроители?

- В основном медики, врачи-психиатры, насколько я помню.

Крутов насторожился.

- Ты не путаешь? Именно психиатры?

- Или психологи... не помню точно.

- Раньше ты о друзьях-психиатрах мужа ничего не говорила.

- Ты не спрашивал.

- А о чем они разговаривали с мужем, не слышала?

- Так, о разной ерунде, в мое присутствие о делах никто не заговаривал. Кое-что я, конечно, слышала, обрывки фраз, когда приносила вино или кофе, но не понимала ничего. Например, что такое "груз двести"? Я не знаю...

- Они говорили о "грузе двести"? - медленно произнес Крутов.

- Ну, да. Потом о каких-то испытаниях... о курганах... ну, не помню я, о чем еще.

- А о ФУМБЭП не упоминали?

Елизавета наморщила лоб.

- Кажется, мне знакомо это слово, но что оно означает... какое-то управление по медицине, по-моему. Это так важно для тебя?

- Очень! Вот почему твой муж пытается ограничить твою свободу: ты слышала так много, что стала ценным секретоносителем. У него теперь только два выхода: держать тебя при себе или... - Егор помрачнел, - или убить!

Елизавета вздрогнула, с недоумением посмотрела на него.

- Что ты говоришь? За что?

- Черт! Как я сразу не сообразил... - Крутов насторожился: на душе стало беспокойно, неуютно, словно там подул холодный ветер и принес дождь со снегом.

В сенях стукнула дверь. Егор вопросительно глянул на Лизу, та сделала успокаивающий жест:

- Это, наверное, пришла тетя Саша, Катина мама.

В ту же секунду дверь в горницу распахнулась от удара ноги, и в дом ворвались двое молодых людей в черных костюмах и при галстуках, несмотря на летнюю жару. В руках они держали только дубинки "усмиритель толпы", но наметанный глаз Крутова по некоторым признакам определил под костюмом одного из парней наплечную кобуру, и ему стало понятно, что это те самые пассажиры из "тойоты", следовавшей за его машиной во время поездки с Катей. Теперь стал понятен их демонстративный отказ от преследования машины Егора: они просто передали полковника своим сменщикам, а потом появились по вызову.

- В чем дело, мужчины? - почти доброжелательно спросил Крутов. - Врываетесь в чужой дом, как в свой собственный, пугаете мирных граждан, крутите у них под носом какими-то палками... Адресом не ошиблись?

- Собирайся, - навел свою черную дубинку на Елизавету один из парней, белобрысый, мощного сложения, с ничего не выражающим взглядом.

- Он тебя знает? - посмотрел на девушку Егор.

- Это Станислав, - тихо проговорила Лиза, - телохранитель Георгия... - Поднялась из-за стола. - Убирайтесь! Никуда я не пойду.

- Пойдешь! - двинулся было к ней белобрысый, и в ту же секунду Крутов метнул вилку.

Вилка вонзилась в дубинку, едва не выбив ее из руки парня, в горнице стало тихо. Крутов лениво встал, держа в руках еще одну вилку и кухонный нож, укоризненно качнул головой.

- Вы слышали, что она сказала, джентльмены? Возвращайтесь к боссу и доложите, что любой, кто попробует дотронуться до его бывшей жены, включая его самого, подчеркиваю - б ы в ш е й жены, - будет иметь дело со мной.

- Вадик, поговори с ним, - бросил опомнившийся Станислав, снова направляясь к Елизавете, и Егор бросил вторую вилку, со свистом прорезавшую воздух перед носом белобрысого и вонзившуюся в притолоку.

Станислав отпрянул, сунул было руку под пиджак, но Крутов отвел назад руку с ножом и покачал головой.

- Не стоит рисковать, мальчик. И давайте-ка выметайтесь отсюда по-хорошему, не доводите до греха, напишу обоих.

Парни застыли в нерешительности, переглядываясь, и Егор демонстративно достал свой бетдаггер.

- Вам помочь или найдете дверь сами?

Вид "летучей мыши" заставил визитеров переоценить ситуацию, они опустили дубинки и попятились к выходу.

- Тебе хана, мужик, - сказал белобрысый эмиссар Мокшина с равнодушной уверенностью. - Мэр таких шуток не прощает.

- А я не шучу, - с таким же равнодушием сказал Крутов. - Эта девушка не является собственностью мэра. Или у вас имеется постановление прокурора на ее арест?

- Обойдемся без прокурора.

Крутов потемнел.

- Я тем более. Проваливайте!

Парни вышли. Егор прислушался к звукам, долетавшим с улицы, подошел к окну, сделав жест Елизавете: палец к губам. Двое в черном стояли в палисаднике и о чем-то разговаривали, жестикулируя и поглядывая то на дом, то на подъехавшую машину - белую "тойоту-короллу", потом белобрысый вытащил из кармана трубку мобильного телефона, и Егор понял, что дело принимает нежелательный оборот. Помощники Мокшина сдаваться не хотели и теперь советовались с боссом, что делать. Тот же вряд ли собирался дать отбой "операции".

- Псы! - с выражением сказал Крутов, обернулся к Лизе. - Быстро беги на огороды, оттуда к мосту через Десну, тут недалеко, должна была видеть.

- Я знаю, где это. Что ты хочешь делать?

- Преподам им урок отхода с боем. Залезь под мост и жди, пока я не подъеду и не окликну. Давай!

Елизавета несколько мгновений рассматривала ставшее решительным и строгим лицо Крутова, чмокнула его в губы и выбежала из дома в сени, а оттуда во двор, закрытый со стороны ули-

цы высоким дощатым забором. Крутов подождал минуту, переводя организм в состояние боевого транса, рассовал по карманам кое-какие предметы домашнего обихода: вилки, ножницы, ручку, пилочку для ногтей, кухонный нож воткнул в карман рубашки на груди, бетдагер сунул под ремень брюк и, взяв в руки кочергу, стоявшую возле печки, вышел в сени.

Ждать долго не пришлось. Боевики Мокшина получили, очевидно, приказ босса "взять жену живой или мертвой", вызвали подкрепление в лице водителя "тойоты" и пошли в атаку на гарнизон дома. Дверь в сени рывком отворилась, в проем шагнул спутник белобрысого Станислава и получил удар кочергой по руке. Взыл, выронил дубинку, которая вдруг с треском выпустила голубую извилистую искру: дубинка имела электрошоковый зарядник!

Реакция Крутова сработала мгновенно.

Он подхватил дубинку и сунул ее в лоб идущему следом толстяку с такой же черной палкой. Раздался треск, изумленный вскрик, толстяк вытаращил глаза и упал за порог лицом вниз. Егор остался один на один с белобрысым телохранителем-помощником мэра, успевшим вытащить пистолет ("глок-24", как сразу же определил Крутов).

Мгновение они смотрели друг на друга, прикидывая готовность каждого сразаться до конца и возможности для поединка. Крутов, очевидно, выглядел более убедительно, несмотря на отсутствие огнестрельного оружия, потому что в глазах Станислава протаяла неуверенность, рука с пистолетом, наведенным в грудь Егора, дрогнула.

- Хочешь попробовать? - дернул уголком губ Крутов. - Дерзай, мальчик. Может быть, и успеешь.

Сидевший в сенях с прижатой к животу рукой напарник Станислава, бледный и потный, заскулил от боли, Станислав перевел взгляд на него, и Крутов молниеносным ударом ноги выбил у него пистолет.

В принципе, на этом можно было бы и закончить урок, однако не доставало эффектной концовки, которая запомнилась бы мокшинским подручным надолго, и Егор закончил сольное свое выступление показательным метанием.

Он ушел влево от выпада правой руки Станислава (парень, вероятно, когда-то занимался боксом и стойку принял грамотно), перехватил руку, развернулся по часовой стрелке, заходя противнику в спину, и рывком сдернул с него пиджак таким образом, что получилась как бы смиренная рубашка. Затем другим рывком поставил парня спиной к забору справа от сеней дома, показал ему нож, чтобы он не дергался, и отошел на несколько шагов назад. Станислав и переставший баюкать руку второй молодой

человек смотрели на Крутова во все глаза, не понимая, что он хочет делать. Егор прищурил левый глаз.

- Внимание, господа, демонстрирую смертельный цирковой номер. Нервных прошу из зала удалиться.

С этими словами он выгрузил из карманов весь свой боевой арсенал и в течение двух секунд расстрелял его в Станислава, пригвоздив пиджак парня к доскам забора в пяти местах - двумя вилками, ножницами и пилочкой для ногтей. Не пробила ткань пиджака только шариковая авторучка, хотя и застряла в воротнике в миллиметре от шеи. Напоследок Егор метнул бетдаггер и срезал им прядь волос над левым ухом помертвевшего Станислава. Подошел к нему, удовлетворенно оглядел свою работу, выдернул "летучую мышь", спрятал в чехол, пошлепал белобрывого порученца Мокшина по щекам.

- Все в порядке, можешь дышать.

Закрывая калитку, он оглянулся. Очнувшийся от электрозаряда толстяк-водитель "тойоты", парень с ушищенной рукой и бледный Станислав смотрели ему вслед и молчали. Крутов помахал им рукой, собираясь сказать что-либо значительное, чтобы они передали его слова Мокшину, но в этот момент в конце улицы появилась какая-то машина, и сработавшая интуиция заставила Егора обойтись минимумом слов и жестов.

- Я сегодня добрый, - бросил он, - но не дай Бог вашему боссу меня разозлить!

Вскочил в машину, врубил сцепление и за несколько секунд домчал до перекрестка. Свернул к реке и... снял ногу с педали газа. Фары мчащейся с большой скоростью машины, за которой по улице вздувался хвост пыли, дважды мигнули. Если бы это были преследователи, кого бы они ни представляли, подавать такой сигнал они не стали бы.

Автомобиль - джип "судзуки-витара" цвета "серебристый металл" снизил скорость, достиг перекрестка, повернул и остановился в двух шагах от машины Крутова. Из него выскочил человек в светлом костюме, темной рубашке с белым галстуком и в белых туфлях, ни дать, ни взять - киноактер Джулиано Челентано, и Егор с удивлением узнал в нем Ираклия Федотова, магистра Жуковского отделения Международного Ордена чести.

- А говорят - гора с горой не сходятся! - хладнокровно сказал Крутов, вылезая навстречу, испытывая неприятное чувство рентгеновского просвечивания. - Какими судьбами, господин магистр?

- Быстро уходи отсюда, - сказал Ираклий, подходя и пожимая руку Егора. - Забирай девушку, садись в мою машину, твою разыскивает вся милиция Брянской губернии, и рви когти куда-нибудь подальше. Ключ зажигания внутри, техпаспорт в бардачке.

- С какой стати меня разыскивает милиция?

- С подачи мэра, надо полагать.

- Быстро он сработал, полдня не прошло, как я навестил его квартиру. Что мне инкриминируется?

- Нападение на охранника с целью грабежа квартиры и похищения его жены.

Крутов присвистнул.

- Ловко! Одним ударом двух зайцев хочет убить господин мэр. Откуда ты узнал, что я здесь?

Ираклий с необидной насмешкой в глазах подтолкнул Егора к джипу.

- У Ордена чести своя разведка. Уезжай, ни пуха...

- К черту! - Крутов оглянулся назад, но из-за пыли дома Катинной мамы и "тойоты" мокшинских посланников не увидел. - А ты?

- Обо мне не беспокойся. Отгоню твою красавицу и спрячу в гараже на время. Кстати, в Брянске тоже есть филиал Ордена, базируется в здании губернской администрации, под надежной крышей... Давай, полковник, не трати время, даю слово ответить на все твои вопросы, но позже.

Крутов сел в кабину джипа, огляделся, знакомясь с расположением ручек и приборов, потом вылез, забрал из багажника и салона "рено" свои вещи, снова сел за руль "судзуки", поднял вверх кулак и включил зажигание. Последнее, что он увидел перед тем, как пыль из-под колес скрыла задний обзор, был ошибочно точный прыжок Ираклия в кабину "рено": т а к о е могли выполнять только исключительно координированные и специально обученные люди.

Через пять минут Егор забрал Елизавету из-под моста, а спустил еще четверть часа выехал за город.

ЖУКОВСКИЕ ЛЕСА. ВОРОБЬЕВ

В шесть утра Панкрат отправил Родиона и Мишу Ларина к зоне, чтобы они наблюдали за въездом на ее территорию, а сам остался с Кашириным на даче дожидаться прибытия из Брянска последнего члена группы "Час", Андрея Краснова, которого вызвал вчерашним вечером после разборок с омовцами, обидевшими полковника Крутова.

Строители и охранник дачи, запертые в бане, просидели сутки смирно, не делая попыток освободиться, и были за это покарены консервами из их же собственных запасов.

Делать было нечего, план нового похода в зону никак не складывался, и Панкрат, голый по пояс, улегся в тени забора на чьем-то матрасе и поставил рядом ведро с водой для охлаждения: уже к восьми утра температура воздуха перевалила за двадцать семь градусов, днем же и вовсе жара должна была достичь градусов тридцати пяти.

Каширин, также голый по пояс, вынужден был время от времени вылезать из тени и обходить территорию стройки: он играл роль штатного охранника дачи, - Панкрат же принялся подсчитывать арсенал группы и вскоре пришел к выводу, что для проведения настоящей, хорошо подготовленной операции перехвата какой-либо банды, не говоря уже о проникновении в зону, средств у "мстителей" явно недостаточно. Не хватало пистолетов-пулеметов, светозвуковых гранат, арбалетов, метательных пластин, раций, бронежилетов, обмундирования, транспортных средств. А где все это можно было раздобыть в условиях "партизанской войны", Панкрат не знал. В Подмоскovie у него была своя база, запасы которой непрерывно пополнялись после проведенных операций по уничтожению дорожных бандитов, а также после налетов на склады мафиозных структур, координаты которых сообщал Воробьеву покойный Михаил Сергеевич, в брянской же области снабжением группы никто специально не занимался, а потрошить местные армейские склады Панкрат не хотел. Надо было или уходить из этих мест, как советовал Михаил Сергеевич, или посылать кого-нибудь из ребят на старую базу за оружием и техникой.

Панкрат достал из груды снаряжения "пистолет", похищенный ими в зоне, повертел в руках и сунул в карман. Эту штучковину следовало показать знакомым экспертам с Лубянки, чтобы они разобрались в принципе ее действия, но до экспертов еще надо было добраться, а пока - беречь "пистолет" как зеницу ока. Да и испытать его не мешало на живом объекте.

Панкрат усмехнулся про себя. Почему-то он был уверен, что объект скоро подвернется - из числа охранников проклятой зоны или бандитов на дорогах.

До десяти часов он лежал на матрасе, мучился, думал, глядя в небо и обливаясь водой из ведра, но так и не принял никакого решения. А после десяти события начали ускорять ход, на отвлеченные темы думать стало некогда, надо было приниматься за работу.

Сначала по рации позвонил Родион и сообщил, что из зоны выехал отряд мотоциклистов - человек десять на восьми мотоциклах. Куда они направлялись, Родион, естественно, не знал.

Потом на сером "ниссан-патрол" с затемненными стеклами прибыл наконец Краснов, гибкий, смуглолицый, гладко выбритый, уверенный в себе, любитель риска и женщин, и привез известие о каком-то строительстве в Жуковских лесах, которое патронировал лично мэр Брянска.

- Клево устроились, - со знанием дела сказал Краснов, оглядывая двор строящейся дачи и снимая рубашку; он был смуглым от природы и казался загорелым. - Где здесь можно помыться? Весь в пыли. Баня работает?

- Там сидят арестанты. - Панкрат вылил на себя остатки воды из ведра, подал его Андрею. - За баней скважина, можешь включить насос и искупаться. С чего ты взял, что мэр Брянска курирует строительство в здешних лесах?

Краснов набрал воды и, ухая и стеная от наслаждения, вылил на себя три ведра, согнал ладонями воду с волос.

- Ух, хорошо! Без кондишна в джипе все-таки ездить не комфортно. А узнал я это от свояка, который работает экономистом в администрации мэра и видел "проект возрождения края", как он выразился. А поскольку экономист он толковый, то разглядел в проекте статьи расходов, не связанные с определенными населенными пунктами. Для меня все его расклады - темный лес, поэтому я понял лишь одно: где-то за Николаевкой... есть тут такая деревня?

- Имеется.

- В общем, за Николаевкой, в болотах, ведется крупное строительство, но что именно строится - свояк так и не выяснил.

- Что ему помешало?

Краснов напился прямо из ведра, сел в тень березы на траву, потом лег, раскинув руки. Живое подвижное лицо его застыло.

- Его убили.

Панкрат постоял рядом, склонив голову к плечу, присел рядом.

- Когда?

- Вчера вечером. Мы договорились с ним встретиться, потом позвонил ты, я приехал к нему... стреляли из пистолета ТТ, две пули в грудь, одна в голову.

- Много узнал?

- Получается, что так. Закончим здесь, я поеду обратно в Брянск, покопаюсь в этом деле. Я свояка недолюбливал, честно говоря, засранец он хороший, но у него остались двое детей, жена, мама...

- Странно, - сказал Панкрат с хмурой задумчивостью. - Как тесно порой сплетаются судьбы людей... Дело в том, что и в наших делах просматриваются следы деятельности господина Мокшина, мэра Брянска. Надо бы действительно заняться им вплотную. Еще раз убеждаюсь, что пора создавать "чистилище" наподобие того, что описано в романе одного современного писателя, и мочить всех подонков подряд без суда и следствия. От Крутова сведений нет? Ты заходил по адресу, который я тебе дал?

- Твой Крутов записки не оставил.

- А обещал. Значит, что-то случилось. Узнал, что такое ФУМ-БЭП?

- Это было не сложно. У меня свояк в Москве...

Панкрат невольно засмеялся.

- Похоже, у тебя свояки по всей матушке-Россе разбрелись.

Краснов тоже улыбнулся.

- Всего трое. Так вот, он работает в ФАПСИ и легко выяснил, что в столице легально существует некое управление Минздрава - Федеральное управление медико-биологических и экстремальных проблем, сокращенно - ФУМБЭП.

Панкрат сорвал травинку, пожевал.

- Вот, значит, как далеко тянется ниточка...

- Ты о чем?

- Зона, где скорее всего держат наших ребят, связана каким-то образом с ФУМБЭП. Впрочем, не каким-то, а самым непосредственным: здесь экспериментируют с живым материалом! - Панкрат достал черный "пистолет". - Знаешь, что это такое?

- Какая интересная пушка. Это у нее глушитель?

- Это не пушка, а психотронный генератор! И теперь я стопроцентно уверен в том, что в зоне идут разработки и испытания его на людях... которых потом хоронят в курганах или перевозят в гробах под видом "груза двести" в другие места захоронения.

Краснов приподнялся на локтях, перевел взгляд с "пистолета" на изменившееся лицо командира и тихо свистнул.

- Это мы, выходит, влезли в самое пекло?

- Похоже, что так.

- Почему же вас выпустили из зоны живыми?

- А вот на этот вопрос я и сам не могу найти ответа. Ну, отдохай пока, я тоже прилягу в тенечке, помозгую над тем, что ты сообщил, прикину планчик на ближайшие сутки. Но чую, придется таки нам отсюда уносить ноги.

Со стороны ворот вдруг раздался короткий свист: Каширин предупреждал о приближении людей.

Панкрат метнулся к оружию, накрыл его куском линолеума, повязал голову платком, взял в руки лопату и принялся делать цементный раствор.

- Носи в дом доски, только помедленней, лениво. Мы с тобой сейчас строители.

Краснов невозмутимо водрузил на голову грязно-белую кепочку, оставленную настоящими строителями, стащил со штабеля досок одну, распилили ее ножовкой и поволок обе части в котедж. То же самое он сделал со второй доской и с третьей, играя свою роль с уморительной серьезностью. Во всяком случае со стороны он ничем не отличался от типичного работника стройки.

Тревога, поднятая Кашириным, с одной стороны, была объективной, с другой - несущественной, несмотря на серьезность намерений появившейся стороны. По дачному поселку двигался "уаз" с синей полосой по борту и надписью "милиция", останавливался у каждой дачи, и работники милиции в количестве трех человек осматривали стройку или заводили разговор с теми, кто в это время находился на участке. Подъехали они и к базе "мстителей".

На стук в дверь Каширин с помповым ружьем на плече неспешно открыл дверь, молча уставился на представителей власти с ничего не выражающим лицом, явно не собираясь никого впускать на охраняемую территорию.

- Это дача Шанталинского? - спросил один из милиционеров, с уважением глянув на могучую фигуру "охранника".

- Ну? - буркнул Каширин.

- Вы здесь никого подозрительного не видели?

Паша почесал за ухом, зевнул.

- Когда?

- Вчера, сегодня...

Каширин задумался, морща лоб, и думал так долго, что милиционеры переглянулись, оценив умственные способности "охранника" ниже своих.

- Нет, не видел, - изрек наконец Каширин, - разве что утром вертолет пролетел над лесом да вы вот приехали.

- А осмотреть дачу можно? У вас во дворе машина стоит.

"Охранник" опять задумался.

- Это машина бригадира. Вообще-то меня инструктировали никого не впускать... но если вам надо... а документы посмотреть не дадите?

Один из блюстителей порядка с лейтенантскими звездочками на погонах раскрыл красную книжечку с золотым тисненым двуглавым орлом, Каширин глянул на нее, отступил в сторону.

- Проходите.

Двое милиционеров прошли за калитку, разглядывая еще неухоженную территорию дачи, копавшихся во дворе "строителей", красновский джип и мотоцикл. Лейтенант подошел к Панкрату, кивнул.

- Здравия желаю. Вы здесь давно работаете?

- С семи утра.

- Я имею в виду вообще.

- Тогда с мая, - разогнулся Воробьев. - Заканчиваем скоро. А вы ищите кого или так, ради профилактики?

- Ищем, ищем, - рассеянно сказал милиционер, снимая фуражку и вытирая влажный лоб платком. - Машина ваша?

- Нет, бригадира. Оставил с утра, в лес подался, за грибами. Хотя в такую жару какие грибы... Да вы подождите его, он скоро придет.

- А откуда он сам? Номера-то у его танка не брянские...

- Шут его знает, нам он не докладывается. С хозяином на "ты", часто приезжает с какими-то военными шишками, но дело знает, хоть и молодой. А что случилось-то, командир?

- Ладно, мы к вам еще заедем попозже. - Лейтенант махнул рукой напарнику, рассматривающему баню. - Пошли, Сергеев.

Милиционеры убралась за калитку, "уаз" отъехал, в лесу снова стало тихо. "Мстители" посмотрели друг на друга, прислушиваясь к тишине.

- Это они ведь нас ищут, - сказал Каширин флегматично. - Все деревни, наверное, прочесывают.

- Весело вы тут живете, - покачал головой Краснов.

Панкрат бросил лопату: он успел сделать приличный замес цементного раствора, - вылил на голову полведра воды, отошел в тень.

- Уходить надо, - продолжал тем же тоном Каширин. - Если они вернуться и начнут искать бригадира...

- Уйдем завтра, - сказал Панкрат. - Вернутся Родион и Миша, обсудим ситуацию. Коля, съезди-ка в Фошнянскую больницу и привези полковника... если, конечно, он уже оклемался и в состоянии соображать.

Каширин молча начал одеваться.

- Я поеду с ним, - сказал Краснов. - По-одному ездить в такое время опасно.

- Давай, - согласился Панкрат, подумав. - Только не на джипе. Возьмите мотоцикл, не так бросается в глаза.

Каширин завел мотоцикл, Краснов бросил в коляску ружье, сел сзади, и они уехали. Панкрат остался один, вдруг впервые в жизни испытал непривычное чувство безысходности и гнетущей подавленности. С бандитами на дорогах его команда управлялась неплохо, но бороться на равных со спецслужбой, да еще на ее территории, явно не могла.

Баркова в больнице не оказалось.

Как сказала старшая медсестра отделения, за ним приехали из области и увезли в центральную Брянскую психиатрическую клинику имени Семашко для прохождения реабилитационного курса лечения.

- Хотя он уже и у нас вышел из состояния фрустрации, - добавила пожилая медсестра. - Начал сам есть, умываться, смотреть телевизор.

- А у тех, кто за ним приехал, были какие-нибудь документы? - поинтересовался насторожившийся Каширин.

- Я не знаю, они беседовали с врачом, но наверное же были, как же иначе. Мы больных без документов не выписываем.

- Могу я поговорить с врачом?

- А кто вы приходитесь больному?

- Двоюродный брат.

- Пойдемте. - Старшая медсестра вывела Пашу из своего кабинета и провела в кабинет дежурного врача. - Лев Борисович, тут вот товарищ к вам, интересуется больным...

- По фамилии Барков, - сказал Каширин. - Мы привезли его два дня назад, у него была потеря памяти и...

- Я знаю, - кивнул врач; у него было породистое мясистое лицо с двумя подбородками. - Увезли его сегодня утром.

- Кто, куда? Вы с ними разговаривали?

- Само собой разумеется. Это наши коллеги из военного полевого госпиталя Бурденко в Тросне. Показали документы, все чин-чином, сказали, что он крупный армейский начальник, чуть ли не генерал, но страдает расстройством психики и часто впадает в депрессивное состояние.

Каширин повернулся к медсестре, которая с видимым удивлением смотрела на врача.

- Лев Борисович, вы же говорили, что они из центра Семашко...

- Ничего подобного я не говорил, - с неудовольствием сказал врач. - Среди них был сотрудник ЦПБ, но в качестве консультанта. Увезли его военные медики, хотя я и возражал. Он вполне мог вылечиться и у нас.

- Ясно. Спасибо за информацию. - Каширин поспешил из кабинета и на вопрос врача - а кто вы больному, молодой человек? - не ответил. Он понял, что Баркова забрали в зону те же люди, что захватили у кургана двух членов отряда. Теперь надо было уходить из больницы как можно быстрее, потому что профессионалы зоны наверняка оставили здесь группу для перехвата тех, кто придет проводить больного.

Однако никто не препятствовал его выходу из больницы и никто не бросался к мотоциклу на стоянке, возле которого слонялся изнывающий от жары Краснов. И все же стоило им отъехать от здания больницы, как за мотоциклом сразу двинулся тупорылый новенький "бычок" с брезентовым верхом, младший брат нижегородской "газели". Он мог перевозить не только любой груз весом до трех тонн, но и около двух десятков вооруженных людей - целый десант, а сельские дороги ему были не страшны.

Краснов все понял без слов, поэтому на ходу пересел в коляску и, как только мотоцикл выскочил за деревню и углубился в лес, достал помповик и аккуратно прострелил "бычку" правое колесо. Так и осталось неизвестным, кто сидел за рулем автомобиля - обычный сельский шоферюга или армейский ас: догнать мотоцикл ни тот, ни другой, без колеса не могли.

Панкрат выслушал доклад Каширина с виду спокойно, скрепя руки на груди, потом поднял посветлевшие, буквально засветившиеся желтизной, как у кошки, глаза и криво улыбнулся.

- Мы проигрываем по всем направлениям. Начальство зоны держит здесь все под контролем, даже милицией командует, не говоря уже о средствах массовой информации. Майор Сватов землю будет рыть, чтобы найти нас и ликвидировать, как источник

беспокойства и предполагаемой утечки информации. Тем более, что мы стащили в зоне образчик продукции лаборатории.

- Я вообще удивляюсь, как вам удалось так долго держаться здесь в таких условиях, - признался Краснов. - Все как на ладони, чихнешь в одной деревне - слышно в другой, только леса и спасают, да и то до поры, до времени.

- Нас здесь не ждали, - пробасил Каширин. - Эти сволочи привыкли чувствовать себя хозяевами положения и в мыслях не допускали, что кто-то может действовать так же нагло, как они.

- Теперь они очнулись.

- К чему ты клонишь?

- Хочу выяснить ваше отношение к происходящему. Что посоветуете делать? Сидеть здесь - это верная гибель группы, уйти - это значит бросить ребят.

- Зачем же бросать? - пожал плечами Краснов. - Давайте тихо исчезнем за пределы области, доберем людей, экипируемся и вернемся.

Панкрат потянул мочку уха, задумался, кивнул.

- Здравая мысль. Ты, Николай?

- По-моему, Андрей прав. Мы потеряли четверых, если считать Витьку Баркова, чуть ли не половину группы, вятером осилить зону не удастся.

Панкрат облокотился на крышу джипа, размышляя о чем-то. В кабине машины чирикнула рация. Панкрат достал трубку, поднес к уху, выслушал сообщение и повернул голову к выжидательно глядящим на него подчиненным.

- Есть возможность устроить напоследок прощальный концерт. Из зоны только что на пяти мотоциклах выехали наши приятели, причем - не в форме, а в прикидах байкеров.

- Неужели опять пошли на охоту?! - не поверил Каширин.

- Похоже. Перехватим? Как говорит китайская стратагема номер два: нападай там, где уступают, и не нападай там, где дают отпор.

Краснов и Каширин переглянулись.

- Я - за, - сказал Андрей. - Соскучился по делу.

- В конце концов мы ничего не теряем, - согласился Каширин. - Только где и как мы их перехватим?

Панкрат достал рацию.

- Родион, догоните мотоциклистов и следуйте за ними. Мы выезжаем и будем держаться сзади. Командуй, куда нам двигаться.

- Ждите, - лаконично отозвался разведчик.

- Собираемся, - бросил Воробьев.

Они покидали оружие в кабину джипа, переоделись в пятнистые комбинезоны спецназа, выпустили из бани утомленных долгим сидением пленников и выехали с территории дачи. Джип вел Краснов, мотоцикл - Каширин, пристроившись в кильватере.

Через пять минут вышел на связь Родион:

- Они едут к Фошне...

Панкрат развернул карту Брянской области, нашел Жуковский район, ткнул пальцем в россыпь кружочков и линий.

- Мы вот здесь... проедем Николаевку, Саково и на развилке повернем налево.

- Я не ориентируюсь, будешь показывать.

- Сюда же ты доехал нормально, тут не так много дорог, по которым можно проехать на машине. Через Саково ты проезжал, вот за селом сразу и повернешь налево.

Снова зачирикала рация.

- Они свернули направо, в сторону Петуховки.

Панкрат сделал жест, и Краснов затормозил.

- Они едут к Петуховке, то есть практически нам навстречу. Дорога здесь одна, придется сворачивать в лес.

- Куда они могут направляться?

- Если не остановятся в Петуховке или в Саково, то дальше развилка: направо дорога ведет в Николаевку, налево в Косилово. Будем ждать.

Родион позвонил через полчаса: мотоциклисты остановились, не достигнув Петуховки, потом повернули назад, миновали развилку на Фошню и устремились к Жуковке, но через несколько километров свернули в деревню Велея.

- Теперь они где-то в центре деревни, - докладывал Родион, - и скорее всего развлекаются в обычном своем стиле: я слышал рев моторов и стрельбу. Их шестеро, чем вооружены - неизвестно, мы не разглядели, хотя они проехали мимо; пришлось прятаться в лесу. Что делать, командир?

- Ждите, - сказал Панкрат, - мы сейчас подъедем.

Краснов дал газ, джип помчался по разбитой асфальтовой дороге, поднимая за собой пелену пыли, которая вскоре проникла в машину и заскрипела на зубах. Каширин на мотоцикле отстал, чтобы не глотать пыль, но вряд ли чувствовал себя лучше, чем пассажиры "ниссан-патроля".

Проехали Саково, Петуховку, а недалеко от поворота на Велею из леса наперерез джипу вырвался мотоцикл Родиона и Михаила. "Мстители" собрались у машины Воробьева.

- Плана действий у меня нет, - сказал Панкрат, - будем импровизировать. Мы с Андреем и Мишей поедем вперед, понаблюдаем, что творится в деревне. Окна у джипа темные, и нас никто не увидит. Паша и Родион ждут сигнала и по команде врываются в деревню с двух сторон. Другие варианты есть?

- Отсутствие вариантов - тоже вариант, - пробурчал хмурый Родион, - но самый худший.

- Ты можешь предложить что-нибудь поинтересней?

- Мне не хочется туда идти, - признался Родион смущенно. - Без разведки, подготовки и страховки, в ослабленном составе.

Панкрат задумался. По правде говоря, ему тоже не хотелось начинать операцию без подготовки, но и не воспользоваться шансом узнать что-нибудь о пропавших разведчиках группы он не мог.

- Кто-нибудь еще сомневается в необходимости атаки? Не nevoie, можете со мной не ходить.

- Погоди, командир, - укоризненно прогудел Каширин, - не гони волну. Мы не отказываемся от перехвата, тем более, что мотоциклисты - из зоны и могут знать о судьбе Эдика, Тагира и Витьки. Но Родион прав: нас мало и все предусмотреть мы просто не в состоянии.

- Что ты предлагаешь?

Каширин крикнул, почесал грудь под комбинезоном.

- Да черт его знает! Раз уж мы их догнали, не стоит давать отбой, надо доводить дело до конца. Захватим "языка" и смоемся.

Панкрат оглядел сосредоточенные лица "мстителей", подставил ладонь, получил четыре шлепка и сел в кабину джипа. Через несколько минут они были в центре села.

Байкеры действительно развлекались.

Трое из них на бешеной скорости гонялись друг за другом по узким улочкам Велеи, пугая и давя пернатую живность: кур, уток, цыплят; улицы деревни были почти сплошь покрыты травой и пыли мотоциклы поднимали мало. Жители деревни то ли попрыгали, то ли отсутствовали по причине рабочего дня, во всяком случае, никого из них видно не было, лишь кое-где в окна выглядывали любопытные лица ребятишек.

Еще двое мотоциклистов пили пиво возле продуктового магазина и швыряли пустые бутылки в кузов стоящего рядом грузовика или на площадку перед местным клубом с афишей американского боевика "Терминатор-2". Здесь же притулился с стене клуба коммерческий киоск, продавец или владелец которого, не то грузин, не то армянин, сидел на земле спиной к своему киоску, а третий байкер, буйно заросший волосами, бородатый, пузатый, громадный, в сапогах сорок пятого калибра, с покатыми плечами борца, изредка прикладывался к горлышку двухлитровой пластмассовой бутылки с фантой, лил ему на голову пенящуюся оранжевую жидкость, приходя от этого в неистовый восторг. И веяло от всей этой крестинической развлекухи таким театральным переигрыванием, что Панкрат похолодел, внезапно осознавая, что их здесь ж д у т.

- Уходим! - сквозь зубы процедил он, доставая рацию.

Краснов с удивлением глянул на командира.

- Почему?! Да мы с ними справимся в два счета! Возьмем эту парочку у магазина или бычару у киоска, никто и пикнуть не успеет, а те болваны пусть себе так и катаются.

- Родион, Паша! - позвал Панкрат.

Рация молчала.

- Родион, почему не отвечаешь? Ты где? Паша, в чем дело?!

Через несколько секунд отозвался Родион:

- Командир, тревога! Деревню окружают... - свист, скрип, ворчание, шум, сквозь который донеслись обрывки слов: - ...люди... двен... собак... дить... длнно!..

- Уходи сам! - повысил голос Воробьев, ткнул Краснову рукой вперед, приказывая уезжать и продолжая вызывать Каширина.

Джип тронулся с места, и в тот же миг байкеры перестали валить дурака, выхватывая загодя приготовленное оружие. Это была самая настоящая засада, заранее спланированная и неплохо организованная, развернутая с одной только целью - выманить "мстителей" из их схрона. Цели этой организаторы засады добились: "мстители" клюнули на приманку.

Но и те в свою очередь действовали быстро, сразу принимая предлагаемые условия и не ожидая приказа командира. Ларин открыл огонь по двум мотоциклистам из пистолета практически одновременно с ними, а Краснов направил джип прямо на медведеобразного байкера у киоска, вскидывающего к плечу помповое ружье.

Выстрел - удар заряда крупнокалиберной дроби в верхний правый угол лобового стекла и в крышу - удар бампера о тело мотоциклиста - крик - грохот: мужик врезался в киоск, разламывая хрупкое строение. Краснов сдал назад и по дуге объехал площадь перед магазином, в то время как Ларин и Воробьев стреляли каждый по своей цели: Миша заставил замолчать одного из стрелков и попал в бак ближайшего мотоцикла; после взрыва замолчал автомат и его напарника. Панкрат выстрелом из помповика выбил из седла первого приближавшегося мотоциклиста, а затем прострелил колесо второго мотоцикла. Таким образом, бой в центре села закончился, но решающим он не был: "мстителей" ждали за околицей деревни, перекрыв все три дороги, ведущие из Велеи к соседним селам, в лес и к Жуковке.

Краснов начал было притормаживать, поглядывая то на выходящий из леса грузовичок, то на Панкрата, но тот, налитый злой силой и яростным желанием идти до конца, сверкнул пронзительно желтыми глазами.

- Жми! Прорвемся! Родион - уходи, не жди нас! Паша, отзовись! Если ты меня слышишь...

Ларин тронул Панкрата за плечо, тот замолчал, заметив за сараем последнего двора деревни лежащий на боку мотоцикл Каширина и три фигуры рядом в пятнистой форме. Стрелять начали одновременно - и те, и другие, и если бы не мастерство Краснова, опытного водителя, "мстителям" пришлось бы туго, но Андрей резко свернул к сараю, тут же сделал крутой зигзаг и, пробив ветхий заборчик огорода, вывел "ниссан" к парням в камуфляже.

Джип принял на себя несколько автоматных очередей. Михаил ранило в плечо, Панкрату пуля пропахала правую лопатку, но ни он, ни Ларин, не промахнулись. Выскочили из джипа, вытащили из-под мотоцикла невероятно тяжелое окровавленное тело Каширина, с трудом впихнули в кабину, и Краснов погнал машину навстречу редкой цепи пятнистых фигур, выскочивших из перегородившего дорогу "бычка".

Шансов прорваться у них почти не было. Против джипа с тремя пассажирами, вооруженными пистолетами и помповым ружьем, противник на сей раз выставил восемь человек, вооруженных автоматами и гранатометом. И тут Панкрат вспомнил о захваченном в зоне психотронном генераторе и, не колеблясь, пустил его в ход. Дальнейшие события пронеслись в темпе урагана, уместаясь всего в полминуты плотного огневого контакта.

Десантники в камуфляже открыли огонь из автоматов уже с полусотни метров, не заботясь об экономии патронов. Огрызнулись в ответ и "мстители", хотя плотность их огня была на два порядка ниже, несмотря на то, что и Ларин, и Воробьев стреляли по-македонски, с обеих рук. Но если эффективность стрельбы из пистолетов (у Михаила были восемнадцатизарядный "бердыш" и пятнадцатизарядный "глок-23", Панкрат предпочитал отечественный "леопард") из идущего по неровной тряской дороге джипа была невысокой, то первые же выстрелы из пистолета-генератора, которых Панкрат не слышал, но чувствовал - мышцы руки каждый раз сводила судорога, - принесли ощутимый результат: гранатометчик справа, выцеливающий машину, выронил оружие и сел в бурьян, его сосед тоже перестал стрелять, а спецназовец, путивший очередь в лобовое стекло "ниссана", крутанулся волчком, поливая огнем все вокруг, и накрыл двух своих сослуживцев.

И все же силы были слишком неравными.

В джип попало не меньше полусотни пуль, высадив все стекла, изрешетив дверцы и передок машины, и многие из них нашли седоков. Ларин умер мгновенно и тихо, получив пулю в голову. Краснов закричал, когда разлетелись остатки бокового стекла, изрезав ему лицо и попав в глаза, но успел обогнуть "бычок" по склону канавы и последним усилием выключил зажигание. Джип мягко уткнулся носом в стену кустарника, за которым начинался лес, и зашипел паром из пробитого бачка охлаждения.

Панкрат тронул опустившего на руль голову Андрея за плечо, испачкался в крови, секунду посидел, закусив губу, но бой еще не закончился и надо было использовать свой долг до конца.

Сзади простучала очередь, пули забарабанили по корпусу джипа, в ответ раздалась еще одна очередь - из леса, кто-то завопил, треснул выстрел и вопль оборвался. Из леса выбежал

Родион с автоматом в руках, уложил длинную очередь в поле, где мелькали фигуры уцелевших врагов, подскочил к джипу.

- Уходим, ребята!.. - продолжение фразы застыло у него на губах.

Панкрат перевалил тело Краснова на свое место, пересел за руль.

- Где Петро?

- Убит.

- Садись!

Вымазанный в грязи и зелени Родион вскочил в кабину, споткнувшись о безвольное тело Михаила, и Воробьев погнал "ниссан" по дороге в лес, не обращая внимания на чихающий двигатель. Родион перестал смотреть на Ларина, встрепенулся, высунулся в окно и дал очередь по грузовику, целя по колесам. Сел, глядя то на Ларина, то на Краснова, потом откинулся на спинку сидения и закрыл глаза.

Они похоронили ребят на Фошнянском кладбище, рядом с убитым Константином. Переоделись. Джип загнали в реку и оставили. Мотор его грелся и стучал, но тянул и мог бы наверное продержаться до Жуковки, однако "ниссан" был теперь слишком заметен, превратившись в решето, и рисковать передвигаться на нем даже в течение получаса не стоило. "Мстителей" наверняка искали по всему району.

Родион, почерневший и осунувшийся, не сказал Панкрату ни слова, но взгляд его, все чаще останавливающийся на лице командира, был так красноречив, что Панкрат наконец очнулся. Напившись прямо из реки, он вылез на береговой откос и остановился напротив парня, расставив ноги и засунув пальцы рук под ремень.

- Мы проиграли, лейтенант. Группа "Час" прекратила существование. Если хочешь - плюнь мне в лицо.

- За что? - с угрюмым удивлением спросил Родион.

- За то, что я пренебрег твоей и своей интуицией. Засаду можно было вычислить, если бы я не торопился. Можешь уходить, возвращаться на родину. Ты тульский?

- Из-под Тулы, городок Богородицк.

- Вот и поезжай. Деньги есть на билеты? Могу дать пару сотен.

- Не надо, обойдусь. - Родион отвел глаза, потоптался на месте. - А ты куда?

- А я еще здесь побуду, должок верну... Петро похороню, если его не забрали... потом тоже вернусь в Москву.

- Если снова надумаешь выйти на тропу войны, вспомни обо мне. - Воробьев смотрел непонимающе, и Родион добавил: - Ты же хотел создать "чистилище" или как его там... союз борьбы с мафией.

- А-а... - Панкрат улыбнулся, - да, собирался. Может, еще действительно повоюем.

Они пожали друг другу руки, потом обнялись и разошлись в разные стороны. Родион направился к дороге на Жуковку, путь Воробьева лежал в Ковали. Не попрощаться с Лидией, сестрой Крутова, он не мог.

БРЯНСК-КОВАЛИ. КРУТОВ

Первый пост ГАИ за Брянском они проехали, не останавливаясь: Егор воспользовался тем, что оба инспектора проверяли документы у водителей двух иномарок одновременно и на какое-то время отвлеклись от дороги. Второй пост за Бежицей можно было бы и объехать, но Крутов был уверен, что будут искать не джип, а машины, хотя бы отдаленно напоминающие "рено-меган", и спокойно отреагировал на жест инспектора, подрулив к обочине дороги. Подал гаишику права, техпаспорт.

- Я что-то нарушил, командир?

- Проверка, - буркнул добродушного вида гаишник. - По доверенности ездите?

- Забыл, - сокрушенно развел руками Крутов. - Только вчера, понимаешь, купил и новые номера поставил, а поехал по привычке...

- Пройдемте, - повернулся спиной к Егору инспектор.

- Стоп! - негромко, но властно сказал полковник, доставая свое удостоверение. - Подойди. Читай.

Инспектор бросил взгляд на документ и невольно подтянулся, протянул Крутову права.

- Что же вы сразу?.. Все равно непорядок, товарищ полковник, в следующий раз не забывайте.

- Постараюсь, - остывая, вежливо пообещал Егор. - Не подскажите, как мне покороче проскочить в Рославль?

- Прямо по трассе, никуда не сворачивайте.

Инспектор отошел, поднимая жезл перед очередной иномаркой.

Крутов посмотрел на сидящую сзади тихо, как мышка, Лизу, подмигнул, трогая машину с места.

- Поджилки не трясутся?

- Нет, - ответила девушка, благодарно улыбнувшись, уловив заботу в голосе спутника. - С тобой мне почему-то ничего не страшно. Можно, я рядом сяду?

Крутов подумал, кивнул.

- Перебирайся.

Машина вырвалась за город, мимо побежали поля и перелески, сменились целым морем кирпичных коттеджей разного калибра, в основном двухэтажных: здесь начинались дачные по-

селки чиновничьей рати Брянска, мало чем отличающиеся от новостроек бандитов и коммерсантов.

- Кокшино, - кивнула на коттеджи Елизавета, - дачи депутатов областной думы и администрации. Сколько ни писали журналисты, сколько ни разоблачали, а дачи строятся и строятся, растут, как грибы. А ведь на официальную депутатскую зарплату построить такой коттедж невозможно.

- Чему ты удивляешься? Я где-то читал: раньше лица, не имеющие определенной профессии, становились фотографами, нынче же они становятся депутатами.

- Или мафиози.

- Поэтому я и не удивляюсь криминальному беспределу, царящему в стране. Власть, опирающаяся на принципы подобного отбора чиновников, всегда будет плачевно недееспособной.

- Ты говоришь, как политик перед выборами.

- При нашей жизни невольно становишься политиком, - улыбнулся Егор. - Или философом. - Он подумал и добавил: - Или бандитом. Я вот все думаю, пытаюсь анализировать: кто же все-таки твой муж?

- По должности - хозяйственник, по связям - политик. - Елизавета помолчала, сморщила носик. - По способу действий - бандит...

- Хорошо формулируешь, прямо слоганами. Сразу видно работника рекламы. - Крутов наклонился к девушке, поцеловал ее в щеку и боковым зрением заметил выезжающий на дорогу справа милицкий "форд" с рядом мигалок на крыше. - О, дьявол!

- Что такое?! - всполошилась Елизавета.

- Посмотри назад.

Девушка оглянулась.

- Боже мой! За нами?!

- Надеюсь, что нет. Посмотрим. Пока не сигналят...

Словно услышав слова Крутова, "форд" включил мигалки и сирену, увеличил скорость, догоняя джип.

- Пристегнись на всякий случай, - негромко сказал Егор.

Елизавета глянула на его затвердевшее, но спокойное лицо, и послушно защелкнула страховочный ремень, вдруг преисполнившись уверенности в том, что все обойдется.

"Форд" обошел притормаживающий "судзуки", остановился в десяти метрах впереди. Двое мужчин, сидевшие в нем, в голубой летней форме капитана и лейтенанта милиции, не спеша двинулись к машине Крутова, на ходу поправляя кобуры пистолетов на ремнях. Лейтенант зашел справа, со стороны пассажирского сидения, капитан остановился у окна водителя, козырнул:

- Капитан Огурцов, дорожный патруль. Ваши документы.

- А что случилось, капитан? - миролюбиво спросил Крутов. - Неужели мы похожи на угонщиков или бандитов?

- Район объявлен на особом положении. Документы, пожалуйста.

- Кем объявлен? Губернатором области, мэром Брянска?

- Начальником УВД. - Капитан нагнулся, ища глазами Елизавету. - Вы тоже покажите свои документы.

Крутов успокаивающе положил руку на локоть шевельнувшейся было девушки, достал удостоверение офицера ФСБ, раскрыл, но в руки капитану не отдал.

- Этого достаточно?

Капитан глянул на фото, протянул руку.

- Прошу.

Егор спрятал удостоверение, правой рукой перехватил руку милиционера и особым образом нажал, заставляя того присесть. Лейтенант по другую сторону машины выхватил пистолет, направил на Крутова. Тот с улыбкой сказал в бледнеющее лицо капитана:

- Прикажи ему опустить пушку, руку сломаю.

На лбу капитана выступили капли пота. Он попытался дотянуться до своего пистолета, не смог, застонал от боли, прохрипел:

- Терещенко, спрячь оружие!..

Лейтенант перевел взгляд с лица Крутова на своего начальника, с неохотой опустил пистолет, спрятал в кобуру, отступил в сторону.

- Так-то лучше. - Крутов слегка ослабил нажим. - А теперь выкладывай, в чем дело, капитан. Ты ведь понимаешь, что с моей конторой лучше не связываться? Мигнуть не успеешь, как вылетит из органов за нападение на сотрудника службы безопасности.

- Отпусти... - фальцетом сказал милиционер. - У нас приказ - задерживать все иномарки и проверять документы...

- Не смеши, командир, такие задачи ставятся гаишникам, вам же называют конкретные фамилии и приметы. Кого ищете?

Лицо капитана позеленело. Кусая губы, он просипел:

- Бандита ловим, фамилия Воробьев, объявил себя "мстителем", сколотил шайку, нападает на мирных граждан.

- Я слышал обратное. - Егор наконец отпустил руку милиционера. - Что "мстители" как раз поставили цель избавить страну от дорожных бандитов и грабителей. Так что не все правда, что вам говорит начальство. Надеюсь, мою фамилию на корочках прочитал? Не Воробьев?

Капитан мотнул головой, разминая руку, приходя в себя, и по лицу его было видно, что ему очень хочется взяться за оружие.

- Не советую, - угадал его мысль Крутов. - Я здесь не один, за мной следуют мои парни, которым я по рации уже передал ваши приметы. Предсказывать вашу судьбу не надо?

Капитан выпрямился, махнул рукой лейтенанту, поковылял к своей машине, водитель которой вылез из кабины с автоматом в руках. Оглянулся, хотел что-то сказать, но передумал. Хлопнули дверцы, "форд" круто развернулся и поехал назад, в сторону Бержицы. Егор посмотрел на Елизавету и встретил ее радостно-удивленный взгляд.

- Ну, ты даешь, полковник! - пробормотала она. - С тобой не соскучишься! Если ты все время так живешь...

- Как? - Егор включил мотор, тронул джип с места.

- Беспокойно... под страхом задержания...

- Надеюсь, не все время. Просто пошла такая полоса, беспокойная, хотя я сам стремлюсь исключительно к мирной жизни.

- Что-то не вижу я этого твоего стремления. Ты как какой-то каталлизатор, вокруг которого начинаются странные и, что хуже, страшные события.

Крутов засмеялся, постаравшись выразить смехом беззаботность и уверенность в своих силах, хотя в душе его копились холод и мрак.

- Вот увезу тебя в Москву, и все переменится...

До Жуковки их никто больше не останавливал и не догонял, шоссе Брянск - Рославль в обе стороны было почти пустым, однако особой радости это обстоятельство пассажирам "судзуки" не доставило, оба пребывали в некотором расстройстве духа и разговаривали мало.

Проехали пост ГАИ у поворота на Летошники, ожидая указания инспектора остановиться, и когда его не последовало, даже повеселели.

- Неужели нас больше не тронут? - воскликнула Елизавета. - Еду и только об этом и думаю. Если бы ты знал, как мне все это надоело!

- Что именно? - сухо, с показной обидой спросил Крутов.

Девушка грустно усмехнулась.

- Слежка, погони, драки, постоянный страх... извини, что я тебе это говорю, ты не виноват, но мне от этого не легче.

- Я понимаю, - после долгой паузы проговорил Егор уже нормальным тоном. - Все это действительно неприятно и душу не греет, но даже если бы я не появился, твой властолюбивый Мокшин все равно действовал бы так, как действовал. Твоя свобода и жизнь зависела бы от него.

- Знаю. - Лиза зябко передернула плечами. - Не представляю даже, что бы я делала без тебя... на душе так гадко...

Крутов чувствовал почти то же самое, поэтому поспешил успокоить девушку, а сам все прикидывал и прикидывал варианты своих дальнейших действий и не мог выбрать ни одного. Самым оптимальным вариантом был бы самый простой и надежный: ликвидация Мокшина, - но он был недостижим,

В Жуковке джип тоже никто не остановил, а вот у Фошни его ждал милицейский наряд на "уазике" в составе трех человек: лейтенанта и двух сержантов. Лейтенант вышел на дорогу, поднял руку, и Егор сбросил скорость, подъезжая к потеющему от жары офицеру вплотную, так что тот испуганно отступил. Егор перевел дух: профессионал остался бы на месте, этот же парень оперативником явно не был и Крутова не знал.

- Что надо? - грубо сказал Егор, демонстрируя агрессивное право сильного человека, не зависимо ни от каких обстоятельств.

- Проверка документов, - промямлил милиционер, с трудом сдержавшись, чтобы не откозырять. - Объявлено особое положение...

- Я что, похож на уголовного?! - продолжал напирать Крутов, небрежно махнул перед носом лейтенанта малиновым удостоверением. - Служба безопасности, полковник Егоров. Что стряслось?

- Бандиты на дорогах, товарищ полковник, проверяем все машины. Вы там будьте осторожны.

- Спасибо за предупреждение, - уже благодушно сказал Крутов. - Продолжайте службу.

Они миновали пост, Елизавета прыснула.

- У тебя было такое лицо... он только что не шаркнул ножкой.

- Будет знать, как останавливать полковников! А вообще дилетанты в любой службе - страшное дело! Из-за них чаще всего и гибнут профессионалы, хорошие люди. Ведь он так любого бандита отпустит, поверив ему на слово.

Заехали в Фошнянскую больницу, провели Осипа и Аксиныю, собиравшихся через день-два выписываться, выслушали два новых анекдота, мастерски рассказанные и показанные в лицах Осипом. Во время беседы дядя так хитро поглядывал на Елизавету, что Крутов поспешил закруглиться, боясь, что Осип скажет что-нибудь невпопад, однако тот все же успел задать каверзный вопрос.

- Ты все-таки ответь, племянш, - сказал он с наивно-простодушным видом, - кто из вас с Лизкой передовик? Ты ее заохотил или она тебя словила?

Крутова бросило в жар, он осторожно посмотрел на Елизавету и перевел дух: девушка улыбалась. Негромко проговорила:

- От того, что мужчины охотятся, а женщины ловят, суть процесса не меняется. Если вам, Осип Демьянович, будет легче от того, что инициатор ловли я, то так тому и быть.

- Оно-то конечно... - почесал затылок смущенный Осип, и Крутов тайком показал ему кулак. Перехватил инициативу:

- У тебя второго ружья не припасено где-нибудь?

- А что, неужто мою тулку реквизировали?

- ОМОН забрал.

- Ах ты, ироды, супостаты, варнаки, такой мушкет унесли! - Осип понизил голос. - Загляни в погреб, за кадку с капустой.

Выйдя из больницы, Елизавета, задумчивая и рассеянная, не ответила на какой-то пустяковый вопрос Крутова, и тот проворчал себе под нос:

- Вот пень старый, нашел-таки, чем испортить настроение...

- Я на него не сержусь, - возразила Лиза, - его можно понять: замужняя баба цепляется к неженатому мужику. Да и родственники твои так думают.

- Они же не знают, что ты не живешь с мужем.

- Если бы и знали, все равно смотрели бы косо. Но я же не виновата... - Глаза Елизаветы подозрительно заблестели.

Егор остановился, поцеловал ее в каждый глаз на виду у прохожих, достал платок и мягко вытер глаза.

- Главное, что думаю я. Так ведь?

Лиза улыбнулась, кивнула, забралась в машину, и Егор вырлил за околицу Фошни.

Вскоре показались Ковали.

Егор медленно проехал по главной улице деревни, приглядываясь к знакомому пейзажу, прислушиваясь больше не к тишине, а к своим ощущениям, ничего особенного не уловил и остановил джип у ворот дома.

- Зайдешь к своим?

- А ты так думал? Мне же собраться надо. Ты серьезно задумал уехать отсюда в столицу... вместе со мной?

Крутов медленно повернул голову к девушке, так же медленно привлек ее к себе, поцеловал в губы с властной непреклонностью, открыл ей дверь.

- Выметайся, жду через час!

И было это исполнено и сказано с такой твердостью и силой, что Елизавета засмеялась, обхватила голову Егора руками, поцеловала его сама и легко выскочила из машины.

- Слушаю и повинуюсь, мой повелитель! За тобой - хоть на край света!

Крутов проводил ее взглядом, открыл ворота. Загнал джип во двор, обошел дом кругом, внимательно присматриваясь к чужим следам, постоял на огороде, прислушиваясь к шепоту интуиции, ничего подозрительного не заметил и вернулся. Шел седьмой час вечера, когда он наконец переступил порог своего дома.

Елизавета пришла даже раньше, чем ждал Егор, задумчивая и чем-то огорченная.

- С родителями поссорилась? - догадался Крутов, отнимая у нее сумку и чемодан.

Лиза кивнула, присела на диван, одетая по-дорожному в джинсы, футболку и кроссовки.

- Отец накричал... мама никогда меня не ругала.

- За что накричал-то? Не глянулся я ему?

- Дело не в тебе, а во мне. Дура я набитая, что бросаю такого богатого и всеми уважаемого человека, как Георгий. И чего мне не хватает?

- И чего тебе не хватает?

Елизавета подняла на Крутова грустные глаза, некоторое время они смотрели друг на друга, ничего больше не видя, и начали целоваться. Вполне возможно, дошло бы дело и до любви, оба непрерывно хотели друг друга, жажда эта не проходила и приходилось сдерживаться в предощущении удовольствия и мига высшего наслаждения, что Крутову даже нравилось, но в это время в сенях стукнула дверь и блаженство улетучилось под натиском тревоги.

Восла Лидия в сарафанчике, открывающем стройные загорелые ноги и обтягивающем высокую грудь. Посмотрела на краснеющую, застигнутую врасплох пару, попятилась к двери, смущенная не тем, что увидела и поняла, а как бы в ответ на смущение взрослых людей.

- Извините, что без стука... Егорша, у меня к тебе дело.

Крутов еще раз глянул на фигуру сестры, понимая внезапно чувства Панкрата Воробьева, "положившего глаз" на нее, и успокаивающе тронул поднывавшую Елизавету за плечо.

- Сиди. Что за дело, сестрица? У меня тайн от Лизы нет.

Лидия покраснела, отвела глаза.

- У меня гость...

Егор потемнел, сжал зубы.

- Панкрат, что ли?

- Он просит тебя прийти, поговорить. У него беда...

Егор и Лиза переглянулись. "Этого нам только не хватало", говорили глаза девушки. Точно так же думал и Егор, но вслух сказал:

- Зови его сюда. Я... мы уезжаем... и заберем его с собой.

- Куда? - с непонятным испугом воскликнула сестра.

- На кудыкины горы... Мы едем в Москву, он - куда захочет.

Лидия как бы погасла, сникла, постояла у порога, глядя в пол, и вышла. Егор по знаку Лизы догнал ее в сенях, успокаивающе погладил по спине.

- Ты что, Лидуша, как в воду опущенная? Все будет нормально. Неужто влюбилась?

Лидия вздрогнула, сморщилась, будто собираясь заплакать, ткнулась лбом в грудь Егора, постояла так, трогательно беззащитная и робкая, отстранилась и выбежала на улицу, не сказав ни слова. Крутов молча смотрел ей вслед в полном раздвиге со сво-

ими чувствами. Он понимал, что сердцу не прикажешь, что сестра слишком долго была одна, и что двоих детей воспитывать архитрудно, и что жить без любви нельзя, но и принимать вариант Лиды не хотел. Не потому, что не верил в чувства Панкрата, а потому, что знал его путь, путь воина, жестокого к врагам и к самому себе.

- Может быть, я пока посижу дома со своими? - предложила Елизавета.

- Лиза, Лиза, Елизавета, я люблю тебя за это, - дурашливо пропел Крутов, - и за это, и за то, принеси-ка мне пальто... - Посерьезнел. - Помню, в детстве кто-то пел. Побудь здесь, не помещаешь, мы недолго. В крайнем случае я поговорю с ним на веранде.

- Как ты думаешь, она поняла? - кивнула на дверь Лиза, имея в виду сестру Егора. - Ну, что мы...

Крутов рассмеялся.

- Классически застукала. Ну и видик бы у нас был с тобой, если бы мы успели раздеться.

Елизавета порозовела, нахмурилась, потом фыркнула.

- Это я такая невезучая, вечно приходилось водить, когда мы играли в прятки, всегда со мной случалось что-то нелепое.

- Значит, наши встречи - нелепость, да? - Егор схватил слабо сопротивлявшуюся Лизу в охапку, закружил по комнате, целуя и смеясь, и в это время пришел Панкрат.

Егор остановился. Немая сцена длилась несколько секунд. Потом Крутов и Лиза посмотрели друг на друга, засмеялись, Крутов поставил девушку на пол и шагнул к гостю.

- У нас день сегодня такой, не получается побыть вдвоем, все непрошеные гости являются.

- Прошу прощения, - угрюмо, без улыбки сказал Воробьев, пожимая руку хозяина. - Поговорить надо.

- Валяй, говори. Чаю хочешь?

Панкрат покосился на отошедшую к окну Лизу, кивнул на дверь.

- Давай выйдем.

Крутов тоже посмотрел на Лизу, ответившую ему понятным жестом: иди, я посижу здесь, - и они вышли. Сели на веранде, накрытой тенью от яблонь.

- Что случилось? Почему ты здесь?

Панкрат провел ладонью по лицу, словно стирая паутину, и Егор только теперь обратил внимание на его вид: командир "мстителей" словно постарел на несколько лет, черты измученного лица его заострились, а в глазах горел угрожающе-враждебный огонек.

- Команда погибла. Осталось всего двое, я и Родион. - Панкрат заговорил отрывисто и сухо, не глядя на собеседника, и за минуту поведал историю засады и гибели группы. Замолчал.

Молчал и Егор, вдруг ощутив тревожную атмосферу вокруг этого парня, в которой он жил и работал, взяв на себя тяжкую ношу ассенизатора-чистильщика, освобождавшего землю от скверны - грабителей, бандитов и убийц.

- Что ты собираешься делать дальше? - спросил Крутов наконец.

Воробьев поднял на него светящиеся глаза и опустил.

- Пока не знаю. Но ребят своих не брошу... и того, что произошло, никому не прощу.

- Один в поле не воин... и тебя сейчас ищут по всей области, даже нас остановили, чтобы проверить, кто едет.

- Ты меня плохо знаешь, полковник, я выжил там, где выжить было невозможно, прорвусь и здесь. Помоги только с оружием.

Крутов качнул головой, вспоминая о ружье деда Осипа в погребе.

- У меня ничего нет, кроме ножа и дедова ружья. Может, тебе стоит на какое-то время лечь на дно, переждать шумиху, пока тут все успокоится? Да и один ты ничего не сделаешь против подразделения профессионалов, нужна спецкоманда.

- Ты со мной пойдешь?

Крутов усмехнулся.

- Не провоцируй, не пойду.

- Я понимаю, девица эта рядом... далеко собрался?

- Обратно в Москву. Согласен, нехорошие дела тут творятся, но у уже вне игры. Пусть зоной занимаются те, кому положено.

- Значит, по-твоему, пусть и дальше делают свои психотронные игрушки, превращающие людей в зомби, как Витьку Баркова?

Крутов встал.

- Это военная лаборатория, майор, и "крышу" имеет очень мощную, может быть, даже из моей бывшей конторы.

- Ну и что? Разве "твоя контора" меняет суть того, что здесь происходит?

Крутов помолчал, сел, посмотрел в глаза гостя.

- Меня это не касается, майор. Я не пойду с тобой. Мне и так досталось неизвестно за что. Вот игрушку твою могу захватить с собой, чтобы посмотретьли эксперты. Она у тебя с собой?

- Оставил у твоей сестры. Не надо, я и сам ее доставлю, кому надо. А за прямой ответ спасибо. Но попомни мои слова: в этом деле, которого я нечаянно коснулся, не может быть людей, чья хата с краю, оно касается всех! - Панкрат поднялся. - Пойду я, отдохнуть надо. Чья это у тебя тачка во дворе?

- Магистра Ордена чести. Не поверишь: он отыскал меня в Брянске!

Панкрат остановился, поднял брови.

- Ты понимаешь, чем это пахнет? Спецслужбой!

- Он сказал, у них своя разведка.
- Естественно, своя... военная контрразведка, например, или "семерка" ГРУ.

- Зачем им заниматься мной, отставным полковником службы безопасности?

- Почему ты считаешь, что они занимаются тобой? Они занимаются своим делом, а ты путаешься у них под ногами.

Крутов задумался.

- Резонно. Твое предположение многое объясняет, хотя возникает ряд вопросов... - Он замолчал.

Где-то на огородах громко, истошно залаяла собака. Егор встретил сверкнувший взгляд Панкрата, и его внутреннее беспокойство, возникшее с приходом гостя, обрело очертания и вес догадки.

- Уходи! - выдохнул он.

- Поздно, - отозвался Панкрат, прислушиваясь к приближавшемуся гулу.

И тотчас же возле дома с визгом затормозил знакомый "бычок", из него посыпались камуфляжные мальчики с автоматами и ворвались в калитку.

- Бегите, я прикрою! - бросил Воробьев и метнулся в сад.

Мгновением позже Крутов ворвался в дом, схватил встревоженную Елизавету за руку и потащил за собой во двор, прикидывая на ходу план отступления. Но сориентироваться и выбрать оптимальную стратегию поведения ему не дали. Во дворе уже мелькали пятнистые фигуры, и пришлось сразу, без промедления вступать в бой, принимая навязанный противником сценарий. Мысль о том, что надо было уезжать отсюда, не задерживаясь ни на минуту, либо вообще не заезжать домой, а ехать в Москву сразу из Брянска, мелькнула и ушла, оставив глубокий след сожаления и досады на самого себя: он не имел права расслабляться до такой степени.

Его встретили пять человек в камуфляже, вооруженные автоматами (суперсовременными "никоновыми" и "калашниковыми" десантного образца), способными в секунды превратить человека в дуршлаг, но, во-первых, у гостей был приказ взять хозяина живым, а во-вторых, Крутов уже не владел собой, то есть его сознанием управлял боевой транс, а не рассудок, и он превратился в идеальную боевую машину, не делавшую ошибок. Если бы не Елизавета, он скорее всего ушел бы, прорвался, так как эти парни не были обучены скоростному движению и не владели рукопашным боем так, как владел полковник, но судьба распорядилась иначе.

Двух парней, нарвавшихся на него первыми, Егор уложил ударами по горлу и носу в стиле барса, двигаясь быстро, гибко, легко и мощно. Отобрал у одного из них автомат, подтолкнул

Елизавету к машине, надеясь, что по ней никто стрелять не станет:

- Садись! Заводи мотор!

Еще двое бросились на него с двух сторон, приготовив наручники. Егор пропустил первого над собой, сбил второго нижней подсечкой, добавив удар локтем в грудь сверху вниз, прогнулся, уворачиваясь от удара ногой в спину: парень был хорошо координирован и дрался здорово. От второго удара ногой Крутов тоже уклонился - выгибом назад, сделав мостик, тут же разогнулся, перехватил ногу противника и одним ударом снизу вверх - в пах - отправил парня в беспамятство. Прислушиваясь к шуму за домом, - там прозвучала автоматная очередь, - прыгнул к последнему парню, еще не понявшему, что произошло, и достал его в подкате, стараясь не выбить оружие, а просто сбить с ног. Парень пошатнулся, инстинктивно нажимая на курок. Очередь прошла рядом с головой Егора, вонзилась в стену и окна дома, посыпались стекла. Кто-то закричал в доме, наверное, одна из пуль прошла стену и досталась бойцу подразделения. Егор рывком поднял ногу парня, бросая его на землю, добил ребром ладони по горлу... и только теперь увидел шестого противника, спокойно наблюдавшего за сражением.

Время остановилось, как стоп-кадр.

Крутов, узнавая майора Сватова, напрягаясь, уже понимая, что не успевает, подобрал автомат упавшего, но выстрелить не успел. Сватов выстрелил первым.

Егор почувствовал страшный огненно-колющий удар по голове, причем удар странный - распределенный по всей поверхности головы и одновременно полученный как бы изнутри, словно под черепом разорвалась граната, - и все поплыло перед его глазами. Последнее, что он услышал, был пронзительный крик Елизаветы:

- Егор!..

Та же участь постигла и Панкрата.

Он успел вырубить троих спецназовцев, отобрал у одного из них автомат и даже всадил очередь в ненавистный "бычок", за которым спрятались еще двое камуфлированных солдат, но водитель грузовика хладнокровно поднял знакомый черный пистолет без дульного отверстия и выстрелил через стекло. Сознание вылетело из Панкрата, словно шарик для гольфа после удара клюшкой.

Окончание следует

Инна КАШЕЖЕВА

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

...

То ли было медленное лето,
то ли быстроногая весна...
Догорала в пальцах сигарета
над стаканом светлого вина.
Ах, какое небо молодое!
Ах, какая в мире тишина!
Юность, как худы твои ладони
и как прядка над виском темна...
Ну, куда все это подевалось,
ну, зачем расстаяло, ушло?
Раньше возвращаться удавалось
возрасту и времени назло
к медленному прожитому лету,
к неостепенившейся весне
докурить спокойно сигарету,
отразиться в радостном вине.

Это было медленное лето...

МОИМ ОДНОГОДКАМ

Я помню это, как сейчас,
хотя былого не вернешь.
Ах, предпоследний школьный класс!
Ах, ваши брюки «клеш»!
У вас ломались голоса,
гудел от песен двор...
Вдруг стали чьи-нибудь глаза
причинами для ссор.
Зажав заначку в кулаке,
удрав от пап и мам,
вы поднимали в кабаке
стакан к безусым ртам.
Смотрели женщинами вослед
и расправляли грудь,
не думая, что этих лет
вам больше не вернуть.
Что вспомните в конце пути
хмель молодой поры
и захотите вновь найти,
обшарив все дворы.
Не сбудется ваш взрослый бред:
найти былое — миф.
Но... девочки глядят вам вслед,
про мальчиков забыв.

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

Своей слезой, горючей и горячей,
вновь прожигает полинявший бант
моей печали музыкант бродячий,
моей тоски бродячий музыкант.
Пусть фрак его почти до блеска вытерт,
идет он сквозь вопящую толпу:
голодные за гордость ненавидят,
а сытые — за эту худобу.
Но что бы ему вслед ни закричали,
идет он, скрипку нянча у щеки,
бродячий музыкант моей печали,
бродячий музыкант моей тоски.
Не смотрит он на женские улыбки,
одно и то же он играет вновь
на старенькой,
на дребезжащей скрипке
про первую... про вечную любовь.
Идет он робко, словно бы незрячий,
но не клянет дорогу и талант,
моей печали музыкант бродячий,
моей тоски бродячий музыкант.

* * *

К нашей гавани вновь
непогода идет,
хоть колдуй, хоть шаманствуй...
Уплывает любовь,
как большой теплоход
океанский.
В нашей гавани вновь
корабли на мели
и стоят у причала...
Так устала любовь
от себя, от любви,
так устала!
В нашей гавани вновь
взорвалась тишина:
теплоход в океан уплывает...
И другая любовь
из другого окна
о любви умоляет.

* * *

Давай притворимся, что любим,
мой ангел, и нежный, и грешный,
и снова с тобою пригубим
настоя любви нашей вешней.
Давай притворимся, как будто
зима еще в дверь не стучится,
не сумерки в окнах, а утро,

и все еще с нами случится.
Давай притворимся, что помним,
и это по-прежнему длится:
заря кровоточит над полем,
как нами подбитая птица.
Любовь кровоточит над рошей...
Вины мы своей не искупим.
Чтоб ей умирать было проще,
давай притворимся,
что любим!

• • •

Дни рождений проходят, как ливни,
и старее становимся мы...
Помоги! Умоляю, вколи мне
синеву нашей первой зимы.
Дни рождений находят, как бивни
павших в Африке белых слонов.
Мы опять в моей тесной кабине
в лабиринте бессмысленных слов.
В дни рождений все люди наивны...
В честь такого прекрасного дня,
ну, послушай, послушай,
наври мне,
что ты любишь, как прежде, меня!
Дни рождений бывают так дивны,
если рядом есть твой человек.
Все равно мы с тобою едины,
как зима голубая и снег.

• • •

Когда мужчина плачет,
светла его слеза.
Как будто ангел падший
вернулся в небеса.
Когда мужчина плачет,
жена ль ты, не жена,
когда мужчина плачет,
налей ему вина.
Когда мужчина плачет,
не ведая стыда,
он плачет, это значит,
пришла к нему беда.
Когда мужчина плачет,
уставившись во тьму,
когда мужчина плачет,
налей вина ему.
Когда мужчина плачет,
ты в стороне держись...

Ушибся он, как мальчик,
о собственную жизнь.

КОФЕЙНАЯ ЭЛЛЕГИЯ

Кофе пахнет юностью —
аромат из прошлого,
робкий, не навязчивый и какой-то... свой.
Я совсем не маюсь от седин и дурости.
Цвета кофе сумерки нынче над Москвой.
Позабуду разве я эти чашки тонкие
из фарфора давнего... Как они звенят!
Подарила Африка или, может, Азия
это мокро мокрое,

горький аромат.
Все уходит, граждане! Нам бы подвиг Феникса...
Но, увы, живительный отпылал огонь.
Потому присядьте-ка около кофейника,
к чашке приложите-ка зябкую ладонь.
Обожжетесь! — Молодость, кипяток остуженный,
забурлит, запенится, заструится вспять...
Где твоя любимая?

Где теперь твой суженый?
На кофейной гуще можно погадать.
Кофе пахнет юностью. Но на сердце —
звонница,
плачет колокольнями у тебя в груди...
Пей глотками мудрыми, вспоминай,
что вспомнится,
дорогами окольными в былое не ходи.
Там сломалась мельница, чашки все надбитые...
Многое изменится, если ты придешь.
Так забудь, пожалуйста, имена забытые,
лицами ушедшими душу не тревожь!
Кофе пахнет...

ю-но-стью.

Смеркается в жизни, как в комнате,
я не зажигаю огня.
Прошу вас, пожалуйста, вспомните,
вы вспомните просто меня.
Бывают же люди безгрешные
с улыбкой на светлом лице...
Ах, эти романы поспешные!
Вы их пролистайте в конце.
Не прячьте глаза удивленные:
не прыгнешь ведь выше стены,
не знают все люди влюбленные,
в кого и зачем влюблены.
В хибарке своей неухоженной,
но с окнами в давний рассвет,
я срок отживу, мне положенный,
потом...

А «потом» больше нет.

ПРОБА ПЕРА

Евгений КАЛЕНЮК

19 лет, г. Северодонецк (Украина)

НИКОМУ!

Фантастический рассказ

Рисунок Льва МЯСНИКОВА

Ругательства Карла могли пробрать кого угодно, но только не Бена, с которым они прокрутили уже не одно подобное дельце.

— Мы не можем его дольше ждать! Я уже дважды слышал патрульные сирены.

— Патрули сюда не заезжают. Успокойся.

— Но Бен!..

— Я не хочу терять свои пять тысяч баксов только из-за того, что у тебя уже мокро в штанах.

— Это у меня мокро в штанах? — вспыхнул Карл.

— Тихо! — Бен схватил Карла за широкое плечо. — Мне показалось, там что-то шевельнулось.

Оба повернулись в ту сторону, откуда донесся шорох и треск.

Узкий грязный переулок ограничивался глухими стенами, уходящими вверх на пять этажей. Примерно посередине он был перегороден ржавой проволочной решеткой, а с обеих сторон вдоль стен валялись груды мешков с отбросами, картонных коробок и прочего зловонного хлама. Из широкой лужи, занимавшей середину переулка, лениво поднимались жиденькие пряди пара. Слабый свет проникал сюда с соседней улицы.

— Полицейские? — шепотом спросил Карл.

— Нет, вряд ли. Мы для них слишком мелкая дичь, чтобы устраивать ради нас игру в прятки. Просто окружили бы и — руки на стену, ноги расставить.

— Наверное, крысы.

— О'кей, ждем еще пять минут и сваливаем.

Бен, в отличие от массивного Карла, был невысоким, худощавым, но мускулистым парнем. У его потрепанного джинсового костюма отсутствовало полтора рукава, разрезы с лохматыми краями живописно покрывали тело, а длинные прямые волосы были подвязаны пестрой лентой на лбу.

Зачем, подумал Бен, он связался с этим тупицей и нытиком Карлом, который только отпугивает клиентов. Надо бы при случае избавиться от него. Там, где хватает на двоих, хватит и на одного.

В кучах мусора неподалеку что-то опять зашуршало. Резко обернувшись, они увидели, как всколыхнулся пар над лужей метрах в десяти.

— Там все-таки что-то есть.

— Да. Надо бы проверить. Меры предосторожности... — Карл вынул маленький черный револьвер и шагнул по направлению к источнику звука. Бен держался в двух шагах позади.

Держа револьвер наготове, Карл пнул ногой одну из коробок. Блестящие черные капли брызнули в разные стороны.

— Тараканы, — фыркнул Бен, подходя ближе.

Карл чуть наклонился и стволом револьвера поднял другую коробку. Бен увидел, как ледяной ужас проступил на лице Карла, и ствол револьвера, дрогнув, опустился. Во тьме мелькнуло что-то узкое и стремительное. Забыв об опасности, Бен смотрел, как, глухо стукнув и подпрыгнув пару раз, голова Карла покатилась по луже, оставляя темный след на воде и поднимая пар. Веки дрогнули в последний раз, рот открылся, исторгая из разорванного горла беззвучный крик — и голова остановилась. Тело, продолжая сжимать револьвер, завалилось на бок: из обрывков артерий продолжал бить пульсирующий фонтан липкой теплой жидкости. Бен, чувствуя во рту ее соленый привкус и не вполне понимая, что он делает, рванулся бежать.

Он заметил решетку, только когда врезался в нее. Прежде чем лезть вверх, он оглянулся — и замер.

Сзади, в полутора метрах, почти скрытое тьмой и клубами пара, стояло на четырех лапах существо размерами с большую собаку, но передние лапы были гораздо длиннее задних. Тонкий длинный хвост, поднимая брызги, извивался сзади. Большая голова на сравнительно тонкой шее была выгибающе наклонена.

Бен повернулся лицом к твари, прижимаясь спиной к решетке, и сделал осторожный шаг в сторону. Монстр заскрежетал и, продолжая бить хвостом, поднялся на задние лапы.

— Послушай, может, мы договоримся?

Какой-то инстинкт подсказывал Бену, что это существо имеет разум. Что оно не является зверем, хоть и не имеет человеческого облика.

— Я никому не скажу, что видел! Никому не скажу!

Хвост чудовища замер.

— Обещаю! Клянусь! Отпусти меня. Никому... Ни...

С громким хлопком бестия раскрыла невидимые до этого крылья. Мощная волна воздуха бросила Бена на решетку, и когда он снова открыл глаза, вокруг никого не было. По крайней мере, ни одной ЖИВОЙ души.

* * *

Старый парк навевал Бенджамену Крейбергу не очень приятные воспоминания молодости. Некоторых мест он прямо-таки

не переносил. Но маленькой Джанет нравилось гулять здесь в сопровождении деда, который всегда рассказывал ей множество интересных историй.

— Пойдем домой, Джанет. Уже поздно.

Девочка выглянула из-за дерева:

— Но еще даже не темно, дедушка!

— Мы зашли далеко. Пока доберемся обратно к машине, стемнеет.

— Дедушка, здесь что-то есть!

Бен сошел с тропинки. В этом месте кусты росли немного реже, и сквозь сплетенные ветви он разглядел потемневший от времени и поросшим мохом каменный параллелепипед.

— Что это, деда?

— Это вещь, о которой и мне уже пора подумать.

— Это называется «надгробие», правда? Раньше умерших людей хоронили в земле?

Бен ничего не ответил.

Джанет выбралась из зарослей, схватила его за руку, и они зашагали обратно по тропинке.

— Дедушка, ты считаешь мне сегодня на ночь новую сказку?

— Я думаю, тебе пора услышать самую страшную сказку, которую я написал.

— Вот здорово! Только читай хорошо, пострашнее.

Дома Бенджамена Крейберга ожидал приятный сюрприз — издательство прислало пятнадцать экземпляров его нового фантастического романа: десять книг и пять компакт-дисков. Но Джанет ждала свою сказку, и Крейберг отложил посылку до завтра.

— Они не помнили сами, откуда пришли и куда идут, — начал он, надев очки и присев на краешек кровати Джанет. — Они вынуждены были скрываться от людей, которых было слишком много на этой маленькой планете...

Поглядев на Джанет, удовлетворенно отметил ее расширенные глаза и снова поднес к стеклам очков отпечатанные крупным шрифтом листы.

Рассказ был довольно длинный, и когда Бенджамен дочитывал его до конца, Джанет уже спала. Однако продолжал читать — он считал его лучшим своим произведением и ему было интересно, как он будет звучать вслух.

— ... Прямо перед Биллом, выдыхая ему в лицо горячий смрад, стояло чудовище, убившее у него на глазах Курта. Оно было немного ниже Билла и стояло на четырех лапах. Передние были гораздо длиннее задних, бугристые лопатки возвышались над большой головой на сравнительно тонкой шее. Длинный хвост с острым гребнем извивался позади. Матово-черные глаза невозможно было различить на фоне чешуйчатой кожи, и казалось, будто у существа вообще не было глаз. Но нет, оно не было слепое. Как только Билл, прижимаясь спиной к решетке, осторожно попытался отступить в сторону, тварь издала странный скрежещущий звук, отдавшийся громом в голове Билла, и поднялась на задние лапы...

Бенджамен услышал вдруг резкий звук. Скользнув взглядом по комнате, он остановил его на Джанет.

Она смотрела на него матово-черными провалами глаз, а одеяло на ней трещало под напором двух острых изогнутых шипов, растущих прямо на глазах.

— Нет, это не может быть правдой, — прошептал Бен, роняя рукопись на пол.

— Ты нарушил клятву, Бен! — хорошо знакомый голос Джанет теперь походил больше на скрежет напильника по стеклу. Одеяло шевелилось, кожа клочьями сползала с ее лица, обнажая черные треугольные пластинки чешуи.

Бен опустился на колени перед кроватью:

— Но ведь это была всего лишь сказка, рассказанная на ночь маленькому ребенку! Чем тебе опасен ребенок?

— Тридцать восемь лет назад ты сказал «никому». Мне очень жаль, дедушка.

Обрывки одеяла сползли на пол. Перед Беном стоял черный безглазый ящер. Хвост извивался, словно сам по себе, челюсти раскрылись и с хрустом захлопнулись.

Бен не успел заметить, как метнулся к нему острый гибкий хвост, и медленно сполз на пол, обнимая передние лапы чудовища неожиданно ослабевшими руками. Фонтан крови залил постель. Несколько кровавых капель упали на рукопись, подчеркнув пунктиром фразу на последней странице: «Держи слово».

НЕ БОЙТЕСЬ ВЛЮБЛЯТЬСЯ

Наверное, все читатели журнала «Мы» знают, что большинство писем, которые нам пишут, посвящены любви. Что ж, таков уж возраст большинства тех, кто, получая свежий номер, с нетерпением открывает рубрики «Письма в «Мы» и «Говоря откровенно».

Материалы о любви, как правило, дают самую большую читательскую почту. Ибо почти у всех наших читателей первая любовь чаще всего оказывается или безответной, или приводящей к большим жизненным разочарованиям.

Но вот наш читатель Артур Т. написал нам письмо, в котором высказал совершенно иную точку зрения. Да, как известно, «любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь», — но Артур закрыл для нее свои сердце и душу. Правильно ли он поступил?

Не лишил ли он себя, возможно, самого прекрасного переживания, которое выпадает на человеческую судьбу? Давайте попробуем поразмышлять об этом вместе с автором...

Итак, прежде всего — письмо Артура. А с мнением журналиста Маргариты Рюриковой, надеюсь, будет интересно ознакомиться всем — и тем, кто согласен с нашим читателем, и кто имеет иную, отличную от его, точку зрения.

Я пишу в ваш журнал, потому что верю ему и надеюсь, что он поможет мне разобраться в моих проблемах. Моя проблема — это я сам и та правда, которую я создал. Я не вкладываю в местоимение «я» ни самомнения, ни эгоцентризма, потому что, извините, я давно истребил их в себе.

Дело вот в чем. С некоторых пор я стал наблюдать за своими сверстниками и анализировать их поведение, в частности, их влюбляемость. А влюбляются они всерьез, и часто эта проблема вырастает до грандиозных масштабов.

Так вот, поразмыслив над этим, я пришел к выводу, что все проблемы молодежи от Идеализма, свойственного этому возрасту. Пишу это слово с большой буквы, потому что для детей это понятие глобальнее.

Думаю, никто не будет оспаривать утверждение, что дети (а к ним я отношу всех, кому еще нет двадцати одного года) чище, бесхитростнее, чем взрослые. И вот мы, дети, вырастая из «коротких штанишек», сталкиваемся с ложью и неискренностью, которая царит в их мире. Но в нас еще не задушена тяга к добру и миру — всему тому, что я называю «правильностью», — и потому

мы судорожно ищем то, что хоть чуточку похоже на созданный нами идеал. Именно поэтому кино-, теле- и других звезд закидывают письмами, разрисовывают подвезды объяснениями в любви, пишут в «Мы» о красивых, но, увы, выдуманных историях. И влюбляются в детстве тоже в поисках идеала, создавая из своего избранника (избранницы) этаким безгрешный идеал, забывая, что недостатков у него хоть пруд пруди.

А если взглянуть критически — не на идеал, а на себя? Ведь мы сотни раз уже ошибались, — зачем же верить в непогрешимость своего выбора, если умом мы понимаем, что он заведомо ложен?

Я лично — не влюбляюсь, а нахожусь пока на стадии наблюдения. В шестнадцать лет надо учиться, а не забивать голову выдуманными страстями.

Учителя считают меня «больно умным», а для сверстников я — анахронизм и вдобавок «грузовик», потому что пытаюсь говорить с ними как с самим собой. И все это из-за того, что я живу своей, может быть стопроцентно неправильной, но своей жизнью.

Послушай, «Мы»! Развенчай мою теорию Идеала. Может

быть, в ней отсутствует какое-то логическое звено?

Артур Т.

Уважаемый Артур!

Ты абсолютно правильно заметил, что в детстве и юности человек стремится найти свой идеал и, влюбляясь, награждает свою любимую или любимого теми качествами, которых в них нет. Но я не открою никакой тайны, если скажу тебе, что и многие взрослые ведут себя точно так же, как твои ровесники: влюбляются, разочаровываются и опять влюбляются, идеализируя свою очередную любовь. Почему это происходит, мы с тобой обсудим чуть позже, а пока поговорим о тебе.

Твоя проблема, Артур, действительно заключена в тебе самом, в твоём характере. Все дело в том, что ты стараешься рационально мыслить, то есть жить головой, а не сердцем, не чувствами. Что ж, этот способ жизни может предостеречь тебя от многих ошибок, но может и очень обеднить твою жизнь, лишит её красок. Ведь то, что происходит с твоими ровесниками, — это нормально и даже прекрасно, потому что человек рождается на свет для того, чтобы испытать всю гамму чувств: любовь, грусть,

тоску, разочарование, боль и многое другое, без чего его жизнь была бы неполной.

Но — признайся самому себе: ты боишься испытать чувства, которые испытывают те, за кем ты наблюдаешь, боишься, что станешь другим, потеряешь себя. Это значит, что ты боишься самой жизни. Не бойся, Артур, влюбись, — ведь только влюбленность и любовь превращают мальчика в мужчину, а мужчину в мальчика. И эти чувства должен испытать каждый человек, иначе его жизнь превратится в ряд унылых движений, а сам он — в функцию.

Объяснять тебе, что испытывают влюбленные, — дело бесполезное. Я могу только сравнить это с тем чувством, которое испытывают люди во всех уголках земного шара, летая во сне. И ты, конечно, тоже испытал его — эту легкость, невесомость, радость парения над землей. И, просыпаясь, мы испытываем почти реальное ощущение — это произошло с нами, мы летали, и это было прекрасно. Мы, конечно, понимаем, что это всего лишь заманчивая иллюзия, но она глубоко оседает в нашем подсознании, вызывая повторные сны. И мы опять летаем и всегда

испытываем необыкновенные ощущения.

Вот так и с влюбленностью: испытав однажды это чувство, человек надолго запоминает его, и ему хочется повторить это состояние. Но, в отличие от сна, это чувство вполне реально, потому что меняет всю природу человека. Именно поэтому классики русской литературы посвятили этому чувству рассказы, повести и романы.

Да ты, наверное, знаешь, что великий поэт Данте, будучи вполне взрослым мужчиной, влюбился в маленькую, не очень красивую и не очень здоровую девочку Беатриче. Но именно благодаря этому чувству — абсолютно безответному — мир до сих пор читает и заучивает наизусть сонеты Данте, посвященные Беатриче. Так что, видишь, влюбленность совсем не бесполезное — драм и прекрасных загадок любви. А полтора века назад Стендаль попытался объяснить эту загадку, придумав теорию кристаллизации. Он написал в книге «О любви», что если в соляных копиях оставить простую ветку, то она вся покроется кристаллами, и никто не узнает в этом блестящем чуде прежний невзрачный прутик. То же, говорил он, происходит и в любви, когда любимого

Действительно, одна из главных загадок любви — ее странная, как бы двойная оптика. Достоинства любимого человека она увеличивает, а недостатки уменьшает. Иногда даже неясно, кого мы любим — самого ли человека или обман зрения, то, что нафантазировало наше подсознание.

Об этом писал Лев Толстой в «Войне и мире». Когда Константин Левин влюбился в Кити, у него возникло странное ощущение. «Для него все девушки в мире разделяются на два сорта: один сорт — это все девушки в мире, кроме нее, и эти девушки имеют все человеческие слабости... другой сорт — она одна, не имеющая никаких слабостей и превыше всего человеческого».

В этой идеализации любимого человека таится одна из драм и прекрасных загадок любви. А полтора века назад Стендаль попытался объяснить эту загадку, придумав теорию кристаллизации. Он написал в книге «О любви», что если в соляных копиях оставить простую ветку, то она вся покроется кристаллами, и никто не узнает в этом блестящем чуде прежний невзрачный прутик. То же, говорил он, происходит и в любви, когда любимого

человека наделяют, как кристаллами, тысячами совершенств.

«Полюбив, — писал он, — самый разумный человек не видит больше ни одного предмета таким, каков он на самом деле. Женщина, большей частью заурядная, становится неузнаваемой и превращается в исключительное существо». Поэтому, говорит он, в любви «мы наслаждаемся лишь иллюзией, порождаемой нами самими».

Конечно, у разных людей накал фантазии неодинаков: у одних она больше, у других — меньше. Бывают люди, в любви которых ее почти нет или совсем нет. И все-таки, наверное, верно — влюбленностью и любовью правит фантазия.

Конечно, общих правил тут не может быть, и Шекспир, например, восставал против идеализации любви так же, как и ты, Артур. Он утверждал земную любовь, не выдуманную, настоящую, и поэтому не идеализировал свою любимую, не описывал ее как необыкновенную. А писал так.

*Ее глаза на звезды непохожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых
кожа,*

*И черной проволокой вьется
прядь.*

Его прекрасная дама — смуглая дама сонетов — вполне земная женщина. Шекспир видит в ней и плохое и хорошее.

*Мои глаза в тебя не влюблены,
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами
не согласно.*

Конечно, и эту любовь нельзя делать общим правилом, потому что в любви вообще нет правил — она всегда индивидуальна.

Но главное, Артур, ты подметил правильно: в основе влюбленности твоих ровесников, как и людей других возрастов, лежит вечная тяга к Идеалу и наивная вера в человеческое совершенство. Но в этом нет ничего плохого — ведь человек, который влюблен, становится красивым и видит мир красивым. И именно поэтому, пока существует планета Земля, из поколения в поколение люди будут влюбляться, разочаровываться и опять влюбляться... Влюбись и ты, Артур!

Маргарита РЮРИКОВА

БЫЛО ЛИ ПРОШЛОЕ ЦЕЛОМУДРЕННЫМ?

Наши бабушки и дедушки твердо убеждены, что раньше молодежь не вела себя так вольно, и не было никакого секса и эротики. Все было просто, и главное, целомудренно.

Миф о безгрешном прошлом на страницах нашего журнала развеет известный ученый, доктор философских наук, академик, сексолог И. С. Кон. В этом году выходит в свет его новая книга, адресованная всем, кто интересуется проблемами полового воспитания и эротической традицией в мировой культуре, прежде всего — молодежи. Наш корреспондент встретился с ученым и побеседовал с ним.

Эти интервью будут опубликованы в нескольких номерах журнала.

Итак, сегодня — беседа первая.

— Игорь Сергеевич, правы ли пожилые люди, когда утверждают, что раньше молодежь не волновали сексуальные проблемы, потому что царил всеобщее целомудрие?

— Чтобы развеять миф о том, что когда-то все было просто и без проблем, начнем со средневековья.

Отношение средневековой культуры к сексу было двойственно. Официальная христианская мораль была аскетической, сексуальность в ней отсутствовала. Единственным оправданием половой жизни считалось продолжение рода в браке, освященном церковью. Но рядом с этим существовала и карнавальная культура. Было

много праздников-оргий, на средневековых карнавалах можно было увидеть обнаженные тела, мужчин, переодетых в женскую одежду, открытое выражение эротики.

Средневековые люди не отличались особой стыдливостью, интимные подробности жизни свободно обсуждались и в крестьянской и в рыцарской среде, широко обыгрывались в народном творчестве.

Во многих древних обществах существовали формы более или менее свободных добрых сексуальных отношений между юношами и девушками на групповой основе или в виде пробного брака.

Французский историк Жан-Клод Болонь писал, что средневековые люди редко обладали чувством стыдливости. Их отношение к чужой и собственной наготы зависело исключительно от правил этикета и норм, принятых в обществе. Перед лицом Бога человек не должен был стыдиться своей наготы; она доказывала его смирение и чистоту помыслов. Напротив, предстать обнаженным или «не по форме» одетым перед людьми означало унижение (если нагота была вынужденной) или служило знаком вызова и пренебрежения (если человек сам демонстрировал свою наготу). В то же время люди не стеснялись купаться нагишом, спать в одной постели и т. п.

Проходили века, сменялись поколения, менялись устои общества, и отношения мужчин и женщин тоже претерпевали большие изменения. Но нельзя говорить о том, что «раньше было лучше, чище или нравственнее», — так говорят те, кто не знает своей истории и культуры.

— *Занимались ли половым воспитанием детей в те далекие времена?*

— Видите ли, с одной стороны, дети постоянно участвовали в жизни взрослых, а деревенский уклад жизни никак не уберегал детей от сексуальных впечатлений. Да никто, кроме монахов, и не пытался это сделать. К проявлениям сексуальности у мальчиков относились, в общем, снисходительно. Мастурбация (онанизм) считалась типичным детским грехом, а юность возрастом, когда человек физически не может подавлять свои сексуальные желания. Это позволяло заключать ранние браки.

Как свидетельствуют записки личного врача Людовика XIII, в начале XVII века родители и другие взрослые не только свободно обсуждали при детях вопросы пола, но не видели ничего худого в том, чтобы поиграть с половыми органами мальчика, вызвать у него эрекцию и т. п.

Постепенно нравы менялись. В дворянских семьях детей отделяют от взрослых,

доверяя заботам специально приставленных воспитателей, запрещают наготу и всякого рода телесные эксперименты.

Если средневековая церковь считала, что юношеские сексуальные желания не могут быть подавлены, то педагогика XVII–XVIII веков настаивает на таком подавлении. В XVII–XVIII веках резко усиливается религиозное осуждение мастурбации, в ней видят уже не простительное детское прегрешение, а один из самых страшных пороков. В XVIII веке утверждается мнение, что онанизм — опасная болезнь, порождающая безумие и моральную деградацию. Люди были настолько запуганы, что для борьбы с онанизмом даже применяли кастрацию. Чтобы отучить мальчиков от этого «порока», в 1850–1880 годах применялись хирургические операции (обрезание), а в конце XIX века в моду вошли приборы, напоминавшие средневековые «пояса добродетели». Это привело к тому, что уже в конце XVII века в Лондоне насчитывалось около пятидесяти тысяч проституток. К 1840 году их стало восемьдесят тысяч. Выросло и количество венерических заболеваний.

Вы, конечно, знаете, что литература XIX века рисовала женщину воплощением ангельской чистоты, но «чистота» понималась прежде всего как антисексуальность. Каза-

лось бы, что худого в том, что мальчикам-подросткам бесконечно напоминают, что нужно видеть в женщинах матерей и сестер и относиться к ним почтительно и с уважением? Но как примирить такое воспитание с сексуальностью? Один английский пастор в старости вспоминал, что однажды, будучи мальчиком, подумав, что чистая юная девушка станет его женой, он испытал не вожделение, а чувство жалости по поводу ее унижения...

Представление, что порядочная женщина вообще лишена сексуальных желаний, вошедшее во многие медицинские книги прошлого века, способствовало, с одной стороны, распространению женской фригидности (половая холодность), а с другой — психической импотенции у мужчин.

— *Вы говорите в основном о Европе. А как обстояли дела в России? Ведь существует мнение, что на святой Руси ни секса, ни эротики никогда не было...*

— Это ошибочное мнение. Еще в XVII веке европейский дипломат Адам Олеарий свидетельствовал, что русские часто «говорят о сладострастии, постыдных пороках, разврате и любодеянии их самих или других лиц, рассказывают всякого рода срамные сказки, и тот, кто наиболее сквернословит и отпускает самые неприличные

шутки, сопровождая их непристойными телодвижениями, тот и считается у них лучшим и приятнейшим в обществе».

Судя по имеющимся историко-этнографическим данным, отношение к сексуальности было в Древней Руси таким же противоречивым, как и в Западной Европе. Древнеславянское язычество не отличалось ни особым целомудрием, ни особой вольностью нравов. Сексуальность была космическим принципом.

Женственная березка нежно и страстно сплеталась с могучим дубом. Мать — сыра земля оплодотворялась небесным дождем. Наряду с женскими божествами плодородия был и фаллический (фаллос — мужской половой орган) бог — Род. Были многочисленные праздники-оргии, когда мужчины и женщины сообща купались голыми, мужчины символически оплодотворяли землю, женщины вызывали дождь и т. п. Типичный древнерусский фаллический образ — животное, особенно лев, с длинным не то хвостом, не то половым членом. Такие изображения представлены и в орнаменте церковной архитектуры (Дмитриевский собор во Владимире и др.).

Православие, как и вообще христианство, считает секс нечистым порождением дьявола. Сексуальное желание, похоть обычно изображались в

женском обличье. Целомудрие, девственность, отказ от половых сношений даже в браке почитались «святым делом», но отступление от этого аскетического принципа считались не только допустимыми, но и законными: «В своей бо жене нет греха». Однако только в браке и «чадородия ради», а не «слабости ради». Половое воздержание было обязательным по всем воскресеньям, праздникам, пятницам и субботам, а также во все постные дни. Считалось, что ребенок, зачатый в неположенный день, уже несет на себе бремя греха, хотя некоторые иерархи, например, епископ новгородский Нифонт (XII в.), считали, что если молодые супруги не смогут удержаться от близости в праздник, они достойны снисхождения.

Церковь стремилась поставить под свой контроль не только поведение людей, но и их помыслы. Вместе с тем, принимая во внимание реалии обыденной жизни, в некоторых вопросах она проявляла большую снисходительность, чем католичество. Хотя все неосвященные церковью половые связи были греховными, основное внимание уделялось защите института брака. Прелюбодеяние — супружеская неверность — считалось гораздо более серьезным прегрешением, нежели блуд. Строго регламентировались сексуаль-

ные позиции. «Рукоблудие» (онанизм) считалось сравнительно незначительным прегрешением.

— *А в действительности — в быту — соблюдались нормы, правила, предписанные церковью?*

— В быту отношения, конечно, сильно отличались от предписанных норм. В жизни было много грязи, насилия, жестокости по отношению к женщинам, особенно в периоды войн. Впрочем, в средние века так было везде. Некоторых иностранцев шокировали русские бани, в которых мужчины и женщины нередко мылись вместе. Смешанные купания в Неве отмечались даже в начале XIX века. Но при этом наблюдатели подчеркивали, что в этих ситуациях не было ничего сексуального или эротического.

Как и на Западе, в России XVII—XVIII веков сексуальные мотивы не имели решающего значения при заключении брака. Известный мемуарист XVIII века А. Т. Болотов так рассказывает о своих взаимоотношениях с женой: «Я, полюбив ее с первого дня искренне супружескою любовью, сколько ни старался к ней со своей стороны ласкаться и как ни приискивал и ни употреблял все, что мог, чем бы ее забавить, увеселить и к себе теснее прилепить можно было, но успех имел в том очень малый... Не мог я от ней <получить. — ред.> ни ма-

лейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какие обыкновенно молодые жены оказывают и при людях и без них мужьям своим. Нет, сие удовольствие не имел я в жизни!» Но чему тут удивляться, когда зрелый мужчина женится на 13–14-летней девочке? Тем не менее Болотов считает, что должен был быть «женитьбою своею довольным и благодарит Бога».

— *В XIX веке было много строгих обрядов, связанных с женихом и невестой. Они соблюдались в основном в русских крестьянских семьях и дожили до XX века. Можно ли утверждать, что в народной среде не приживались эротика и секс?*

— Это было бы в корне неправильно. Хотя быт и нравы дореволюционного русского крестьянина недостаточно изучены, а сведения, которые дошли до нас, довольно противоречивы, в глубинах народных всегда существовали мощные пласты эротики.

С одной стороны, высоко ценилась девственность. Само слово «невеста» обозначает «неведомая», «неизвестная» (в сексуальном смысле). В русских свадебных обрядах был широко распространен обычай «посада»: невеста должна была сесть на особое священное место, но не смела сделать это, если уже потеряла целомудрие. Интересно, что такое требование сохранения девственности

предъявлялось и к жениху. Если в первую брачную ночь невеста оказывалась не целомудренной, ей или ее родителям или свахе надевали на шею хомут, который символизировал женские половые органы и одновременно как бы приравнивал согрешившую к миру животных, не знающих культурных запретов.

С другой стороны, в Поморье, по сведениям конца XIX — начала XX века, на добрачные половые связи молодежи родители и село смотрели сквозь пальцы. Случаи, когда публично оповещали о «нечестности» молодухи на следующий день после свадьбы, были редки. Даже на Поморском и Зимнем берегах, находившихся под сильным влиянием старообрядчества, довольно часты были добрачные («сколотные») дети, причем и они только в редких случаях являлись препятствием к браку.

Разумеется, нарушения не отменяли общей нормы, считались греховными, их старались скрыть от посторонних глаз. Страх разоблачения был сильным сдерживающим фактором.

Тем не менее принятые повсюду формы группового общения молодежи («посиделки», «поседки», «вечерки» и т. д.) допускали, а порой и требовали некоторой вольности в обращении. И девушка, чересчур усердно сопротивлявшаяся

ухаживанию и шуткам, могла быть исключена из собрания. В некоторых русских и украинских деревнях существовал обычай «подночевывания» или «ночевки», когда парень (иногда двое-трое парней) оставался с девушкой до утра. Правда, считалось, что они при этом сохраняли целомудрие.

Описания этих обычаев противоречивы. Один из корреспондентов этнографического бюро В. Н. Тенишева писала в 1890-х годах о Пошехонском уезде Ярославской губернии, что хотя ныне такого обычая не существует, однако «в старину, говорят, в некоторых глухих местах уезда, как, например, в Подорвановской волости, на деревенских беседках... были «гаски». Молодежь, оставшись одна, гасила лучину и вступала между собой в свальный грех. Ныне только кое-где сохранилось одно слово «гаски». Другой информатор, признавая нескромность и грубость деревенских ласк и ухаживаний, вместе с тем подчеркивал, что деревенское общество, особенно старики, строго следили за сохранением девственности.

В некоторых календарных и свадебных обрядах сохранялись пережитки и элементы праздников-оргий. На русском Севере в конце XIX — начале XX века еще сохранялись «яровуха» и «скакания», которые

уже Стоглавый собор в середине XVI века именова́л «бесовскими». «Скакания» происходили в день перед венцом в доме жениха, куда молодежь, исключая невесту, ходила «вина пить», после чего все становились в круг, обхватив друг друга за плечи, и скакали, высоко вскидывая ноги, задирая подо́лы и распевая песни откровенно эротического содержания. Заканчивалось веселье сном вповалку. «Яровуха» (от языческого божества плодородия — Ярилы) состояла в том, что после вечеринки в доме невесты вся молодежь оставалась спать вповалку в невестином доме, причем допускалась большая свобода отношений, за исключением последней интимной близости. Это — явный пережиток «свального греха», одно из бесчисленных проявлений «язычества и православия».

— *Отражены ли сексуально-эротические моменты в русской народной культуре и сохранились ли они до нашего времени?*

— Письменных памятников сохранилось предостаточно. Многочисленные «эротические сказки» рассказывают о множестве героев, сочувственно описывают их сексуальные шалости, вроде овладения спящей красавицей, считают допустимым обесчестить (изнасиловать) девушку в отместку за отказ выйти замуж за героя и т. д.

Мы плохо знаем русскую сексуально-эротическую культуру не потому, что ее не было, а потому, что цензура не позволяла публиковать соответствующие источники и исследования. Русские ученые вынуждены были делать это за рубежом.

Составленный В. И. Далем сборник «Русские заветные пословицы и поговорки» (слово «заветный» значит, по Далю, «задушевный, тайный, свято хранимый») опубликован в 1972 году в Гааге. Знаменитый сборник «Русские заветные сказки» А. Н. Афанасьева составитель сам переправил в Женеву, он регулярно издавался и переиздавался в Германии и Англии. Но это — только малая часть его коллекции. Самое авторитетное исследование русского мата, написанное московским лингвистом Б. А. Успенским, напечатано в 1983—1987 годах в венгерском журнале «Студия славика». Первая и единственная монография и альбом по истории русского эротического искусства «Эротизм в искусстве» А. Флегона вышла в 1976 году в Лондоне...

Увы, мы плохо знаем собственную историю.

Беседу вела
Маргарита РЮРИКОВА

Продолжение следует

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

ГАРИК СУКАЧЕВ:

**«Я перестал
быть
человеком
тусовки»**

Я встретился с Гариком у входа на «Мосфильм», куда он прибыл на темном джипе, в перчатках с обрезанными пальцами и с мобильным телефоном в руках. Сукачев – это всегда повод для интервью. Потому что всем известен и переполнен замыслами. Вроде собирались поговорить о предстоящих концертах, но разве с ним можно только о конкретном? На «Мосфильме» он заканчивает монтаж своего нового кино. Маститые режиссеры страдают, нет средств на производство картин. «Мосфильм» пугающе тих. В его баре больше людей, чем во всех павильонах вместе взятых. За последнее время здесь сняты только два фильма. Режиссером одного из них является Сукачев.

– Честно говоря, даже не знаю, кто снимал вторую картину... – недоуменно произнес неутомимый российский рокер. – Мы с Иваном Охлобыстиным написали сценарий. Хотели делать низкобюджетное кино. Денег вообще не было. Но после того, как мы с Мишей Ефремовым поставили в МХАТе «Злодейку, или Крик дельфи-

на», наш друг Толя Воропаев, руководитель фирмы «Дивертимент», предложил мне поставить в любом театре пьесу «на Диму Харатьяна». А сценарий, который мы с Иваном написали – «Кризис среднего возраста», как раз и рассчитывался на Диму. Я выдвинул контрпредложение: «Давай снимем фильм, по бюджету

равный постановке спектакля в крупном театре». Толя согласился, хотя кино никогда не занимался. Короче, со всех сторон это была авантюра. Для нас проект выглядел просто заговором обреченных, поскольку мне предстояло обманывать спонсоров, утверждая, что на их деньги я снимаю клипы для себя и «Неприкасаемых». За небольшие суммы я снял четыре новеллы, потом за еще одну небольшую сумму соединил их в одно целое.

– *Какие же гонорары получали актеры?*

– Микроскопические, уничижительные просто. Снимались мои друзья, но были ведь и Николай Пастухов, и Татьяна Лаврова. Во-первых, им понравился сценарий. Во-вторых, ныне это хоть какой-то выход. Ты же знаешь ситуацию в московских театрах – маститые актеры получают по триста тысяч в месяц.

– *Мне не раз приходилось слышать весьма скромные кулуарные оценки актерского таланта Харатьяна. Тем паче, что почти весь его послужной список – сериалы и незатейливые комедии. Ты пригласил Дмитрия пото-*

му, что он твой друг, или действительно посчитав, что на роль подходит он и никто другой?

– Я крайне скептически отношусь к кулуарным пересудам. Тысячу раз убеждался – в основном так рассуждают люди, ни хрена собой не представляющие. Есть старая поговорка: «Собака лает – ветер носит». С Димой мы давно дружим. Он один из тех людей, ближе которых у меня нет. Но если все это опустить, могу сказать следующее. Актер – профессия подневольная, и судить об игре актера по тому материалу, который ему предлагают, неверно. Роли, на которые его до тридцати семи лет приглашали, не позволяли раскрыться его драматическому потенциалу. Но я знаю совсем иного Харатьяна. Знаю, что он способен делать как актер. Я видел его театральные работы. Он играет уже второй серьезный спектакль. Наверное, скажу циничную вещь, но в мире сейчас есть только один человек, способный до конца врубиться в дарование Димы. Этот человек – я.

– Тебя не упрекали в заносчивости? Есть еще такая старая поговорка: «Не по Сеньке шапка».

– Я не мальчишка, мне через два года сорок. Я не слышал подобных упреков от ведущих актеров театра. Они относятся ко мне с уважением, я плачу им тем же. Спектакль «Злодейка», который я поставил по сценарию Охлобыстина, идет второй сезон, и на него не достать билетов. Критика была благосклонна. Пьеса в этом году получила премию «Чайка». А совет МХАТа утвердил нас еще на одну постановку в будущем году.

– Значит, теперь ты человек искусства. Но когда-то ты точно был человеком тусовки. Когда все изменилось?

– В конце семидесятых. Наступили восьмидесятые, я повзрослел и перестал быть человеком тусовки. А до этого были длинные волосы, поездки компаниями километров за сорок от Москвы, в какие-то колхозные клубы, на концерты «Машины времени» и «Високосного лета», присказки типа «Концерт не вечен – тусовка вечна!». Но как только 14 января 1986

года, после незабвенной рок-елки, нашего первого андеграундного рок-фестиваля, я проснулся в Москве известным человеком. Я стал человеком искусства. Тогда же начались мои съемки в кино и т. д. Другая жизнь началась. Из инженера я превратился в нонконформиста, хулигана и фашиста, как писали в газетах.

– А что осталось в твоём инженерном послужном списке?

– Железнодорожная станция «Тушино». Я ее проектировал.

– У тебя мобильный телефон, джип... Давно, кстати, ездишь на хороших машинах?

– Года три.

– Что-то слабо вяжется с образом бескомпромиссного рокера...

– Джим Моррисон был миллионером, но не перестал быть великим поэтом. Владимир Семенович Высоцкий не был самым бедным человеком, но оставался Высоцким. Как относиться к деньгам... Сейчас у меня все более-менее благополучно, а в девяносто втором жрать было нечего. Сережка

Морозов, режиссер фильмов ДДТ, отдавал мне свои рекламные видеозалы, и я снимал ролики то для гробовой мастерской, то для какого-то м...цкого фонда. Мне действительно нечего было жрать каких-то четыре с половиной года назад.

— Как же это получилось с человеком, проснувшимся в восемьдесят шестом году знаменитым?

— Такова жизнь. Сегодня у меня джип, а завтра,

возможно, ничего не будет. В девяносто втором наступил определенный спад. Я распустил «Бригаду С» и думал, чем заниматься дальше.

— Твоему сыну сейчас двенадцать лет. Многие наши рок-музыканты, имеющие детей, признавались мне, что так в полной мере и не ощущают себя отцами. А ты?

— Думаю, я хороший отец.
— Строгий?

– По-разному. У нас отношения большого и маленького мужчины. Мы дружим. Я никогда не запрещаю, поскольку он ничего запрещенного и не делает. Пока меня могут насторожить в нем разве что проявления грубости, хамства.

– А марихуана?

– Он еще ребенок. Но если она появится, я вряд ли об этом узнаю. А если узнаю, то не знаю, что скажу.

– Вдруг ты захочешь его отчитать, а он возразит: «Папа, а сам-то ты...»

– Может, и так. Марихуана... С чего ты взял, может, ее вообще не будет.

– У тебя была.

– Да.

– А что еще было?

– Так, по мелочам. Ничего радикального. Всяких там иглоукалываний не было. Я вообще ненавижу шприцы – ужасное орудие. Как вижу эту выпускаемую из иглы струйку, мурашки по коже. В принципе все эти увлечения прошли в крнце семидесятых. Тогда были «колесные» и «травные» времена. А эстетские вещи – кокаин, героин и прочее – появились позже. Меня они не прикалывают. А

«колес», «траву» мы тогда довольно легко доставали. Это не требовало больших денег. Обычно кто-то один покупал и угощал остальных. Психоделика... Сэллинджер, Кастанеда, Хармс, «Откровения Иоанна Богослова», Серафим Саровский... Но основным кайфом был портвейн.

– Ты говорил мне, что сейчас у тебя не складываются отношения с водкой. Почему? И, кстати, когда они складывались последний раз?

– Да не так давно, месяца полтора назад. Сейчас просто не хочется, а может, уже просто выпил свое. Но это не значит, что я «в завязке». Я уже как-то раз попробовал поступить подобным образом. Жуткое насилие над организмом. Сейчас просто, во-первых, нет времени, во-вторых, – желания, в-третьих, известно ведь, что произойдет. Как все запойные алкоголики, я не могу пить один день – пью три. Потом три дня из этого г... выбирать.

– Чего же ты, по примеру многих наших музыкантов, не отправился на лечение в Штаты?

– Да бред сивой кобылы все эти антиалкогольные организации! Алкоголизм – это же гены. У меня предрасположенность, как у любого северного человека.

– Проблемы в связи с этим ты не испытывал? Женщины не уходили?

– Женщины от меня не уходили, поскольку я всю жизнь прожил с одной. А по пьяни много чего случалось. Бываешь добрым и всех напоишь, бываешь свиньей и подонком, бывает – тебе морду набьют, бывает – ты... Или проснешься у каких-нибудь добрых людей, чтобы сказать им спасибо, уйти и никогда в жизни больше не встретиться.

– То есть ты не мог себя контролировать?

– Какой же в пьянстве контроль? Это вот Вовка Шахрин и еще некоторые ребята могут выпивать, организмы у них другие.

– Когда начало расти твое благосостояние?

– Ну, по времени уже прилично. Ты не забывай, что я еще ежегодно снимаюсь в кино, а актер я не самый дешевый. Потом театральные работы, телевизионные.

Года три уже я не могу себя называть человеком бедным. Хотя и не скажу, что богат. Иначе бы не жил в унизительно маленькой квартире на Войковской. В этой малогабаритной двухкомнатной клетушке уже невозможно работать. Растет ребенок. Мне реально нужен кабинет. А пока я вынужден играть на гитаре, сидя в ванной или на крошечной кухне. И реагировать на каждого, кто проходит по коридору. Поэтому сейчас в моих контрактах много нулей.

– У тебя есть друзья среди коллег?

– Из рок-музыкантов самые близкие – Саня Скляр и Костя Кинчев. Я очень нежно, с любовью отношусь к Славке Бутусову, и он мне платит тем же. Но мы скорее приятельствуем. Как и с Володи Шахриным.

– А куда вся эта тусовка уходит?

– В историю (смеется).

– И больше ничего не будет?

– Ну, свято место пусто не бывает. В XXI веке родится новая музыка. Она будет называться не рок, по-моему, она умерла. Вот и все.

– А что будет – Гребенщиков?

– Гребенщиков?.. Думаю, это самое поразительное явление в нашем роке. Столько лет жить в рок-музыке... Наверное, самый большой мастер на сегодняшний день. И, наверное, не скоро родится человек такого дарования, как поэт, как музыкант, как личность. Это Художник с большой буквы.

– Ты заимел модные увлечения?

– Они были давно, но теперь стали модными. Я занимаюсь подводным плаванием.

– Ныряешь, конечно, на Канарах.

– На Канарах я еще не был. Но слетаю точно. Да, мы ездим нырять в хорошие места. У меня и жена занимается этим делом.

– Сколько денег сейчас Сукачев может выделить на отдых?

– Тысяч пять долларов. Один-два раза в год.

– Посещение ресторанов практикуется?

– Ходим с женой, с друзьями ужинать. Не скажу, что часто, но раз-два в месяц ходим. В разные, хорошие.

– Почему ты сейчас будешь выступать в «Горбушке»?

– Туда приходит рок-публика как таковая, и думаю, после «России», было бы совсем неплохо показать этим зрителям «Песни с окраины». После этого вряд ли в скором будущем займусь музыкой. Завершится работа над фильмом, начнется его жизнь, которая отнимет у меня часть времени. Весной я собираюсь вернуться к работе над фильмом «Дом восходящего солнца». Уже начались переговоры. Поэтому концерты в ДК Горбунова на какое-то неопределенное время будут вообще последними. Хотя с музыкантами мы, наверное, еще сядем на студию записать треки к моей кинопробе. Группа еще не распадается.

– А когда ты в следующий раз будешь пить водку?

– Хрен его знает. Может, завтра.

– А хочется?

– Не-а. Когда хочется, я сижу и пью ее.

Беседу вел
Михаил МАРГОЛИС

НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

Видение Девы Марии в Египте, мусульманской стране, — поистине беспрецедентное, загадочное событие. Видение наблюдали не только набожные христиане, но и мусульмане. Власти Ватикана на протяжении десяти лет воздерживались от оценки этих событий и комментариев на эту тему.

Николай НЕПОМНЯЩИЙ

ЗАГАДКИ XX ВЕКА

ДЕВА МАРИЯ ИЗ ЕГИПТА

Церковь Святой Марии находится в Египте на пересечении Томанби-стрит и Кхалил-лейн в Зейтуне, севернее Каира. Зейтун расположен неподалеку от того места, где, по преданию, жила Святая семья в то время, когда царь Ирод искал младенца Христа. Войти в церковь можно только со двора, с западной стороны, а святилище и алтарь в коптских католических церквях расположены на восточной стороне.

Впервые чудо произошло в ночь со 2 на 3 апреля 1968 года.

Окончание. Первые два очерка — в №№ 1, 2.

Двое механиков, работавших в гараже на другой стороне Томанби-стрит, увидели на большом куполе церкви фигуру, напоминающую монахиню в белом одеянии. Решив, что кто-то собирается спрыгнуть с крыши, они побежали за священником. Когда тот пришел, у церкви уже собралась большая толпа. Объяснений священника не потребовалось — все поняли, что соприкоснулись с необычайным явлением. С этой ночи сотни тысяч людей из разных стран могли наблюдать явление Девы Марии.

Явление Богородицы обычно сопровождалось загадоч-

ным свечением. Она появлялась на фоне яркого света, такого слепящего, что люди даже не могли разглядеть ее черты. А за 15 минут до ее появления небо озарялось мерцающими огнями, похожими, по словам очевидцев, на флюоресцентный свет или зарницу. Эти вспышки иногда появлялись прямо над церковью, иногда выше, в облаках.

О них рассказывают, как о «кольце ярких вспышек», «падающих звездах» и даже «бриллиантовом дожде», струящемся на пути Блаженной Девы. Иногда на голове Девы Марии можно было видеть сверкающий огнями венец, который придавал ей блеск и величие, и загадочные облака, собиравшиеся над церковью, в то время как все остальное небо было безоблачным.

Другой феномен, который наблюдали свидетели, — странные светящиеся птицы, возникающие до, во время и после появления Девы Марии, а иногда и в те ночи, когда она вообще не появлялась. Эти птицы чем-то напоминали белых голубей, но все-таки не были похожи ни на одну известную науке птицу, потому что летали очень быстро, как бы паря, но не взмахивая крыльями. (Только один из опрошенных свидетелей сказал, что видел мановение крыльев). Казалось, они пролетали сквозь прозрачное видение, но никогда не садились на церковь или растущие около нее деревья. Каждый раз

количество птиц изменялось, но они всегда летали (или парили) в определенном порядке — в виде треугольника или креста. Однажды двенадцать птиц пролетели двумя рядами по шесть.

Эти огни и птицы были предвестниками настоящего чуда. Дева Мария могла появиться над куполом церкви в вуали и длинной робе, а однажды ее увидели в большом светящемся шаре, который выплывал из-за северо-восточного купола церкви; внутри церкви, под этим куполом, находилась икона Святой Марии.

Дева Мария всегда была в движении — она наклоняла голову, приветствовала и благословляла толпу. Иногда в руке она держала оливковую ветвь, но не произносила ни звука. Видение было как бы прозрачным, и от него исходил свет, который епископ Антанасий из Бени-Суэфа и Бахнасы определил как голубовато-белый, похожий на цвет неба в погожий день.

Она появлялась между деревьями во дворе перед церковью, под каждым из куполов, в окнах большого купола и часто прохаживалась по плоской церковной крыше, откуда ее можно было обозреть со всех сторон.

Вначале Дева являлась три раза в неделю, почти всегда воскресным утром, незадолго до восхода солнца и всегда на праздники Девы Марии, которых было тридцать два в году.

С самого первого ее появления коптский религиозный еженедельник «Ватани» посвятил две страницы описанию феномена в Зейтуне. Газета также рассказывала о случаях невероятных исцелений — ведь многие тысячи людей были свидетелями зейтунского феномена и охотно делились своими впечатлениями. Вот выдержки из интервью с несколькими очевидцами.

Епископ Самуил, который видел феномен с птицами, дважды за одну ночь был свидетелем явления Девы Марии, вспоминает:

«В 2.45 утра Блаженная Мария предстала в виде ярко светящейся фигуры или фосфоресцирующей статуи. Спустя некоторое время она исчезла, но снова появилась в 4 часа и оставалась видимой до рассвета. Она медленно двигалась в западном направлении и время от времени кланяясь и благословляя народ. Ослепительный нимб окружал ее голову, и я видел светящиеся существа вокруг нее. Они были похожи на звезды голубого цвета. Сцена была необыкновенно величественной и впечатляющей».

Епископ Антанасий, который впервые побывал в церкви Святой Марии в начале апреля 1968 года и провел там целую ночь с 29 на 30 апреля, вот что писал патриарху Кириллу в своем отчете:

«Первое, что мы увидели, когда прибыли к церкви 6

апреля в 11 часов вечера, — это фигуру под северо-восточным куполом. Силуэт, видный не очень четко, стоял в углублении и медленно воспарял. Сначала я его не увидел, хотя многие люди утверждали, что видят его. Потом и я начал видеть. Видение продолжалось двадцать минут и потом исчезло. Я сказал людям, что не смогу доложить о феномене, если больше ничего не произойдет. Мы стояли в центре скопления народа до 3.45 утра. На рассвете кто-то из моих знакомых прибежал к церкви и сообщил: «Дева над средним куполом». Меня предупредили, что купол плохо просматривается из-за облаков, но тут в небе что-то вспыхнуло, будто зажглись флюоресцентные лампы. И я увидел Ее, стоящую в полный рост. Я пробрался сквозь толпу и встал перед ней. Она возвышалась над куполом примерно на 5—6 метров в полный рост, подобно блестящей статуе, но не статичной, — она двигалась, и ее одежда колыхалась. Было очень трудно оставаться на одном месте, так как со всех сторон напали люди. По подсчетам, перед церковью тогда собралась тысяча человек. В течение часа, наверное, восемь или девять раз толпа то приближала, то отдаляла меня от фигуры Богородицы.

Когда я уже выбрался из толпы, то снова услышал крики людей. Я вернулся в маленький домик — служебное здание

к югу от церкви — и наблюдал оттуда за видением с 4 до 5 часов. И все это время Богородица не исчезала — она глядела на север; она махала рукой; она благословляла людей. Она была очень спокойной и вся светилась.

Потом видение стало тускнеть. Свет стал собираться в облаке, сначала он был ярким, потом стал гаснуть и наконец совсем исчез. Я приходил к церкви после этого еще много раз, но первое впечатление от явления Богородицы потрясло меня больше всего.

Следующей ночью я пришел в церковь. Я взял ключи и вошел в дверь, заперев ее изнутри. Стоя на лестнице, ведущей со второго этажа наверх, я поднял глаза к потолку — к внутренней поверхности купола. Никто не видел меня. Я все время дрожал, поэтому вынужден был схватиться за перила. Тут я почувствовал присутствие чего-то необычного, и я начал молиться: «Если ты здесь, Святая Мария, покажись мне. Я просто хочу удостовериться, что видел тебя».

Потом я услышал крики людей. Я поспешил на улицу и увидел Деву Марию, стоящую в метре от того места, где я был».

Вот впечатления епископа Григория, записанные в январе 1969 года.

«Явление Марии я наблюдал со 2 апреля 1968 года. Время от времени их можно наблюдать и сейчас.

Я сам был свидетелем по крайней мере восьми явлений. Однажды я увидел углубление в небе, похожее на углубление в святилище коптской церкви, и Дева Мария появилась из этого углубления. Она казалась большой, была молода и красива, окружена небесным светом. На голове у нее было что-то вроде вуали, она смотрела взглядом скорбящей матери вниз, на крест на главном куполе. Она не выглядела счастливой. Два-три часа она находилась на одном и том же месте.

Все, кто приехали в Зейтун в субботу 4 мая 1968 года, видели Марию с девяти вечера до пяти следующего дня. Я сам был там той ночью. Многие отправились домой, чтобы привести своих близких и друзей. Большинство присутствующих были мусульманами.

Самое удивительное произошло под северо-восточным куполом, над иконой Блаженной Девы 1 июня. Около 9 или 9.30 вечера в центре углубления под маленьким куполом появилось свечение. Свет принял очертания шара, который начал двигаться вверх-вниз. Потом он медленно выплыл и принял очертания Святой Марии. Видение продолжалось две-три минуты, и, как обычно, люди зывали к Деве. Она, как всегда, приветствовала народ, подымая одну руку, а в другой держа оливковую ветвь. Она выглядела счастливой, у нее было доброе, улыбающееся-

ся лицо, чуть тронутое печалью.

Примерно через десять минут все повторилось сначала. Между 10 вечера и 3.30 утра я был свидетелем нескольких явлений с интервалом в десять минут. После того как Дева Мария исчезала под одним куполом, погружившись во тьму, она появлялась под другим куполом или над входом во двор. Это определенно была Святая Мария в полный рост, видимая с ног до головы. Она светилась, но не слепила глаза. Ее приятно было созерцать. Черт лица нельзя было различить, но фигура была великолепна. Эту сцену я видел бесчисленное множество раз».

Михаил Шафик, один из дьяконов, рассказывал о том, как стал дважды свидетелем явлений Девы, один раз 19 апреля и второй раз — 2 мая. С западной стороны церкви, у входа, росли два высоких дерева. В просвете между ними, высоко в небе, дьякон увидел огромную фигуру Девы — казалось, будто она объята огнем.

Хассан Моххаммед, работавший в Каирской оптической компании, и Мансур Шехета, оба мусульмане, вот что рассказывали об увиденном. Они приехали в Зейтун, потому что услышали о феномене, но они не подозревали, что станут свидетелями настоящего чуда. Около 3 часов утра, на третью ночь их пребывания у церкви они увидели над крышей церкви между двумя ку-

полами фигуру, закутанную в блестящее белое одеяние. Трижды они видели Святую Марию. «Это была не тень, не что-то искусственное. Это была Дева», — сказал Мансур убежденно.

Матильда Мессейя и ее сестра прибыли в Зейтун 6 мая 1968 года в 7 часов вечера. Им посчастливилось пробраться сквозь толпу к самому входу в церковь. Там они вместе со всеми пели священные гимны и молились до 3 часов утра. В это время Богородица появилась на ветвях дерева на южном конце двора с младенцем Иисусом на левой руке. Оба купались в лучах яркого света, на голове Девы Марии была вуаль. В течение двух часов ее видели все, кто стоял у церкви, подтвердили сестры, они также добавили, что видели птиц, «похожих на маленькие самолеты или планера».

В следующий раз они пришли к церкви 5 января 1969 года. Ночью, сквозь арки одного из маленьких куполов, они увидели Деву в красноватом свете.

Уэйди Тадрос Шумбо, который работал инженером в компании «Мобайл Ойл», подробно описал происходившее в Зейтуне:

«Две недели подряд я приезжал в Зейтун каждый день в шесть вечера и оставался до шести утра. Однажды менеджер нашего офиса, мой друг, поехал со мной. С нами были также его жена, ее сестра с

двумя взрослыми сыновьями и еще один молодой человек, христианин. Мы встали в самом удобном, на наш взгляд, месте и около 9.50 увидели свет над церковью. Появилась тонкая полоска света, будто открыли дверь в ярко освещенную комнату. Через несколько секунд перед нами предстала Дева.

Все мусульмане начали кричать. Это видение продолжалось пять минут, потом фигура воспарила и исчезла. Я смог только разглядеть, что лицо и руки были высвечены лучше всего. Это было особенно заметно, когда Святая Мария ходила вперед и назад. Когда она скрылась из виду, люди с другой стороны церкви закричали, что видят ее. Потом она вернулась на нашу сторону церкви, и мы видели ее пять минут.

Я вернулся в машину, потом понял, что из-за толпы не смогу снова пробраться к церкви. Когда раздались крики, я взглянул наверх и увидел Марию, стоящую перед крестом на центральном куполе. Невозможно описать, что я почувствовал».

Из всех свидетелей, которых опрашивали, мистер Шумбо казался наиболее откровенным и выражал большую уверенность в том, что видел.

«Я видел Деву, говорю вам. Я видел ее в полный рост. Это была не тень. Тысячи и тысячи людей из окрестных деревень и городов постелили свои покрывала на улицах и пели

гимны Деве. Никогда раньше мы не делали этого в толпе».

Камер Матта, грек-католик, видел чудесное явление 9 мая 1968 года. Он описывал его как «невероятное».

Кардинал Стефанос, патриарх Кирилл и доктор Айрут, архимандрит греческой католической церкви, сделали официальные заявления по этому поводу, которые зафиксированы в докладе египетского правительства.

Преподобный Ибрагим Саид, глава евангелистской церкви, представляющий интересы всех протестантских церквей Египта, официально объявил, что видения Блаженной Девы Марии происходили на самом деле.

Кардинал Стефанос сказал: «Нет сомнения, что все это происходило на самом деле. Это подтвердили многие коптские католики, которые заслуживают доверия. Они видели явления Блаженной Девы и представили мне во всех подробностях описание видений на куполе Зейтунской церкви. Сестра Паула де Мофало, католичка, монахиня, известная своей честностью и педантичностью, уверила меня в правдивости этих событий. Она была очень возбуждена, взволнована и говорила, что была единственным свидетелем, — тысячи других людей вместе с ней видели Деву. Это уникальное чудо сделает Зейтун всемирно известным и превратит его в место паломничества».

ИЩУ ДРУГА

Этот номер нашего журнала, дорогие друзья, к сожалению, сложился так, что для рубрики «Ищу друга» места осталось меньше, чем обычно. Просим наших читателей не расстраиваться по этому поводу — мы обязательно наверстаем упущенное в следующих номерах. А пока без длинных предисловий — к делу, вернее, к вашим письмам.

Напоследок напоминаем о новом порядке написания адреса на конверте. Не забудьте об этом, переучивайтесь сразу. А то вот появилась первая ласточка, вполне в духе нынешнего времени: некая фирма судилась с почтой, что та не доставила вовремя ее письмо в США. Почта процесс выиграла. Адрес был написан неправильно. А что фирма погорела на четыре тысяча баксов — это уж ее трудности. Но нам-то с вами такие радости ни к чему, не правда ли?

18-летняя Галя интересуется песнями и фольклором цыган. Ищет коллег по увлечению или тех, кто знает какие-нибудь редкие, старинные цыганские песни и сказки.

Степина Галя. Ул. Ильмен-Тау, д. 17, кв. 39, г. Миасс-20 Челябинской обл., 456320.

А знаете ли вы, что в поселке Озерный, что в Смоленской области, нет ни одного негра? А именно с негром желает познакомиться 15-летняя Кэт, которая еще обожает рэп, рэив, хард-рок и большие города. Если негры наш журнал не читают, то Кэт могут написать мальчишки и попроще — просто черноволосые, в возрасте 16—19 лет.

Кэт. Ул. Строителей, д. 12/5, кв. 84, пос. Озерный Духовщинского р-на Смоленской обл., 216239.

Девушки, родившиеся под знаком Рыб! Напишите Денису, который сейчас служит в армии. Он увлекается панк-роком, фантастикой и детективами, а после возвращения домой собирается создать свою рок-группу.

Кузнецов Денис. В/ч 32872-ТР, г. Безенчук Самарской обл., 446080.

Любит читать детективы и 14-летняя Наташа. А еще она любит, как сама нам написала, «долго смотреть на себя в зеркало» (неужели каждый день видит что-нибудь новенькое?)

и «наблюдать за жизнью за окном». Ох, девушки, девушки... Честное слово, в мире есть вещи и поинтереснее, чем изучать «себя, любимую» в зеркале. Хотя и без этого тоже, наверное, невозможно. Наташа хотела бы познакомиться с парнем старше себя.

Наташа. Ул. Гастело, д. 37, кв. 64, г. Советский Тюменской обл., 627740.

Есть очень неприличная знаменитая частушка про девушек из Каширы, которые спорили о красоте кое-чего... и рекламировали себя. По их пути пошла 16-летняя Анютка, написавшая следующее письмо: «Симпатичная девушка готова ответить всем-всем парням, сможет понять их мысли и проблемы. Я — это нечто! В самую лучшую сторону!» Видать, традиции не умирают. В письме есть приписка и для англоязычных: «I love you, boys!»

Анютка. Ул. Попова, д. 2, кв. 3, г. Кашира-8 Московской обл., 142900.

20-летний Николай пишет песни. Он попросил нас напечатать его адрес — может быть, кто-то из начинающих музыкантов или исполнителей заинтересуется его текстами? У него есть даже песня на английском языке.

Пономарев Николай. Ул. Ленинская, 4, ст. Каргала, г. Оренбург, 461312.

Оксана, 16 лет, очень просит написать ей юношей по имени Алексей и Андрей, но она не против переписываться и с другими юношами и девушками. «Я могу выслать ребятам стихи, которые очень легко и классно поются под гитару», — предлагает она.

Оксана. Ул. Апанасенко, 86, с. Безопасное-2 Труновского р-на Ставропольского края, 356107.

18-летняя Наташа рассказала о себе вот что. «Больше всего я, наверное, люблю ужастики. Читаю все страшненькое — начиная с Гоголя и заканчивая Стивеном Кингом. Из музыки люблю попсу, но самые мои любимые группы — «Queen» и «Чиж и Со». Пишу стихи и рассказы. Собираю открытки, посвященные церковным праздникам. Жду писем от девчонок, с которыми можно будет поделиться своими проблемами, если таковые появятся. Мальчишек я тоже не проигнорирую».

Сливакова Наташа. Ул. Ермаковская, д. 17, г. Харьков-35, Украина, 310035.

Солдат срочной службы Илларион службой доволен, но недоволен другим — никто ему не пишет. Этот недостаток своей жизни он хотел бы поправить с помощью журнала «Мы». «Я высокий —

191 см, не толстый, не худой, спорт уважаю, сам боксер, блондин с голубыми — даже скорее синими — глазами. Увлекаюсь рэпом, туризмом. Да, еще у меня есть веснушки. Надеюсь получить письмо от девушки, с которой будет интересно переписываться».

Володин Илларион. Ул. Аврора, д. 14А, кв. 51, г. Хабаровск, 680018 (это — домашний адрес Иллариона, письма ему перешлют).

«Мне 15 лет, я люблю слушать группу «Петлюра», больше всего мне нравится звучание «живой» гитары. Еще я изучаю французский язык. Жду писем от ребят-ровесников».

Гамова Маргарита, с. Большеникольское Октябрьского р-на Челябинской обл., 457153.

16-летняя Лена, живущая в древнем русском городе Пскове, почему-то больше полюбила Ставрополь, где бывает каждое лето. Она просит ребят, живущих в Ставрополе, написать ей. Лена — будущий художник, увлекается фотографированием, каратэ, неплохо играет на гитаре.

Баловнева Лена. Ул. Госпитальная, д. 15А, кв. 54, г. Псков, 180002.

Еще одна Лена написала нам из Эстонии. Ей 18 лет, она

любит музыку (в частности, группу «Нэнси») и проводит свое свободное время с друзьями. Но ей очень хотелось бы иметь друзей по переписке и в России.

Lena Ivanova. Gerasimova 6—80, Narva, Eestonia EE 2000. Лена Иванова. Эстония.

20-летний Олег просит писать ему тех, кому сейчас от 19 до 22 лет, — с этими ребятами, как он считает, общаться интересно, в этом возрасте к дружбе уже начинают относиться серьезно. Олег любит современную эстрадную музыку, рисует пейзажи, увлекается народной медициной и даже умеет вязать.

Колесников Олег. Ул. Суворова, д. 38, кв. 41, г. Приозерск Ленинградской обл., 188760.

Вот такое письмо мы получили от 15-летней Светланы. «На своем горьком опыте я поняла, что настоящих идеальных друзей нет. Я и не хочу искать идеал друга. Я уверена, что с людьми, которых ты постоянно видишь, трудно добиться полного взаимопонимания. Поэтому я хотела бы найти себе друга по переписке. Ведь это — совсем другое: ты не знаешь внешне этого человека, но со временем ты можешь узнать его внутренний мир, его душу. И он тебя будет судить не по твоей внешности, а по мыс-

лям...» Светлана любит фантастику различных направлений и русский рок и надеется, что получит письма от тех, кому будет интересно с ней переписываться.

Светлана. Ул. Коптевская, д. 83, корп. 2, кв. 57, Москва, 129336.

Юноши по имени Александр, Владимир и Сергей! Именно от вас, а также от девушек с любимыми, без ограничений, именами ждет писем 15-летняя Женя, брюнетка с серыми глазами, поклонница «Иванушек», «Петлюры» и «Агаты Кристи».

Евгения. Ул. Парковая, д. 19, р. п. Маслянино Новосибирской обл., 633570.

Пришло письмо из места, где довелось когда-то побывать и которое приятно вспомнить — из села Каролино-Бугаз, что в Одесской области. Славное местечко! Отдыхавшие там на базах отдыха центральную улицу прозвали «Вонючий проспект» — легко догадаться, за что. Но живут там три веселые девчонки Катя, Нана (Наташа) и Руся (Руслана), которые считают себя независимым политическим образованием. Но в этой республике мужского населения, видимо, немного — вот девушки и приглашают парней составить им компанию...

Катя, Наташа, Руслана. Ул. Ленина, 1Б, с. Каролино-Бугаз Овидеопольского р-на Одесской обл., Украина, 272066.

ВАШИХ ПИСЕМ ЖДУТ:

Яна, ул. Юннатов, д. 2Б, кв. 12, г. Майкоп, Адыгея, 352711 — и Ира, ул. 12 Марта, д. 146, кв. 59 в том же городе. Девушки утверждают, что хороших парней нет, и просят их разубедить в этом.

Улицкая Алина, ул. Победы, д. 27, кв. 105, г. Апатиты Мурманской обл., 184200. 18 лет, поклонница «Агаты Кристи».

Мэди, аб. ящик 8093, г. Улан-Удэ, 670013. Это — девушка, которая ничего о себе не написала.

Кудрявцева Ира, с. Тюинск Октябрьского р-на Пензенской обл., 617841. Обожает «рыженьких котят» и «рыженького Андрея» из группы «Иванушки», впрочем, и всю группу в целом.

Пономаренко Михаил, ВВВУТ-«Ц», г. Вольск-3 Саратовской обл., 412680. Курсант 2-го курса военного училища.

Тихомирова Ирина, дер. Уварово, п/о Голицы Торопецкого р-на Тверской обл., 172882. 17 лет, увлекается спортом, рисованием, пишет стихи и даже катается на лошади.

**ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!
ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!**

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Подскакивая на исторических ухабах, продолжает неторопливое движение по жизни наша телега. Несутся по столбовой дороге прогресса всякие там «мерседесы» и «БМВ». Лайнеры в небе ревут, «Шаттлы» с «Прогрессами» стыкуются... Пусть стыкуются, пусть ревут – каждому свое. А тут еще во время техосмотра обнаружилось явное сходство нашей телеги с парадной каретой последнего Государя-Императора. Нет, форма там, дизайн еще так-сяк, но вот все остальное, вроде бы, точно совпадает. Особенно колеса. Тоже круглые! Хорошо бы журналистов пригласить; пусть растрезвонят по всему свету, кто мы на самом деле такие есть. Или толковый писатель рассказ про нас пусть напишет. Алексей Андреев, например. Тем более что опыт такого рода у него уже имеется.

Алексей АНДРЕЕВ

РОДСТВЕННИКИ

Так как-то получается, что народ теперь все больше норовит во дворянство податься. В крайнем случае, в купечество. Но это когда особняк какой-никакой остался, или магазин, или водка с именем. Причем делают это, как правило, одни и те же люди!

Вот и соседка Петра Кузнецова, Анна Ивановна, отловила его как-то у подъезда и давай чуть не в нос какой-то бумагой тыкать.

– Подпишите, – говорит, – что я на дочь царевны нашей невинно убиенной похожа. – И фотографии какие-то младенческие подсовывает, без трусов. – Вот, – говорит, – царевна кверху пузом, а вот я. Похожа ведь?

Кузнецов застеснялся и спрашивает:

– А в трусах есть?

– А зачем? – удивилась Анна Ивановна. – Вы что, трусов никогда не видели?

– Вообще-то видел, – честно признался Кузнецов. – Просто я не могу так при всех порнографию разглядывать.

– Ой, бросьте! – отмахнулась Анна Ивановна. – Сейчас по телевизору разве что в прогнозе погоды порнографии не бы-

вает, чтобы от карты не отвлекать, а вы детских фотографий стесняетесь.

– По телевизору, – сказал Кузнецов, – я такие вещи смотрю один. Иногда лишь – с котом. А тут с вами приходится. Группенсекс какой-то получается.

– Хорошо, – вздохнула Анна Ивановна, – если вы такой скромный, то я отвернусь. – И отвернулась.

Смотрит Кузнецов на фотографии – ну, лицо так-сяк, а вот руки, ноги, живот очень похожи. О чем соседке и сообщает.

– Отлично, – обрадовалась та, – подписывайте скорей, мне еще сегодня три дома обойти надо.

– Но как же так, – вдруг вспоминает Кузнецов, – вы ж еще недавно пионерам про бревно рассказывали – как с Лениным его тащили? А потом говорили, что вы дочь Анки и Чапаева. И фотографию свою показывали у пулемета. На фоне Фурманова.

– Это ж я для конспирации, – говорит на это Анна Ивановна и на Кузнецова, как на последнего идиота, смотрит. – За мной тогда следили.

– Кто?

– Да большевики проклятые! Чтоб их скрючило.

– Так вы ж вроде сами в партии были, – не успокаивается Кузнецов. – С семнадцатого года.

– Нехорошо, – пристыдила его Анна Ивановна, – еще молодой женщине так грубо на возраст намекать. А что касается партии, то у меня тогда задание такое было – разлагать изнутри.

– От кого?

– Что – от кого?

– Ну, задание от кого?

– От Дома Романовых, естественно, – устало отвечает Анна Ивановна, всем своим видом показывая: ты чего, сосед, «Панадолу» обьелся, сам о таких простых вещах догадаться не можешь?

«Действительно, – думает Кузнецов, – ну не Ильич же ей это поручил, когда она с ним бревно перла».

– И как, – интересуется, – трудно разлагать-то было?

– А то, – вздыхает Анна Ивановна, – иной раз так наразлагаешься, что прям ног под собой не чуешь.

– Да-а... – с уважением протянул Кузнецов, – а я-то думал, она сама стухла, партия-то.

– Сама! – с обидой воскликнула Анна Ивановна. – Да сама бы она еще лет пятьдесят тухла и все кругом завоняла, если б не я. – И задумчиво добавила: – Интересно, орден за это никакой сейчас не полагается? «За шестьдесят лет разложения КПСС», к примеру. Надо бы узнать... – И опять начала Кузнецову бумагу свою подсовывать. – Так что, подпишете?

– А зачем вам это надо-то? – спрашивает Кузнецов. – Шапку Мономаха все равно ведь не отдадут.

– А Зимний, значит, пусть так бесхозный и стоит? – резонно отвечает на это Анна Ивановна. – Я уж и документы на прописку подала.

«Действительно, – думает Кузнецов, – чего это я? Такая жилплощадь зря пропадает».

В общем, подписал он ей бумагу, а на днях журнал один открывает, а там про султана какого-то одинокого пишут, который родственников ищет. И фотографии его, включая младенческие, без трусов. Как увидел их Кузнецов, так сразу себя и узнал. Прям вылитый он. Нет, лицо, конечно, так-сяк, но руки, ноги, живот – чисто его. Только черные.

Так что теперь он тоже подписи собирает. Там дворец большой, то да се. Не Зимний, конечно, но тоже неплохо. ■

А недавно занялась наша телега частным извозом. А что – нормальное дело; лишняя денежка в бюджет не повредит. Опять же истории разные, ситуации и коллизии. Тут на днях подвозили двух... ну это ваще! Прямо сюжет для небольшого рассказа. Рассказ-то, собственно, уже написан и даже напечатан; всего-то и требуется от вас что напечатанное – прочесть.

Анатолий НОВИКОВ

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ПРИЧУДЫ

Был теплый апрельский вечер. Восьмиклассники Кареев и Бугреев сидели у Кареева дома и штудировали рекламную газету.

– Гляди, вот еще! – воскликнул Кареев и с выражением прочитал: «Обворожительные девушки скрасят досуг одиноких господ со средствами. Интимные услуги любого характера, выполнение самых экзотических причуд».

– Здорово! – сглотнул слюну Бугреев – а экзотические причуды – это что?

– Хрен его знает... Да ты не дрейфь, это все детали! Ну что, звоним?

– А может в другой раз.

– Когда?! В кои-то веки родители на пару дней уехали... – и Кареев с решительным видом набрал номер.

Разговаривал он по телефону недолго.

– Порядок! – потер руки он, положив трубку. – Приедут две рыжие.

– Почему рыжие?! Мне не нравятся рыжие!

– Мне тоже. Но брюнеток и шатенок, говорят, уже разобрали.

– Но хоть недорого? – жалобно спросил Бугреев.

– Да как тебе сказать... В общем, уйдет все, что мы с тобой заработали за год мытьем машин у светофора.

– Но это же грабеж! – взвыл Бугреев.

– Отступать поздно. Готовься к встрече, Казанова. Дамы будут через час.

Подготовка была недолгой. Надушившись одеколоном «Чиполлино» и пригладив вихры, Кареев и Бугреев стали бесцельно ходить из угла в угол, то и дело натыкаясь друг на друга.

Наконец в дверь позвонили.

– Ты смотри! Как в аптеке! – взглянув на часы, испугался Кареев и на негнувшихся ногах пошел открывать.

Бугрееву захотелось исчезнуть. Он заметался по кареевскому жилищу в поисках запасного выхода.

Кареев открыл входную дверь. На пороге стояли Петрова и Курочкина, их одноклассницы.

– Кареев?! – опешила Петрова. – А чего ты здесь делаешь?!

– Чего-чего! Живу я здесь, вот чего!! А вы куда это такие намазанные?..

В это время из глубины квартиры донесся сдавленный стон.

– Ой! Кто там у тебя?! – испугалась Курочкина.

– Бугреев. К контрольной готовимся.

Через минуту Кареев вернулся в комнату и затащил обратно в дом Бугреева, застрявшего в форточке.

– Отбой! – нервно рассмеялся он. – Ложная тревога.

– Кто приходил?

– Петрова и Курочкина.

– Чего им надо?!

– Откуда я знаю! Я не спрашивал. Ошиблись, похоже.

– И чего шлятся! Чего шлятся! Ночь же на дворе!

– Не говори! Хорошо еще, они наши «экзотические причуды» не застали! Дуры рыжие!!!

Но дамы в тот вечер так и не пришли.

Леонид
Мельник

Любим мы поэтов иронического склада, чего уж греха таить. Лирик, он что – он у себя в душе в основном ковыряется, как будто там что-то интересное есть и кого-то его внутренний мир интересуется. Нет, бывают, конечно, исключения, но редко. А поэт-иронист и смотрит ширше, и копает глубже. Даже если про себя любимого напишет, все равно потом любопытно читать. А когда не про себя, а про известную какую персону – тут уж вдвойне-втройне. Иной, конечно, возмутится: незатично, мол, человек знаменитый, общественно-полезный, а про него тут всякую чушь!..

«А кто его, – ответим мы на это, – просил известным становиться?! Был бы, как все, – и ничего бы не было. Раньше, короче, надо было думать, уважаемый г-н Суворов (Менделеев, По и Рамзес)!

Игорь ИРТЕНЬЕВ

ВЕРСИЯ

– Не ходи, Суворов, через Альпы, –
Говорил ему Наполеон. –
Здесь твои орлы оставят скальпы,
У меня здесь войска – миллион.

Говорю тебе я как коллеге,
Как стратег стратегу говорю,
Здесь твои померзнут печенег
На конфуз российскому царю.

Знаю, ты привык в бою жестоком
Добывать викторию штыком,
Но махать под старость альпенштоком –
Нужно быть последним дураком.

Но, упрямый проявляя норы,
В ратной сформированной борьбе,
Александр Васильевич Суворов
Про себя подумал: «Хрен тебе».

И светлейший грянул, как из пушки,
Так, что оборвалось все внутри:
– Солдатушки, бравы-ребятушки,
Чудо вы мои богатыри!

Нам ли узурпатора бояться?!
Бог не выдаст, не сожрет свинья!
Где не пропадала наша, братцы!?
Делай, православные, как я!

И, знаменем осенившись крестным,
Граф по склону первым заскользил.
Этот миг на полотне известном
Суриков, как мог, отобразил.

Так накрылась карта Бонапарта
Ни за грош, пардон, ни за сантим,
...С той поры мы в зимних видах спорта
Делаем француза, как хотим.

Сергей САТИН

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Великий химик Менделеев
Умом пытливым обладал
И, много славных дел содеяв,
Толчок прогрессу мощный дал.

Неоднократно, год за годом,
Он потрясал научный мир.
И был любим простым народом,
А также женщин был кумир.

Раз с аспиранткою молодою
— К открытию века на пути —
Соединял он спирт с водою,
Пытаясь оптимум найти.

Сей ключевой вопрос науки
Стоял ребром уж много лет,

Но не давался людям в руки
Простой, на первый взгляд, ответ.

Однако тут особый случай;
Свой Менделеев ум напряг –
И, озарен догадкой жгучей,
Непроизвольно вскрикнул: «Ах!»

И, кинув в штоф лимонных корок,
Он записал скорей в тетрадь:
«Процентов спирта нужно – сорок!!!
Не пятьдесят, не двадцать пять!

Запомни сей закон великий
Всяк сущий на земле язык –
И швед, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык!..»

Соединил он спирт с водою
В соотношении нужном том,
И с аспиранткою молодою
Забылся богатырским сном.

Первопроходцам русским слава,
И мертвый кто, и кто живой!
Крепи, великая держава,
Потенциал научный свой.

У ферм, у домен, у дисплеев,
В морях, в горах, среди равнин –
Везде ты с нами, Менделеев,
России гениальный сын!

Владимир МАРФИН **ОТКРОВЕНИЕ ПО**

У мистера Эдгара По
спросила некая малютка:

– Ах, мистер По, скажите, почему вы пишете так жутко?

– Малютка! – снял цилиндр По и поклонился, бодр и строен.

– Пишу я столь ужасно потому, что, видно, так устроен.

К тому ж, – смеясь добавил По, – (и в этом тоже нет секрета)
я вынужден пугать вас потому, что платят мне за это!

Вадим ЗАБАБАШКИН **ФАРАОН**

Говорил Рамзес четвертый,
полагая, что не глуп:

– Буду жить, пока не мертвый.
А умру – заройте в куб!

И, жрецов окинув взглядом,
подытожил твердо он:

– Пирамиды мне не надо;
буду в кубе фараон!

Но жрецы, хотя и слыли
просвещенной стороной,
фараона в шар зарыли
вместо куба. В шар – земной.

Потому что жрец верховный –
бога Ра ближайший друг –
знал: Земля – квадратной формы,
вроде как большой сундук.

Из-за шара с кубом козней
фараона след исчез.

Все хотел пограндиозней
этот геометр Рамзес!

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Юрий АНТОНОВ:
*«Я всю жизнь
мечтал построить
дом»*

Юрий Антонов живет в легендарном подмосковном поселке Переделкино, за высоким коричневым металлическим забором, в четырехэтажном собственном белом доме. «Под крышей дома» его комнат столько, что сам хозяин затрудняется сосчитать, но твердо знает, что их больше десяти. Зато доподлинно известно, что в особняке также наличествуют четыре туалета, десятитысячедолларовый бассейн, ванна «джакузи», сауна, бар, бильярдная, профессиональная студия звукозаписи, два настоящих камина, элегантный рояль и разнообразная, сами понимаете какая, мебель. «Мы все спешим за чудесами, но нет чудесней ничего, чем та земля под небесами, где крыша дома твоего...» Антонову спешить некуда — чудеса уже наличествуют. По вечерам на его участке не только «лунная дорожка сверкает серебром», но и блестит, освещенная изящными итальянскими фонарями, тропинка, ведущая к калитке с глазком. Подобный свет льется и на похотный на флигель гараж, где отдыхают три автомобиля маэстро: «Тойота», «Вольво» и, представьте себе, «Нива». И с утра до ночи раздаются в этом райском подмосковном уголке мяуканье и лаянье восьми антоновских кошек и четырех собак. Нет-нет, вот тут вы не угадали. То не дорогостоящие персы, загадочные циветты, курцхары и далматины, хотя один впечатляющий дог имеется. То простые, породистые и беспородные бомжи фауны, коих новоиспеченный народный артист в разное время нашел и приютил на своем участке, поскольку «болезненно воспринимает бездомных животных». Бывали периоды, когда у Антонова обитали и по двенадцать — тринадцать кошек и по пятнадцать собак. Он предоставлял им кров, еще когда записывался в просторной студии на Маросейке. Такая вот прелюдия.

— Я понимаю, почему сегодня отовсюду мечтающие стать звездами провинциалы устремляются в Москву. Но вас-то что сподвигло в те далекие годы оставить родную Белоруссию и устремиться в российские мегаполисы? Кого делегировала Белоруссия — «Песняры», «Сябры», «Верасы»? Исключительно ансамбли, солистов не было. Вы имели шанс высоко пробиться, а в Москве так легко было затеряться.

— Но не затерялся же. Впрочем, я подобным образом и не рассуждал. Все сложилось так, как сложилось, и я рад этому. Все, что я делал, оказалось правильным. Хорошо, что уехал из Белоруссии в Ленинград, из Ленинграда в Москву и что из Москвы не уехал в Америку.

— Был момент?

— Конечно. В семьдесят шестом мои документы лежали в ОВИРе.

— Существовала конкретная причина для такого решения?

— Да нет. Просто мне было здесь плохо. Чувствовал, что абсолютно лишен всякой свободы. Я оказался невыездным. Мои друзья ездили куда-то по всему миру, а меня не пускали, не имея на то никаких оснований.

— Почему так происходило, вам до сих пор неизвестно?

— Это узнать невозможно, только если архивы КГБ полистать. Тогда ведь ничего не объясняли.

— По идее, вы рисковали. Вам могли отказать. Остались бы в Союзе, и наверняка возникли бы проблемы с работой, с получением каких-то регалий.

— Примерно через год я сам забрал свои документы. А так — что могло бы сорваться? Я же не в оборонной промышленности работал. К тому времени мое имя было уже достаточно известно. В семьдесят первом году вышли мои первые пластинки, потом в семьдесят втором, семьдесят четвертом. Они продавались миллионными тиражами. Чего мне было бояться?

— О том, что вы подали документы, знали коллеги и начальство?

— Знали, но никто меня не притеснял. Я продолжал активно работать.

— Политических мотивов в желании эмигрировать не было?

— Абсолютно. В те годы я политикой вообще не интересовался.

— А когда заинтересовались?

— Пожалуй, с горбачевского периода кое-что мне стало

любопытно. А сейчас с интересом просматриваю все программы новостей.

— *Вы не просто заинтересовались политикой — вы попытались участвовать в ней, причем в соратники избрали весьма одиозную структуру — ЛДПР.*

— Я никогда не был членом этой партии и особо не разделял ее взглядов, за исключением тех, что естественны, по моему, для любого человека — увеличение российской мощи, повышение благосостояния народа, стремление, чтобы с нашим государством считались в мире. Подобные принципы присутствуют, кажется, в программах всех партий.

— *Почему же альянс возник именно с ЛДПР?*

— От этой партии мне поступило предложение баллотироваться в депутаты Госдумы. Меня это заинтересовало, я согласился, но стать депутатом не получилось.

— *Если на следующих выборах вам вновь предложат баллотироваться, вы согласитесь?*

— Сомневаюсь. Не буду столь наивным — ведь я стал жертвой некой политической игры.

— *Вы обижены на ЛДПР?*

— В определенной степени. Вдобавок я сильно заболел,

чуть ли не воспалением легких, после многочисленных предвыборных поездок и агитационных выступлений. Кампания же протекала зимой, перед Новым годом. Так что впечатления у меня остались вдвойне неприятные.

— *Дача-то у кого лучше — у Жириновского или у Антонова?*

— У него государственная дача, а у меня не дача, а дом. Но не сомневаюсь, что он имеет возможность построить себе любой дом. Государственная же дачка у него скромная, старая, но в привилегированном месте, по моему, в бывшем дачном поселке Совета Министров.

— *Во сколько обошелся вам этот дом?*

— Очень недорого, по нынешним ценам, конечно. Потому что я сам закупал для него материалы, а не доверил строительство какой-нибудь фирме, накрутившей бы три цены. У меня турки строили, два с половиной года. И сейчас, кстати, еще не все завершено. Проект дома, между прочим, я сам создавал.

— *Трудно было приобрести участок в Переделкино и почему именно здесь — престижно или захотелось оказаться по-*

ближе к творческой интеллигенции?

— Нетрудно. Для этого я восемь месяцев покупал газету «Из рук в руки». Искал предложения, устраивавшие меня. Выписывал все интересное на специальную длинную бумагу. Объездил все Подмосковье и нашел в одной из газет Переделкино. Я выбрал его не потому, что это престижно, а потому, что подъездные пути хорошие, до центра удобно добираться, Москва рядом, Солнцево.

— *Солнцевская братва...*

— Ну, это не имеет никакого значения.

— *Вы знакомы с представителями этой ячейки общества?*

— Знаком кое с кем, чисто по-человечески, по-соседски.

— *То есть если что-то с вами случится — помогут?*

— Думаю, да. А что может произойти?

— Ну, например, дачу ограбят — преступников быстро найдут?

— Думаю, найдут. Хотя я не хотел бы разговаривать на эту щекотливую тему.

— *А где вы обитали до постройки столь шикарного особняка?*

— В небольшой двухкомнатной квартире в районе Воронцовских прудов.

— *Так ваше благосостояние так сильно выросло за последние три года?*

— Ничего подобного. Дом построен на деньги, заработанные в прежние годы.

— *То есть вы этаким накопитель?*

— Да, не транжир. Я всю жизнь мечтал построить дом, а в советские времена не мог купить себе даже нормальную квартиру, хотя зарабатывал большие деньги.

— *Как вам удалось сохранить такие средства в нашу сумбурную эпоху?*

— Быстро и вовремя перевел их в определенное качество, то есть в нормальную валюту, не подверженную девальвации. Как раз во время перехода от Союза к Российской Федерации. У меня в банке лежали солидные суммы, но купить ничего значительного я не мог, и люди помогли, посоветовали: «Надо действовать, Юрок, а то сгоришь».

— *Во всякие «Тибеты», «Властелины», «МММ» вы не верили? Многие наши звезды чувствительно пострадали от деятельности подобных организаций.*

— Никогда не участвовал и не буду участвовать в таких аферах. Мне не нужны мгновенные миллионы, сделанные из воздуха. Я зарабатывал деньги постепенно, но своим трудом. Не на улице их находил, а сутками сидел в студии, давал в день по четыре — пять концертов. Сам зарабатывал, сам тратил. Но никогда поэтому не любил казино. Я отношусь к деньгам серьезно и не люблю их проигрывать.

— А какие увлечения были в молодости?

— Женщины, конечно.

— Много?

— Достаточно.

— Сколько разбитых сердец осталось после ваших романов?

— Достаточно. Ну, не разбитых — раненых. Люди встречаются, люди расходятся...

— Где встречались — на гастролях?

— Естественно. Большая часть жизни проходила на гастролях.

— Короче, несерьезные романы были?

— Нет. Просто нормальные состояния молодого, энергичного человека.

— Сколько раз вы были женаты?

— Три раза... (Улыбается).

— Ваши жены знали о ваших отношениях с артистами?

— Нет. Одна жила в Париже в Нью-Йорке, другая в Париже, третья в Загреб.

— Они были социалистическими?

— Двое — немки, а третья — югославка.

— В данный момент вы находитесь в состоянии разведенного?

— Да.

— Ищите четвертую супругу?

— Ищу?... (Улыбается). Не сказал бы, что ищу...

— Но были бы не против?

— Это сложный вопрос. (Улыбается). Возможно. Не могу сейчас точно ответить.

— А кто был инициатором расставаний?

— Я, конечно.

— После этого они тут же эмигрировали. В России им с вами было тесно?

— Не забывайте, тогда еще был Советский Союз. Так что места предостаточно. (Смеется).

— Сейчас вы не имеете с ними никаких отношений?

— Практически. Разошлись и все. Я не хотел бы это комментировать.

— А сколько детей Антонова ходит по свету?

— Не подсчитано, честно признаюсь. Но, думаю, достаточное их количество крепило обороноспособность нашей Родины.

— *Но официальных, занесенных в паспорт, нет?*

— Нет. А зачем? Так исторически сложилось.

— *Вы их умышленно туда не вписывали?*

— Что-то вы, Миша, глубоко копаете...

— *Надо, публике же интересно.*

— Не-е, не надо... (Долгий, хитрый смех).

— *Что, наследников опасаетесь?*

— (Громкий смех). Да-а...

Юрий не транжир, но если его покоряет настоящее чувство, способен быть очень щедрым по отношению к возлюбленной. Когда-то он дарил своим женщинам множество парфюмерии, а самой обожаемой, в 1985 году, привез из первой загранпоездки в Финляндию, где записывался на крупной фирме звукозаписи, два чемодана одежды. Сейчас он легко может повести приглянувшуюся особу отобедать в «Метрополь» или пригласить на отдых в заморские края,

куда никогда не отправляется в одиночестве. Но часы «Картье» за пятнадцать тысяч долларов может получить от него только та единственная, что вряд ли встретится в ближайшее время.

Кстати, за рубежом Юрий летает только первым классом и останавливается, конечно, только в фешенебельных отелях. «На карман» берет по-разному, но, в принципе, считает, что на пять тысяч американских денежных единиц особо не разгуляешься. Правильно — чего скупиться на собственные удовольствия? Не поскупился же маэстро на роскошный бильярд, что поставил в своем впечатляющем билдинге. Ну любит музыкант покатать шары с друзьями.

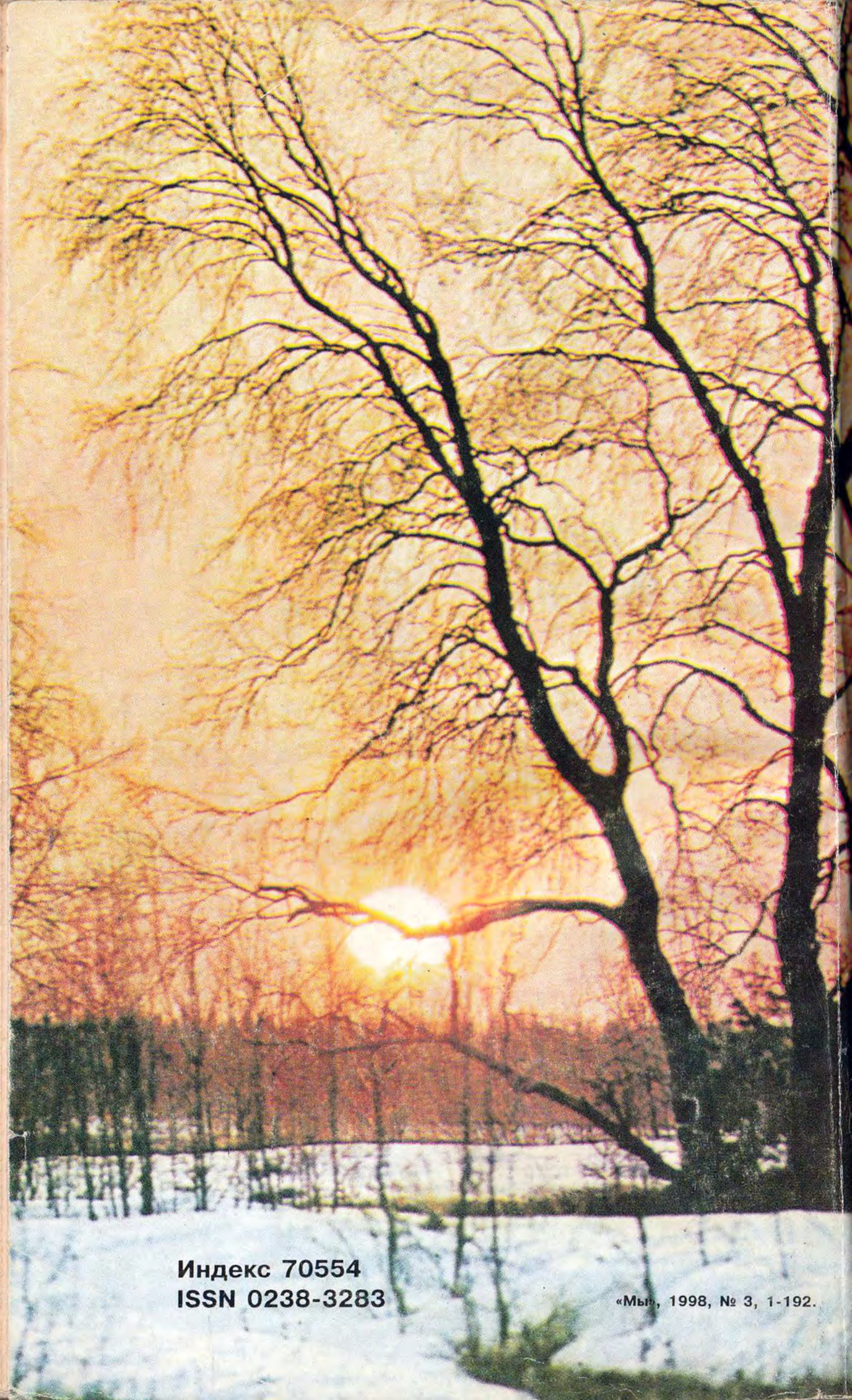
Сэкономить можно на полиграфии. Поэтому Антонов не намерен пока заказывать новые афиши с титулом «народный артист». Зачем? Он недоумевает:

— Еще осталось много с надписью — «заслуженный деятель искусств». Не выбрасывать же?

Беседу вел
Михаил МАРГОЛИС

Юрий АНТОНОВ

Индекс 70554
ISSN 0238-3283

«Мы», 1998, № 3, 1-192.